Жизнь в Российской империи

Жизнь в Российской империи

Новые источники в области археологии и истории XVIII века

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Жизнь в Российской империи

Новые источники в области археологии и истории XVIII века

Материалы международной научной конференции
Москва, 31 октября – 1 ноября 2018 г.

Москва
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Ж71

Утверждено к печати Учеными советами
Института археологии РАН,
Института российской истории РАН

Ответственные редакторы:
Л.А. Беляев, В.Н. Захаров
Редакторы:
И.И. Елкина, С.М. Шамин

Ж71 Жизнь в Российской империи [Текст] : новые источники в области археологии и истории XVIII века : материалы междунар. науч. конф. / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН . – М. , 2018 . — 135, [1] с.

ISBN 978-5-8055-0344-4

В издании публикуются материалы, подготовленные к научной конференции, которая проходила 31 октября – 1 ноября 2018 г. в Москве. В рефератах и тезисах докладов участников конференции подняты проблемы отражения различных аспектов жизни Российской империи XVIII века в исторических и археологических источниках. Книга предназначена историкам, археологам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

В оформлении обложки использован фрагмент кроки землемера Козмина. «Вознесенская площадь и Екатерининский дворец в селе Коломенском». 1785 г. Публикуется впервые
(РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1201. Л. 239).

ISBN 978-5-8055-0344-4

© Институт археологии РАН, 2018
© Институт российской истории РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Беляев Л.А.

Жизнь и смерть в Российской империи: археология *versus* история

В первой половине 2010-х гг. в науках, изучающих прошлое России на основе традиционных (письменных, изобразительных) источников и материалов, доставляемых археологией (со смежными ей естественнонаучными областями) произошли важные сдвиги в сторону более плотного взаимодействия между дисциплинами. В изданной в 2012 г. к 1150-летию российской государственности коллективной монографии «Русь в IX—X веках: археологическая панорама» (под редакцией академика Н.А. Макарова) были собраны главы специалистов-археологов, которым предпосылалось методико-источниковедческое вступление, написанное с участием ведущих исследователей-текстологов. Риторика подхода формулировалась ими как поиск соответствия исторических (= традиционных) свидетельств с новыми (= археологическими) реалиями.

Продолжением и развитием начатого труда стала конференция «Русь в IX—XII веках: общество, государство, культура», прошедшая в том же знаменательном году, но материалы вышли через два года. Этот сборник объединил ученых-историков разных специальностей, которые выступали на совместной конференции, организованной двумя институтами РАН, ответственными за изучение общего хроно-географического пространства страны: Институтом археологии и Институтом российской истории.

По мере расширения коллективной работы, становилось все яснее, что между учеными, анализирующими материальные и традиционные источники, сохраняется и отчасти даже расширяется полоса отчуждения. Это естественное следствие растущей специализации дисциплин, формирующих своего рода барьеры компетенций, преодолеть которые без глубокого внедрения в «чужую» область, без профессионального овладения инструментарием и спецификой исследования источников определенного вида стало уже невозможным. Более того: двигаясь в этих расходящихся направлениях, ученые все более теряют контакт друг с другом, а выводы в их трудах часто мало сопоставимы друг с другом, их все труднее использовать в одном и том же аналитическом контексте.

Отдельную проблему создавало восприятие средневековых и, особенно, постсредневековых разделов археологии как иллюстратив-

ных, не обладающих самостоятельной проблематикой, неспособных генерировать собственные вопросы и темы для исследований, остающихся в поле чисто-источниковедческих, «лабораторных» тематик. Лавинообразное накопление полевых материалов требовало, однако, выработки методов совместного историко-археологического (или, в зависимости от точки зрения, археолого-исторического) исследования, отчасти заявленных еще в 1980—1990-х гг. как комплексные.

Заданный на домонгольских материалах алгоритм совместной работы вскоре нашел применение в пространстве гораздо более поздней истории, истории Смутного времени и первых Романовых. В 2013 г. на совместной конференции «От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.» ([Беляев Л.А., Юрасов А.В. отв. ред.] От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв. Материалы науч. конф. М., Вологда, 2016.) удалось найти подходы и темы, интересные как историкам, так и археологам, изучающим «поздний» период. Взаимное тяготение этих огромных областей истории достигло наивысшего уровня на следующей конференции, в которой организаторы попытались отойти от хронологического подхода в пользу тематического, «сюжетного». На прошедшей в 2016 году конференции «Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи» были не просто представлены очерки о тех или иных исторических персонажах, но подняты принципиальные вопросы методики биографики (просопографии) и, главное, заявлено о формировании своего рода гомункулуса — археологической личности ([Беляев Л.А., Рогожин Н.М. отв. ред.] Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. М., 2016; см. также: Беляев Л.А. Историческая личность в зеркале археологии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 82—90).

Тем временем, продолжалось и развитие дискуссий, выстроенных по принципу хронологии: в 2017 году успешно прошел семинар «Московская Русь. Новые открытия в области археологии, истории и топографии XII — середины XV в.», посвященный удельному периоду и корням Московского государства (материалы конференции готовятся к изданию). Казалось бы, следующий шаг очевиден: заполнить последний пробел в историко-археологической колонке отечественной истории, обратившись к теме становления централизованного Московского государства и первым шагам к формированию

многонациональной страны — это потребовало бы одной или двух конференций, посвященных середине XV — началу XVII в.

Однако мы поступили иначе и вышли за пределы традиционного понимания археологии как науки, границей которой служит допетровский период. Дело в том, что археология XVIII и XIX вв., всего пару лет назад получившая право на самостоятельное существование в науке, гораздо более нуждается в разработке собственной проблематики, чем относительно традиционная археология Московского периода. Да, археологи вскрывают тысячи квадратных метров слоя городов, построенных заново при первых Романовых, в петровскую и пост-петровскую эпоху. Да, в массовом порядке изучаются погребения на забытых и, казалось, навсегда потерянных кладбищах. Да, изучаются с целью восстановления десятки, и, пожалуй, даже сотни храмов по всей стране. Да, приобрела некоторое значение археология быта, торговли и потребления в Новое время, а также военная археология и некоторые другие направления.

Но все это имеет в основном практический выход и в лучшем случае служит мелкими дополнениями, иллюстрациями к национальному нарративу, для той эпохи достаточно устойчивому и богатому традиционными источниками. А вот что составляет основную задачу археологии для этого времени, есть ли у нее какие-то собственные измерения, собственное целеполагание? Или это целиком служебная отрасль, призванная помогать строительству вообще и строительству музейных экспозиций в частности, снабжать убедительными картинками детские книги и многотомные «общие истории»? Так или иначе, материала все больше, а его появление вызывает вполне естественные попытки перейти к научному анализу — увы, пока довольно слабые и редкие.

Мы полагаем, что настала пора оглянуться назад, устроить смотр достигнутого, увидеть друг друга и обсудить темы, над которыми работаем. Важно также познакомить коллег-историков XVIII—XIX веков, ведущих исключительно активные исследования, с первыми результатами, достигнутыми археологией внутри того же периода. А главное, самим познакомиться с теми задачами истории, в решении которых может уже сейчас помочь археология.

Сам список докладов, отобранных на конференцию, показывает известную родственность тематик, которые, кажется, вполне возможно будет соединить в ближайшем будущем. По сути дела, не про каждую работу сразу скажешь, куда ее поместить, в раздел истории или по ведомству археологии: тут и там встречаешь тексты о надгробиях и кладбищах, о развитии городов и путях уточнения их пла-

нировки, об одежде, тканях и наградах, о торговле и добыче ископаемых. Несомненно, это обещает живой взаимный интерес и, как результат дискуссий, подъем на более высокую ступень в изучении истории России Нового времени.

Агеева О.Г.

Графика празднеств и траурных торжеств русского двора XVIII века

Праздничная графика торжеств и траурных событий Романовых, имевших место в Петербурге и Москве в XVIII в. разнородна по технике исполнения и тематике. Она включает планы (фиксационные и аксонометрические), рисунки и гравюры (офорты) военных триумфов, фейерверков, коронаций, погребений Романовых и др. По аналогии с устоявшимся термином «архитектурная графика», они могут быть обозначены термином «праздничная графика» (хотя в альбом архитектурной графики включены и листы с изображением празднеств).

По своему назначению праздничная графика имела как информационный и мемориальный характер, так и утилитарный. Ее создатели стремились запечатлеть в художественном виде современникам и потомкам торжественные события или показывали декоративное оформление и расстановку лиц во время торжеств их организаторам, рядовым участникам и зрителям. Последнее фиксировалось в виде схем и рисунков, которые являются не только изобразительными, но и делопроизводственными источниками.

Одни из произведений праздничной графики еще неизвестны, другие, посвященные коронациям, фейерверкам, триумфальным воротам и шествиям, уже растиражированы искусствоведами и реже историками (труды Е.И. Кириченко, М.А. Алексеевой, И.Н. Слюньковой и др.). При работе с праздничной графикой полезно обращаться к другим разновидностям источников, например, мемуаристики, что позволяет всесторонне описать торжественное или печальное событие. До сих пор специальное внимание графике торжеств в основном уделяли искусствоведы, историки же использовали ее только в качестве иллюстраций. Между тем совмещение изобразительных и письменных источников может дать интересный результат.

Сказанное справедливо для изображений планов праздничных военных парадов XVIII в.: часть из них опубликована или только упоминалась, но не воспроизводилась в каталоге Государственного Эрмитажа (Архитектурная графика России. Первая половина XVIII в. Науч. кат. Л., 1981. № 186, 187, 196—199, 241), а другая неизвестна и хранится в РГИА, РГАДА и других архивах. На фиксационных и представляющих редкость аксонометрических планах (размер 32 на 50 см, 31,5 х 40 и др.) изображается парадное построение полков (реже судов на Неве) в дни тезоименитства и коронования Елизаветы Петровны, праздника Богоявления (6 января ст.ст.) и т.п. Планы выполнены тушью и имеют подкраску акварелью или же являются поздними копиями в виде чертежей тушью, датируемыми XIX в.

Дополняя письменные источники, планы парадов показывают расстановку гвардейских и полевых полков по улицам Петербурга около каменного и деревянного Зимних и Летнего дворцов, а также на льду Невы. На них имеются масштабная линейка в саженях, в картушах даны даты и наименования праздников, наименования полков и часто их численность, а также общее количество офицеров и солдат (от 11 до 16 тысяч человек). Иногда планы содержат наименования улиц, городских строений и др. Художественное оформление планов XVIII в. включает барочные фигурные картуши и рамки, различное цветовое решение отдельных полков, городских кварталов, улиц и др.

Особый интерес представляют подписи на планах парадов. На них указаны высокие воинские чины — майор князь Черкасский, граф А. Бутурлин и др. Вероятно, они не являлись авторами планов, а только заказчиками, и перед нами — офицерская графика.

Подобно планам парадов, графика торжеств и погребений Романовых дополняет информацию делопроизводственных и мемуарных источников и сама может быть «пояснена» источниками письменными. Для примера можно взять неопубликованный, но уже описанный в специальной статье рисунок тушью размером 111,5 х 46 см (РНБ ОР. Собрание рисунков. Д. 1220) с первым изображением печальной процессии членов дома Романовых. Его сравнение с делопроизводственными источниками всех погребений высочайших дам первой трети XVIII в. позволило сменить указанное на рисунке название с погребения царицы Марфы Матвеевны (1716 г.) на погребение царевны Натальи Алексеевны (1717 г.), назвать по именам около 180 из почти 200 изображенных в процессии человек, уточнить детали нового траурного декора — вид печальной короны царевны, катафалка, использование щитов с двуглавым орлом, вид траурных тростей мар-

шалов и прочие, то есть наглядно показать вид европеизированного оформления печального события дома Романовых.

Та же новизна в сведениях о событии свойственна графике, касающейся торжеств, проходивших внутри императорских дворцов. Например, существенно дополнила письменные источники схема (перо, чернила, 32 х 21,5 см) расстановки в Георгиевском зале Зимнего дворца участников интронизации Павла I как гроссмейстера мальтийского ордена в 1798 г. (РГИА. Ф. 473. Оп.1. Д. 50). Изображение показало введенную Павлом новую расстановку высочайшей фамилии и чинов на троне (теперь на троне присутствовали все члены императорского дома за исключением маленьких детей и занимали места строго по иерархии), места мальтийского посла и знамен у его подножия, придворных чинов по сторонам зала, полукружия групп кавалеров орденов и цепочек конногвардейцев. Таким образом, схема служит иллюстрацией других источников Церемониальной части, описывавших церемонию торжества.

Андрианова Л.С., Гуслистова А.Н.

К вопросу о формировании городской территории Вологды в XVII—XIX вв. по результатам историко-археологических исследований

Изначально заселение и застройка Вологды велись в тесной взаимосвязи с ландшафтно-топографической ситуацией, что обусловило существование порядковой нецентрической системы городских улиц вплоть до городской реформы 1780-х гг. В XVI—XVII вв. Вологда условно делилась на четыре неравных части — Город (крепость), Верхний и Нижний посады, Заречье. Центральной частью была вологодская крепость, строительство которой связано с именем Ивана Грозного. Археологическое изучение Вологды в границах крепости XVI в. началось с середины 1950-х гг. в основном через наблюдения за земляными работами и закладки небольших рекогносцировочных шурфов. В последние годы, в связи с активизацией строительных и реставрационных работ отдельные участки в границах крепости изучались широкими площадями. Наиболее значимые по объему и научной ценности материалы получены в 2007—2008, 2011 гг. в ходе раскопок на Кремлевской и Тор-

говой площадях в северной части крепости (работы Л.С. Андриановой, Н.Б. Васильевой, А.Ю. Кашинцева, И.Ф. Никитинского, И.В. Папина). Исследованная площадь составила 1120 м^2; мощность культурного слоя 4,0—4,6 м, а хронологический диапазон XIV—XX вв. Значительная мощность культурного слоя объясняется топографическими особенностями местности (низинный заболоченный участок с прудами, оставшимися от верховых болот), вследствие чего шло быстрое накопление влажного культурного слоя, в котором сохранились изделия из органических материалов, остатки жилых и хозяйственных построек, мостовые, частоколы.

Особенно активно эта территория застраивается в XVII в. Прослежено несколько срубных построек как небольших размеров, так и более крупных, таких как сруб № 4 в раскопе 29, где сохранился бревенчатый накат под печь и остатки самой кирпичной печи. Примерно в середине XVII в. сруб был перестроен. Новое сооружение, окруженное массивным забором-заплотом, представляло собой крупную трехкамерную постройку — связь «изба-сени-изба», состоящую из двух домов: переднего («летнего») дома, выходившего окнами на улицу, и небольшого заднего дома с печью («зимовка»). Между собой дома были соединены настилом-«мостом». Помимо жилого дома внутри усадьбы располагались две хозяйственные постройки, мостки и три врытые в землю бочки, одна из которых являлась колодцем оригинальной конструкции. За пределами усадьбы зафиксирован край мостовой, ведущей к церкви Покрова на Торгу. Вероятно, дом просуществовал до пожара второй половины XVIII в., а затем был отстроен заново в соответствии с «красной линией», установленной при Екатерине II. Остатки сгоревшего дома были заложены елочными гатями и засыпаны землей. Несколько деревянных сооружений XVII в. (мостовая, остатки срубов с вымостками) прослежены в раскопе 28 на Торговой площади. С XVIII в. связаны две довольно крупные деревянные постройки (раскопы 22, 25) и мощный каменный фундамент, выявленный в раскопе 28.

Помимо археологического изучения пространственной организации крепости важны и исторические методы, прежде всего картографический и просопографический, которые могут не только восстановить историческую топографию в границах вологодской крепости XVI в., но и узнать имена и социальный статус домовладельцев, чьи дворы-усадьбы были выявлены в ходе раскопок.

В течение XVII в. в крепости упоминается несколько улиц: Большая, Большая мостовая, Большая Водяная (Водяная), Вознесенская, Соловецкая, Покровская, Рождественская, Поповская, Пятницкая, Благовещенская, Борисоглебская, Сицкая, Стрелецкая слобода. Ис-

ходя из указанных в кадастрах XVII в. топографических ориентиров — церквей Покрова на Торгу, Николаевской на Извести и Казанской церкви на Болоте можно предположить, что найденные дворы, скорее всего, располагались в Покровской слободе, а обнаруженная мостовая относилась к улице между Никольской и Покровской церквами. По данным XVII в. к ней в разное время относилось от 13 до 72 дворов. В переписной книге 1711 г. топоним Покровская улица отсутствует, а в обывательских книгах конца XVIII в. появляется вновь.

По документам палаты гражданского суда и окладным книгам XVIII—XIX в. известно, что дворы меняли владельцев довольно часто и могли какое-то время как объединяться, так и разделяться. Деревянные дома XIX в. (ныне почти все замененные новоделами), располагавшиеся в Покровском приходе (54 квартал по генеральному плану Вологды), были жилыми и в разное время имели от 2 до 5 владельцев. Два каменных жилых дома на современной ул. С. Орлова построены не ранее первой четверти XIX в., так как на плане города 1798 г. отсутствуют. Остатки найденного при раскопках каменного фундамента можно соотнести с каменным флигелем, снесенным во второй половине XIX в., в котором располагалась часть красильной фабрики.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (и Вологодской области (в рамках научного проекта № 18-49-350008 «Вологда в период Позднего Средневековья: междисциплинарные исследования по материалам раскопок влажного культурного слоя в границах крепости XVI века»).

Аурова Н.Н.

Кадетские корпуса XVIII в. как явление культурной жизни России

История кадетских корпусов является одной из важных страниц в истории русской культуры и истории русского образования. Изучение системы военного образования в России, составной частью которой являлись кадетские корпуса, во многом помогает воссоздать и скорректировать облик русского офицера, так как кадетские корпуса были именно теми учебными заведениями, в которых формировалась личность будущего офицера.

Кроме того, изучение кадетских корпусов представляет особый интерес в исследовании истории образования в России. В XVIII веке при неразвитости системы гражданского образования кадетские корпуса выполняли функции и гражданских учебных заведений, занимаясь подготовкой гражданских чиновников, по сути совмещая начальное, среднее и высшее (университетское) образование. В кадетских корпусах проходили подготовку не только будущие офицеры, но и будущие чиновники и дипломаты.

В кадетских корпусах начинал формироваться тип личности будущего офицера. Именно там будущие офицеры постигали и азы военной науки, и представления о нормах поведения, своде определенных правил, составляющих сущность военной службы, воинской корпоративности и кодексе военной чести. Выйдя из корпуса и прибыв в полк, молодой офицер уже на практике постигал военную науку и нередко посвящал ей всю жизнь. Попав в полк, молодой офицер, оказавшись в новых условиях, продолжал воплощать в жизнь те традиции и те правила, с которыми он соприкасался при обучении. Повседневная жизнь и столичного и провинциального офицерства состояла не только в бесконечных учениях, подготовках к смотрам, парадам, карточным играм и кутежам. Несмотря на все эти явления, они сохраняли привычку к чтению и умственному труду, что было свойственно для человека Эпохи Просвещения. Прибыв в полки, молодые офицеры продолжали следить за событиями и внешней и внутренней политики России, выписывали книги и журналы, заводили полковые библиотеки, продолжали заниматься самообразованием. Так, в «Записках...» П.Х. Граббе содержатся воспоминания о том, как к совершенствованию своих знаний в иностранных языках молодых офицеров поощрял командир полка, сам хорошо образованный человек. (Граббе П.Х. Записная книжка П.Х. Граббе. М.. 1888). Подобные явления находят отражения и в мемуарах Н.И. Цылова. (Цылов Н.И. Записки о моей жизни // Щукинский сборник. М., 1906.) В воспоминаниях А.Л. Филипповой, посвященных ее отцу генерал-лейтенанту Л.А. Васильковскому, говорится о том, что отец и выйдя в службу из корпуса продолжал вести дневники, куда заносил мысли из прочитанных книг, а также занимался алгеброй, геометрией, естественными науками, о чем свидетельствуют его выписки, рисунки, чертежи и интерес к этим занятиям сохранял всю свою жизнь. (Филиппова А.В. Из воспоминаний // Русский Архив. 1917. № 2—3). Здесь надо отметить, что генерал-лейтенант Л.А.Васильковский военной службе отдал, за исключением небольшого перерыва, почти 60 лет, посвятив ей практически всю жизнь.

Одним из любимых и самых популярных занятий было ведение рукописных журналов. Так, рукописные журналы Сухопутного шляхетного корпуса являются бесценным источником по изучению литературных вкусов, философских, нравственно-этических и политических представлений эпохи Просвещения, то есть культуры XVIII в. в целом.

Еще одним важным свидетельством приобщения к культурной жизни в кадетских корпусах было создание корпусных театров. В Сухопутном шляхетном корпусе был основан один из первых русских театров, на сцене которого ставил пьесы выпускник корпуса поэт и драматург А.П. Сумароков.

Таким образом, кадетские корпуса в XVIII в. играли значительную роль в культурной и общественной жизни государства и в российском образовании.

Базарова Т.А.

«Провинности» новгородского коменданта Василия Матвеевича Вяземского

Создание в 1708 г. Ингерманландской (с 1710 г. Санкт-Петербургской) губернии с Санкт-Петербургом в качестве административного центра (в которую вошли Новгород и уезд) изменило структуру управления Новгородской землей. Согласно государеву указу от 15 февраля 1712 г. надлежало «...в губерниях генерал-губернаторам и губернаторам в городы комендантов выбирать, по своему рассмотрению, годных и умных людей» (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV. № 2484. С. 805). Так, вместо воевод и губернаторов в Великом Новгороде появились коменданты, которые подчинялись петербургскому губернатору А.Д. Меншикову (1673—1729). Царские указы приходили в Великий Новгород уже не напрямую, а через распоряжения петербургского губернатора, вице-губернатора или ландрихтера.

Первым новгородским комендантом стал И.Ю. Татищев (1652—1730), а затем его сменил Василий Матвеевич Вяземский. Капитан лейб-гвардии Семеновского полка полковник В.М. Вяземский был ранен в сражении при Лесной (1708) и в Прутском походе (1711), и по состоянию здоровья получил отставку. В январе 1715 г. приговором Правительствующего Сената он был «определен» комендантом

одного из городов Азовской губернии (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1892. Т. V. Кн. I. № 60. С. 37). Однако данное назначение не состоялось. Весной 1715 г. В.М. Вяземский приступил к обязанностям коменданта Великого Новгорода и занимал эту должность два года. В июле 1717 г. он был вызван в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию, чтобы ответить на обвинения, выдвинутые против него архиепископом Ладожским и Карельским Аароном. Сохранившиеся в Архиве СПбИИ РАН в одном из дел Новгородского архиерейского дома отписки, донесения и челобитные, а также переписка Разряда духовных дел с Петербургской губернской канцелярией проливают свет на взаимоотношения коменданта и представителей духовных властей Великого Новгорода (Колл. 183 «Новгородские акты». Оп. 1. Д. 642).

В 1717 г. в одной из своих отписок архиепископ Аарон упомянул, что в инструкции («пунктах»), которую 13 марта 1715 г. губернатор А.Д. Меншиков вручил В.М. Вяземскому при назначении на должность особо оговаривалось: «...кроме одного города и опроче служилых людей ведать, и до земских никаких дел касатся, и во оные весма вступать не велено». Однако компетенция новгородского коменданта не ограничивалась гарнизонными делами. Исследователи отмечают, что обязанности комендантов не были четко определены законодательством. М.М. Богословский выделил финансовые, судебные, а также функции: перепись населения, сборы налогов, натуральные и денежные повинности, доставка грузов, заготовка леса, а также судебные разбирательства по уголовным и гражданским делам и проч. (Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903 г. Сентябрь. С. 58).

В Великом Новгороде действия коменданта затрагивали сферу интересов Архиерейского дома. В 1717 г. в ответ на поданную на него жалобу В.М. Вяземский заверил руководство Губернской канцелярии: «...в домовые ни в какие дела, в которые царского величества указом вступать мне не велено, но я в такие дела и не вступаю». Тем не менее его деятельность вызывала неодобрение духовных властей. Так, в феврале 1716 г. после смерти митрополита Иова В.М. Вяземский по указу Правительствующего Сената опечатал архиерейскую ризницу (что возмутило судью Разряда духовных дел Серапиона Аничкова). В 1717 г. комендант приставил караул к содержавшемуся в Архиерейском разряде раскольнику Семену Денисову (и был обвинен в его побеге).

Присланные в Петербургскую губернскую канцелярию из Новгорода отписки содержали многочисленные жалобы на произвол и

притеснения, которые чинил новый комендант архиерейским людям: разрешил ямщикам без согласования с Разрядом духовных дел селиться на архиерейских и монастырских землях; принимал челобитные на архиерейских людей; «незнаемо для чего» доставил и несколько дней держал в приказной палате стряпчего Кузьму Бухвостова, а также мать и жену подьячего архиерейского дома Тимофея Неелова; намеревался снести лавки на Софийской стороне в Большом земляном городе, чтобы принудить владельцев к уплате оброка (а они выделяли средства на содержание четырех богаделен); отправлял на работы людей, ждущих архиерейского суда, и пр.

Обвиняли коменданта в оскорблении и избиении должностных лиц. Так, в присутствии Аарона комендант дьяка Григория Наумова «безвинно своими руками бил, и за волосы драл, и по земли волочил, и шпажным ефесом зубы ему до крове розбил». Переписавший дворы в Водской и Обонежской пятине комиссар Семен Глебов доносил, что комендант его «...увечил и голову во многих местех тростью испробил, и бранил всякою неподобною бранию, и хотел заколоть шпагою».

Неодобрение духовных властей вызвала и деятельность коменданта, связанная с организацией противопожарных мер. Великий Новгород сильно пострадал от пожаров в мае 1709 и мае 1712 г. В начале мая 1715 г. В.М. Вяземский известил архимандрита Серапиона Аничкова о полученном царском указе распределить новгородцев для тушения пожаров по сотням и десяткам «поулично», подготовить багры, топоры, «парусы» и проч. В мае—июне 1715 г. были составлены списки городовых бобылей Торговой и Софийской стороны, а также крестьян Чудиновой улицы.

В июне 1717 г. новгородский комендант приказал объезжему Абраму Бастрикову на Софийской и Торговой сторонах «у всяких чинов людей... для опасения пожарного времяни» запечатать избы, солодни и кузни, мыльни и бани. В том же месяце поручение везде, «где архиерейского суда люди жилища своя имеют», запечатывать печи в избах и банях получил сын боярский Максим Жеглов. Также ему надлежало следить, чтобы на дворах в кадках была вода, имелись ушаты, лестницы и «прочее ко угащению огня приличное орудие». Таким образом, в 1717 г. печи у архиерейских людей запечатывали и представитель коменданта, и служитель Архиерейского дома. Архиепископ Аарон неоднократно подчеркивал, что домовые люди не подчиняются коменданту. Выступая против нововведений в пожаротушении, он утверждал, что многие из распределенных по десяткам людей часто бывают в отъезде по делам, а полагавшееся за «непри-

ход на пожар» взыскание озлобит людей. Домовые люди «по древней обыкности» всегда приходили тушить пожары, за чем смотрели назначенные Архиерейским домом надзиратели.

В.М. Вяземскому удалось ответить на все пункты выдвинутого против него обвинения, но в Великий Новгород он уже не вернулся. Связанные с расследованием его деятельности в качестве коменданта материалы, содержат ценнейшие сведения по истории Великого Новгорода петровского времени.

Баранова С.И.

В ожидании археолога: неизвестные дворцы Коломенского XVIII—XIX вв.

Ни один из череды сменяющих друг друга дворцов в великокняжеской, а затем царской загородной резиденции в Коломенском не уцелел. Среди них и остававшийся долгое время неизвестным дворец Екатерины II, и сменивший его дворец Александра I, в основной части не сохранившийся. Для изучения дворца Екатерины II привлечены письменные и иконографические источники: описи (РГАДА. Ф. 1239. Д. 32295, 42611, 69325 и др.), чертежи и планы (РНБ. Ф. 40. Ед. хр. 14.), позволяющие составить представление о его облике и интерьерах. Немногочисленные опубликованные источники (Камер-фурьерский журнал 1787 г. СПб., 1886) оказались полезны для восстановления хроники строительства дворца. Эти материалы послужили основой для первых публикаций о дворце (Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 318—333; Она же. К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // Архитектурное наследие. Вып. 63. М., СПб., 2015. С. 78—95).

Предшественниками этого дворца были, по крайней мере, два других — знаменитый деревянный дворец первых Романовых, чаще именуемый просто «дворец царя Алексея Михайловича», по заказчику основного строительного этапа, и деревянный же великокняжеский и царский двор XV—XVI вв. Дворец первых Романовых, как известно, дожил до 1667 г., когда и был разобран по указу Екатерины II.

Впервые императрица побывала в Коломенском во время своего приезда в Москву на коронацию, состоявшуюся 22 сентября 1762 г.

После недолгих попыток спасти старый дворец, показавшихся чрезмерно дорогими, его решено было разобрать. В 1766 г. последовало распоряжение императрицы о постройке нового дворца в Коломенском, который возвели к лету 1767 г.

В следующий приезд в Москву Екатерина II посещает Коломенское весной 1767 г. для осмотра «новостроящагося в том селе дворца», а 11 июля того же года ее встретит готовый дворец. Императрица побывает в Коломенском, приезжая в Москву в 1775, 1785 и 1787 гг. Видимо, в связи с последним визитом во дворце были проведены ремонтные работы (РГАДА. 1239. Оп. 3. Ед. хр. 29327).

Чертежи и описи дают исчерпывающее представление об архитектуре Екатерининского дворца. Это здание — один из ранних примеров русского классицизма. Оно было четырехэтажным: два нижних этажа каменные, верхние — деревянные. Наиболее точно представить его облик позволяют чертежи проекта с изображением фасадов дворца со стороны реки Москвы и со стороны сада (собрание РНБ). При изучении планов каменных и деревянных этажей дворца «с обозначением покоев императрицы Екатерины Второй и цесаревича Павла Петровича» была впервые выдвинуто предположение о вероятном зодчем здания (Баранова С.И., Ухналев А.Е. Екатерининский дворец в Коломенском и московское дворцовое строительство в первой половине царствования Екатерины II // Petro Primo Catharina Secunda; Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы Материалы 8 Международного петровского конгресса. СПб., 2017. С. 254—265.) Обстоятельные описи дворца детально описывают внутреннее убранство дворца.

От Екатерининского дворца почти не осталось следов, кроме найденной при раскопках в 2000 г на территории Кормового двора белокаменной скульптуры, а также изразцов, относящихся к печам в хозяйственных помещениях (Бродская А.А. Изразцы из Коломенского дворца XVIII века // КМИ. Вып. 5. М., 1993. С. 212—223; Баранова С.И. Изразцовая летопись Москвы. М., 2012. С. 149—151).

В 1825 г. на месте снесенного дворца Александр I повелевает построить новый дворец, размеры которого вписываются в предыдущий. Он был создан архитектором Е.Д. Тюриным. Сохранившиеся чертежи и изображения, а также уцелевший павильон, позволяют составить представление о дворце, основной корпус которого не сохранился (Каулен М.Е. Работы архитектора Е.Д. Тюрина в Коломенском // КМИ. Вып.1. И., 1991. С. 92—105; Ильина М.Н. Изобра-

жение коломенских дворцов в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника. М., 2012).

Александровский дворец завершил историю дворцового строительства в Коломенском. Проект нового дворца, созданный архитектором А.И. Штакеншнейдером в 1836 г. по повелению Николая I остался неосуществленным.

Несомненно, два исчезнувших дворца, XVIII и начала XIX века, к тому же стоявшие не на том месте, где знаменитый дворец XVII столетия, заслуживают внимания не только историков архитектуры, но и археологов. При прокладке пожарного водопровода в 1970-х гг. на их участке, представляющем сейчас всхолмление над краем террасы к северу от церкви Вознесения, в разрезе траншеи были отчетливо видны белокаменные и кирпичные своды, а также значительные по объему завалы строительных деталей и блоков. Стоит вспомнить и о том, что именно здесь старые исследователи Коломенского помещали княжеский двор Василия III и Ивана Грозного. Раскопки руин дворцов XVIII—XIX вв. представили бы сегодня особый интерес, ведь это несомненный памятник древности (граница охраняемого археологического наследия уже законодательно отодвинута в начало XX в.). Важным шагом это было бы и для Коломенского. Введя в состав демонстрируемых объектов, по крайней мере, одну великолепную архитектурно-археологическую руину, музей напомнил бы об отодвинутом на второй план интереснейшем периоде жизни усадьбы второй половины XVIII—XIX в.

Барахович П.Н.

Денежные сметы и таможенные книги как источник изучения градостроительства Сибири XVII – начала XVIII вв. (на примере Енисейска)

Денежные сметы (книги) городов и острогов Сибири представляют собой ежегодные отчеты воевод о «приходе» и расходе денежных средство в течении отчетного года.

В составе фонда 214 РГАДА (описи 1, 5) сохранилось 56 денежных книг Енисейского острога за периоды 1623—1638, 1648—1659, 1672—1717 гг. (Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895. Ч. 1. С. 378, 379.)

«Приходная» часть денежных книг содержит данные о количестве оставшихся денег с предшествующего отчетному году, объеме присланных денежных средств из других городов, размере денег, полученных в Енисейском уезде в качестве оброчных и откупных платежей, пошлин, штрафов (например, «заповедей» за незаконное винокурение).

Сведения об оброчном обложении дают массу фактического материала об объектах енисейского торга (с 1684 г. в денежные книги вносится количество собранного оброка со всех двухэтажных и одноэтажных лавок, «скамей» и «скамейных» мест в «мясном» и «рыбном» торговых рядах, амбаров, погребов, скотобоен).

С 1675 г. появляются перечни кузниц, находившихся на «верхнем посаде» Енисейска за р. Мельничной (в 1685 г. из соображений пожарной безопасности кузницы были перенесены за пределы посада). С 1703 г. оброк начинает взиматься с кожевен, харчевен и «мылен» (бань) Енисейска. Над одной из харчевен располагалась енисейская земская изба (место пребывания выборного земского старосты). В 1713 г. на посаде появляется первая частная мельница.

«Расходная» часть каждой денежной книги состоит из перечня окладных (запланированных) и неокладных (незапланированных) расходов. Окладные расходы включали, в основном, жалованье служилым людям, ружникам (попам и причетникам) и оброчникам. Благодаря записям о выдаче жалованья ружникам можно датировать появление в Енисейске XVII — начале XVIII вв. некоторых приходских церквей (Введенской, Богоявленской, Спасской, Троицкой, Рождественской, Воскресенской, Богородицкой Божедомской).

Перечни неокладных расходов существенно информативнее. Наибольшее количество данных в них касается комплекса построек двора енисейского воеводы (в том числе расходы на строительство, ремонт и отделку нескольких жилых построек двора, устройство печей, караульной избы, погребов и др.).

С 1681 г. в денежных книгах появляются записи о ремонте и перестройке «дьячего двора», где проживал присланный из Москвы в Енисейский разряд дьяк или подьячий с приписью.

За казенный счет производилась постройка и ремонт главного административного здания Енисейска — съезжей (приказной) избы.

Регулярно встречаются данные о строительстве и ремонте аманатского двора, тюрьмы, казенных амбаров, казенных мельниц (они часто повреждались льдом и талой водой и поэтому требовали ремонта либо полного восстановления). В 1649 г. за казенный счет

около Спасской горы был построен особый житный двор, который в 1675 г. обнесли отдельным острогом.

Особой статьей в денежных книгах идут траты на винокуренную поварню, в частности — на изготовление «аппарата» для курения государева вина (котлов, труб, каменных горнов). Также за казенный счет в Енисейске строили кружечные дворы и кабацкие избы для продажи государева и «подрядного» вина.

В 1684 г. в Енисейске были сооружены две богадельни, представлявшие собой избы с пристроенными к ним часовнями.

Важнейшими являются сведения денежных книг о строительстве в Енисейске к 1672 г. «тройного» винного и зелейного (порохового) погреба. Остатки этого сооружения были обнаружены в ходе недавних археологических раскопок в Енисейске.

В меньшей степени денежные сметы отразили расходы на строительство острожных укреплений, поскольку «городовое дело» было повинностью всего населения.

В 1635 г. в Енисейске появляются таможенные головы, которые обладали автономностью по отношению к воеводам (Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, С. 230). В ведении таможенных голов находилась таможенная изба, а также некоторые строения гостиного двора. Данные о тратах на строительство и ремонт этих объектов содержатся в «расходной части» некоторых таможенных книг (всего их сохранилось в фонде Сибирского приказа 27 шт., большинство из которых приходится на вторую половину XVII — начало XVIII вв.). Из них можно узнать, что на гостином дворе Енисейска имелась «двухэтажная» изба для временного проживания приезжих торговых людей. Сам гостиный двор был обнесен особым острогом, протяженностью 108 сажень. Для археологического изучения Енисейского острога очень важны данные о возведении на гостином дворе около 1656 г. обширного погреба с каменным выходом для хранения привозимых на продажу товаров.

Таким образом, изучение денежных и таможенных книг дает представление о местах расположения, внешнем облике жилых и нежилых построек, облегчает археологам датировку изучаемых памятников. С учетом удовлетворительной сохранности источниковой базы, это справедливо и для других городов и острогов Сибири.

Беляев Л.А.

Археология, архитектура и литературные источники XVIII—XIX веков: культурно-исторические сюжеты

...то были выписки из различных указов, касающихся до земских дел, доставшиеся ему по наследству от батюшки, блаженной памяти подьячего с приписью...

Вл. Одоевский, «*Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем*»

В литературе XVIII—XIX вв. рассыпаны бесчисленные рассказы, позволяющие понять, путем взаимного сопоставления, синхронные им особенности материальной культуры и обычаи, а также верно истолковать более ранние сюжеты, остающиеся непонятными для археолога. Да и просто включить в исторический контекст новую информацию, обогащающую перечисленные в заглавии области. Часть этих сюжетов время от времени публикуется, другие ждут издания, но важно рассмотреть их вместе, поскольку при этом возникает очень интересное и до сих пор не открытое пространство XVIII века, в котором взаимопроникновение разных форм источников выглядит на редкость естественным и делает картину поистине трехмерной. Мне представляется, что это позволит обозначить одно из полей, на котором «поздняя археология» может оказаться областью, если не равной по количеству и значимости письменным и изобразительным источникам, то, по крайней мере, достаточно самостоятельной и привычной для историков.

В этом докладе из необъятной массы авторов XVIII—XIX вв. выбраны два, тексты которых имеют очевидно мемуарный характер. Это Е.П. Римская-Корсакова/Яньковская с ее «Рассказами бабушки» и Н.С. Лесков, чьи «Печерские антики» имеют с ней ряд общих историко-культурных черт.

Так, старый вопрос о погребениях в церковных апсидах оказался неожиданно и просто разрешимым на примере двух случаев: хитроумно рассчитанного на обход церковного запрета погребения Дмитрия Александровича Янькова, мужа Елизаветы Петровны, в еще не освященном алтаре придела в родовой усадьбе храма, и попросту нелегального погребения под алтарем малозначительной Троицкой церкви в центре древнего Киева (см.: Беляев Л.А. Погребения в ал-

тарях: литературные решения археологических загадок // Живая старина. № 2. 2016. С. 8—10).

Не менее старая проблема «корсунских» реликвий, на уровне появления в церковном и антикварном обиходе слова «корсунчик», отчасти прояснилась благодаря рассказу Н.С. Лескова о подготовке старообрядцев к приезду Николая I на открытие Цепного моста в Киеве в 1852 г. (см.: Беляев Л.А. Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура... М., Вологда, 2017. С. 530—542).

Более детально использовать запись рассказов Е.П. Яньковской удалось при анализе археологической ситуации в Зачатьевском монастыре на Остоженке (Москва), который с конца XVII века стал родовым для Римских-Корсаковых. В докладе будут представлены погребальные памятники под надвратной церковью Спаса Нерукотворного, построенной стольником Петра I, Андреем Леонтьевичем (1664—1704), принадлежавшим к калужской ветви многочисленного рода Римских-Корсаковых тогда (1692—1697) — воеводой на Вятке.

В их числе прекрасно сохранившееся белокаменное резное с росписью саркофагообразное надгробие Михаила Андреевича Римского-Корсакова, открытое при работах 2013 года (он умер молодым, 32-х лет, 14/09/1736 года); две надгробные доски: М.Ф. Шаховской на южной стене со стороны монастырского двора, и С.А. Новосильцевой внутри подклета, а также общая ситуация в нем (кирпичные саркофаги вдоль стен). Это единственный участок кладбища, сохранившийся в монастыре нетронутым. Однако и в других зонах некрополя ситуация отчасти проясняется благодаря сравнению мемуарных материалов с археологическими находками.

Таким образом, археология XVIII—XIX вв. становится археологией старомосковской жизни — недаром многие из сюжетов впервые были опубликованы в журнале по истории фольклора, «Живой старине», где автор доклада публикуется с 1990-х годов и, вместе с коллегами по цеху, заполняет особый раздел.

Соотношение «археология и литература» для XVIII—XIX вв. выглядит все более и более устойчивым: достаточно указать на их неизбежную взаимную зависимость при поиске исторических погребений, реконструкции зданий и планировке ансамблей, изучения деталей быта, словом, как сказали бы лет 30 назад, производства и потребления. Но стоит заметить, что новая плоскость, новое пространство позволяет по-новому увидеть и сами источники: в мемуарном жанре явственно проступает его *археологичность*, а в памятниках

материальной культуры все более проглядывает неприсущая им, в общем, *литературность*. Именно здесь археология России достигает того уровня соединенности с письменной традицией, который свойственен классическим исследованиям. Недаром в связи с раскопками мы слышим все чаще имена русских классиков, в списке которых рядом оказываются Никифор (Феотокис), Н.В. Гоголь, родители Ф.М. Достоевского и другие, менее известные. По-видимому, одним из разделов поздней русской археологии суждено стать «археологией литературной», что, принимая во внимание ключевой характер литературы для всей жизни страны XIX в., вполне закономерно.

Беляков А.В.

Надгробия царевичей / князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера

Генеалогией Сибирских Шибанидов занимались много и продуктивно. Однако и в настоящее время здесь остается большое количество белях пятен. В первую очередь они касаются периода конца XVII—XVIII в. Обнаруженные нами в портфелях Г.Ф. Миллера списки с несохранившихся до наших времен надгробий Сибирских царевичей / князей из некрополя Московского Новоспасского монастыря позволяют нам частично заполнить имеющиеся лакуны. Здесь были похоронены царевич Алексей Алексеевич (Иш-Мухаммед б. Алтанай б. Кучум), его жены, дети и внуки. Данный источник доносит до нас уникальные свидетельства, не фиксируемые нигде более. Так становится известно имя еще одного сына Алексея Алексеевича — царевич Иев Алексеевич (по-видимому умер в младенчестве).

Обнаруженный список ставит перед исследователями иные вопросы. Так, не все однозначно с атрибуцией надгробий, а также указанными годами жизни. Так если в рукописи Г.Ф. Миллера датой смерти царевича Алексея Алексеевича названо 12 июня 1680 г., то в Московском некрополе указано 16 февраля 1686 г. (Московский некрополь. М., 1907. Т. 3. С. 97.) Вторая дата должна быть ближе к истине. Но ее также следует поставить под сомнение. Дело в том, что по Г.Ф. Миллеру в этот день скончалась вторая супруга царевича

княгиня Анастасия Васильевна. Путаницу дополняет справочник П. Долгорукова, где датой смерти княгини стоим 16 мая 1686 г. (Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. С. 54.)

Подобная путаница, возможно, произошла из-за плохого состояния надписей на надгробиях. Г.Ф. Миллер приводит тексты 10 эпитафий. Автор Московского некрополя отмечает только 4 надгробия (княгиня Григорьевна, супруга царевича Григория Алексеевича; царевич Григорий Алексеевич, царевич Алексей Алексеевич; князь Яков Васильевич). Вполне возможно, что надгробие княгини Анастасии Васильевны было принято за памятник на могиле ее супруга, царевича Алексея Алексеевича. В таком случае надгробие царевича Алексея Алексеевича умершего 12 июня 1680 г. принадлежало не внуку Кучума, а его правнуку, также Алексею Алексеевичу. Однако, С. Любимов, правда без ссылки на источник утверждает, что 6 января 1688 г. он со своими братьями продал за 500 рублей княгине Анне Васильевне Черкасской вотчину в Романовском уезде (Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 72).

Имеются и иные вопросы к тексту Г.Ф. Миллера. Так по другим данным, Федор Васильевич родился не в 1727 г., а в 1717 г. (Там же. С. 75.) Первая супруга царевича Василия Алексеевича, Анна Семеновна Грушецкая, по другим сведениям умерла в 1711 г. (Там же. С. 71). Князь Яков Васильевич также не мог прожить 33 года, родившись в 1711 и умерев в 1742 г. Хотя эту же несуразность отметили и авторы Московского некрополя. П.В. Долгоруков преодолел ее, механически перенеся дату рождения на 1709 г.

Не все понятно и с тем, как были оформлены захоронения. В Московском некрополе плиты отмечены в соборе монастыря. Однако туда они могли быть перенесены позднее. Отметим, что их ближайшие родственники, Касимовские царевичи имели родовой некрополь в московском Златоустовском монастыре. Это была отдельная каменная палатка, которую монахи разобрали еще в середине XVIII в. Если в Новоспасском монастыре имелся подобный склеп, то становится понятным почему здесь не нашли своего последнего пристанища другие дети Алексея Алексеевича и большинство его невесток. Им не хватило места.

Таким образом, мы должны сделать вывод о том, что различные справочники погребенных не могут являться надежным источником информации. В них могут содержаться значительные искажения, вызванные как описками, так и неправильным прочтением надпи-

сей, находящихся к тому времени в более чем плачевном состоянии. Содержащуюся в подобных изданиях информацию, порой требуется проверять архивными данными.

Приложение
Надгробия Новоспасского монастыря
(РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Картон 284. Ч. 2. Тетрадь 5. Л. 11).

1. 1758-го года сентября 10 дня преставися раб божий капитан князь Федор Васильевич сын Сибирской, сын царевича Василия Алексеевича Сибирского, жития его было 31 год, а служил во Втором Московском полку.

2. 1704-го апреля 12 дня преставися раба божия Сибирского царевича Василия Алексеевича жена его княгиня Анна Семеновна.

3. 7198-го (1690) июня 23 дня преставися раба божия дочь Сибирского царевича Алексея Алексеевича, жена стольника Ивана Яковлевича Волынскаго Прасковья Алексеевна.

4. 1740-го года ноября в 27 день преставися карасирскаго полку ротмистр князь Сергей Васильевич сын Сибирской, жития его было 30 лет и 5 месяцев.

5. 1742-го году генваря 24 день преставися подполковник князь Яков Васильевич Сибирской, а рождения его было 711 года, жития ж его было 33 года.

6. 7188-го (1680) года июня 12 день преставися раб божий Сибирской царевич Алексей Алексеевич.

7. 7182-го (1674) 9-го дня преставися раб божий сибирской царевич Иев Алексеевич.

8. 7196-го года (1688) августа 13-го дня преставися раба божия Сибирского царевича Григория Алексеевича жена княгиня Анна Григорьевна.

9. 7193-го (1685) марта 31 день преставися раб божий Сибирской царевич Григорей Алексеевич.

10. 7194-го (1686) февраля 16 день преставися раба божия Сибирского царевича Алексея Алексеевича жена его, княгиня Настасья Васильевна.

Борисов В.Е.

Отношение к людям, умершим неестественной смертью, в XVII–XVIII вв.

Среди отечественных этнографов и историков довольно широкой популярностью пользуется концепция Д.К. Зеленина о «заложных покойниках» (Виноградова Л.Н. Заложные покойники // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 186—187; Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2012. С. 214—275; Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002. С. 96—97; Булычев А.А. Куликово поле: живые и мертвые. Тула, 2014. С. 30—41). Согласно ей, русские крестьяне различали два разряда усопших: умерших от старости «родителей» и «заложных покойников». К числу последних относились самоубийцы и вообще умершие неестественной смертью. Такие мертвецы считались нечистыми, живущими рядом с людьми и способными им вредить. Закапывание их в землю считалось чреватым неурожаем, их следовало погребать без закапывания в землю, вне кладбища (Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995. С. 39—40).

Между тем уже из данных самого Д.К. Зеленина очевидно, что описанная им система взглядов является лишь реконструкцией. Сам исследователь пишет о том, что она деформировалась под воздействием христианства и других обстоятельств (Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 110). В связи с этим отношение к людям, умершим неестественной смертью, в каждую конкретную эпоху требует специального анализа.

До сих пор исследователи уделяли внимание преимущественно поминальным практикам. Между тем, богатый материал церковных архивов о принципах погребения людей, умерших «скоропостижною» / «напрасною» смертью, насколько мне известно, не привлекался для анализа концепции Д.К. Зеленина.

Согласно посланию митрополита Фотия псковскому духовенству (1416), если человек «аще по греху умрет и напрасно, а не от своих рук, или нужно утонет, тех по закону погрести, и пети над ними, и поминати их во святых службах. А который от своих рук погубится, удавится или ножем избодется, или себя в воду ввержет, ино по святым правилом тех не повелено у церквей хоронити, ни на над ними

пети, ни поминати, но в пусте месте в яму вложити и закопати...» (АИ. Т. 1. № 22. С. 46). К XVII в. оформилась практика, согласно которой в случае неестественной смерти, для погребения требовалось получение «похоронной памяти» у архиерея или десятильника / поповского старосты и опрос местных жителей об обстоятельствах смерти. Эта практика прослеживается не только по нормативным источникам, но и по многочисленным делопроизводственным материалам, т.е. церковными принципами руководствовались многие миряне (Так, только в первых двух томах Оп. 1. Вологодского Софийского архиерейкого дома (ГАВО. Ф. 1260) содержится около 250 челобитных о выдаче похоронных памятей и связанных с ними документов 1631—1670 гг. Режим доступа: http://cultinfo.ru/doc/1_tom1.pdf ; http://cultinfo.ru/doc/1_tom2.pdf). Принципы, изложенные митр. Фотием в целом, сохраняли актуальность, однако практика не была полностью унифицированной. Так, в грамоте новгородского митр. Макария архимандриту Тихвинского монастыря (1661) в числе людей, умерших «не своим изволом» и имеющих право на погребение у церкви, перечислены те, кто зарезался, удавился или утопился «бесноватым обычаем» (АИ. Т. 4. № 151). Этот, принцип, судя по описям фонда Вологодского архиерейского дома, применялся и ранее (Например: ГАВО. Ф. 1260. Вологодский Софийский архиерейский дом. Оп. 1. Т. 1. Д. 169, 456, 562 (1631—1645 гг.). Режим доступа: http://cultinfo.ru/doc/1_tom1.pdf). Однако, когда в 1689 г. постриженник Дионисиево-Глушицкого монастыря Осип Клементьев «иступя ума своего, объвесился», было принято решение хоронить его «за полем в лесу, без отпевания» (Башнин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв: исследование и тексты. М.; СПб., 2016. № 317. С. 893; ГАВО. Ф. 1290. Оп. 1. Т. 5. Д. 8223. Режим доступа: http://cultinfo.ru/doc/1_tom5.pdf). В том же году, помета на другой челобитной предписывала погрести утонувшего, если он не *был убит* или пьян (ГАВО. Ф. 1290. Оп. 1. Т. 5. Д. 8224. Режим доступа: http://cultinfo.ru/doc/1_tom5.pdf). В 1684 г. похоронная память архиепископа Устюжского и Тотемского Геласия предписывала погрести старца Архангельского монастыря Никандра у церкви «буде он *не убит*, не зарезан и не удавлен и не обвесился» (РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 288. Л. 2. Аналогичные предписания см.: Там же. Д. 285. Л. 2; Д. 287. Л. 2). Наконец, в 1697 г. патриарх Адриан предписывал архимандриту Владимирского Рождественского монастыря хоронить по обычному обряду человека, который «утонул купаючись, а не играя и не хваляся, или с дерева убьется или скоропостижною смертью, без отца духов-

ного умер, *а не от чужих рук*». Напротив, тот, кто «обесится или зарежется или купаясь и похваляся и играя утонет или вина опьется, или с качели убьется или иную какую смерть сам над собою своими руками учинит или на разбое или на воровстве каком убит будет, и тех у церкви божии погребать не велеть, а велеть их класть в лесу или на поле, кроме кладбища и убогих домов» (ПСЗ-1. Т. 3. № 1612. С. 417). Таким образом, в выявленных источниках последней четверти XVII в. список оснований для лишения полноценного погребения заметно расширяется.

По сравнению с XVII в. (данные по которому тоже отнюдь не исчерпывающи), ситуация в XVIII в. изучена хуже. По-видимому, происходило расширение влияния светских учреждений в сфере захоронения скоропостижно умерших и самоубийц. Наряду с духовными консисториями (примеры такого рода дел, выявленных в электронных описях Государственного архива Ярославской области (http://www.yar-archives.ru/archive/search): ГАЯО. Ф. 230. Оп. 13. Д. 334 (1741); Д. 2342 (1757); Д. 3012, 3013 (1761); Д. 5149 (1771)) такие дела решали многие провинциальные и воеводские канцелярии. «Воинский артикул» (арт. 164) предписывал не только хоронить самоубийцу в «бесчестном месте», но и волочить его предварительно по улице. Для тех, кто наложил на себя руки в беспамятстве, погребение должно было быть осуществлено в «особливом, но не бесчестном» месте. Довольно часто эта норма соблюдалась (РГАДА. Ф. 451. Великоустюжская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 791 (1759); Д. 932. Л. 2 (1764); РГАДА. Ф. 504 Кинешемская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1998 (1775). Все данные из фондов местных учреждений РГАДА любезно предоставлены А.Б. Каменским, которому выражаю искреннюю признательность). Но практиковалось и захоронение у церкви с отпеванием (РГАДА. Ф. 505. Клинская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 2505 (1761)).

Таким образом, можно утверждать, что реконструированный Д.К. Зелениным взгляд на всех людей, умерших неестественной смертью как на нечистых и недостойных погребения, по крайне мере, начиная с XVII в. должен был сталкиваться с церковными правилами захоронения такого рода усопших. Именно на них на практике ориентировалось достаточно большое количество людей. Церковные правила не оставались неизменными, но, как правило, предполагали считать покойника «нечистым» только за осознанное совершение греховных действий (в первую очередь самоубийства).

Брусенцов О.А.

Каменоломни у села Ознобишино. К вопросу о датировке

Каменоломни, о которых пойдет речь, расположены в нижнем течении р. Лубянка (левый приток р. Моча), которые протянулись вверх по течению реки от ее устья на расстояние около километра (учитывая оба берега реки) и находятся в составе т.н. Лубянского спелестологического блока. На сегодняшний день в пределах этого блока известны три подземные полости, скорее всего, являющиеся сохранившимися фрагментами одной большой каменоломни, вопрос о существовании которой в каком-то конкретном временном отрезке остается открытым.

На основе визуального осмотра разработок и по многочисленным исследованиям спелестологов можно утверждать, что на участке лубянского спелестологического блока производилась добыча камня и открытым способом. В результате этой деятельности часть берега с прибрежными фрагментами каменоломни полностью сработана (см.: Тютюнов В.Ю., Парфенов А.А., Сергеев С.Е., Погодина Е.А. Средневековые горные выработки по добыче белого камня в низовьях реки Лубянки в бассейне реки Мочи (по материалам спелестологов). Археология Подмосковья. Выпуск 13. Москва, 2107. С. 308).

Определение возраста каменоломен зачастую является сложной задачей, особенно при отсутствии каких-либо упоминаний в архивных источниках. При определении возраста каменоломен Лубянского блока спелестологи учитывали следующие факты:

- в работе Ю.Д. Азанчеева «Каменоломни и разработки простых полезных ископаемых в России» (1894 г.) информации о данных разработках нет;
- крепи в подземных полостях не сохранились (от них остался древесный тлен);
- во всех крайних забоях системы разработки прекратили одномоментно, о чем свидетельствуют не вывезенные известняковые блоки;
- немногочисленный керамический материал датирован XVIII веком.

Наблюдения позволили исследователям сделать вывод, что верхняя граница существования разработок относится к первой трети

XVIII в., а прекращение ее функционирования, как и брошенная готовая продукция, может быть связана с указом Петра I о запрете каменного строительства 1714 г. (см. Тютюнов и др., 2017. С. 306).

Однако автор хотел бы обратить внимание на то, что в системе каменоломен встречены несколько точильных рвов (искусственное сооружение при входе в каменоломню, приспособленное для вывоза из нее готовой продукции), на площади которых в более позднее время были устроены печи для обжига известняка, а так же на отсутствие каких-либо грамотных надписей в подземных полостях (которые очень характерны для конца XIX в., когда в каменоломнях работали профессиональные инженеры).

Это позволяет определенно говорить, как минимум, о двух периодах существования систем Лубянского спелестологического блока.

Более точную датировку начала разработок этого участка, вполне вероятно, можно будет определить при комплексном изучении селищ, выявленных на площадке вдоль разрабатывавшегося левого берега р. Лубянка: селища Щапово 1, 2, 3 (нумерация селищ по детализации 2013 г.) и селище Акишово1 (Археологическая карта России. Московская область. Часть 1. 1994. АКР. Московская область. Часть 1. 1994. С. 169, 203. Гоняный М.И. Отчёт о результатах археологических исследованиях проводившихся археологическим отрядом Подольского краеведческого музея в 1989 году в Подольском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 14420. С. 10—12).

Далее, следует обратить внимание на определение верхней границы существования разработок этого спелеоблока, которая хорошо прослеживается по письменным источникам и связана со строительством усадьбы Остафьево. Строительство в имении Остафьево было начато купцом Козьмой Матвеевичем Матвеевым на рубеже 1850—1860 гг. Перестроена усадьба следующим владельцем князем Андреем Вяземским в начале XIX в. Он снес все старые постройки и начал возводить новый дворец. Именно для постройки этого дворца использовался белый камень — известняк, о поставке которого князь договорился с экономическим крестьянином села Знобишина (ЦИАМ — ныне ЦГА г. Москвы. Ф. 53. Оп. 22. Д. 374).

Территориально село Знобишина (Ознобишино) располагается на правом берегу р. Лубянки, при ее впадении слева в р. Моча. На мысу, образованном слиянием рр. Лубянка и Моча зафиксировано около 20 заплывших точильных рвов; провалы на площадке самого мыса, которые свидетельствуют о наличии подземных полостей, а также несколько печей обжига, устроенных в заброшенных точиль-

ных рвах. По всей вероятности именно эта часть берега Лубянского блока продолжала разрабатываться крестьянами в начале XIX в., в том числе и для поставок строительного материала в Остафьево.

Буров В.А.

XVIII век на Соловках в зеркале археологических источников

В XVIII столетии бытовая, хозяйственная, военная, строительная, церковная история Соловецкого монастыря оказалась менее насыщена чередой событий, нежели в предшествующие три века. Из размеренной монастырской жизни выбиваются три события: посещение Петром I Соловков в 1702 г., секуляризация монастырских береговых вотчин Екатериной II в 1762 и 1764 гг. и подготовка Соловецкой крепости к обороне во время военной кампании 1790 г.

Для XVIII в. мы располагаем значительным количеством разнообразных исторических документов. Это разного характера описи Соловецкого монастыря, летописцы, финансовая и хозяйственная отчетность и проч. Они хранятся в архивах, но почти не изданы. Больше повезло графическим изображениям обители, что напрямую увязывается с интересами многочисленных паломников и активной издательской деятельностью собирателя гравюр Д.А. Ровинского в 1880-е годы. В Новое время были выполнены первые схематические и инструментальные планы монастыря, введенные в оборот только во второй половине XX века. Для археолога, ведущего раскопки на Соловках и постоянно имеющего дело с культурными напластованиями XVIII столетия, перечисленные источники служат путеводной нитью. Симбиоз археологии и истории порой открывает новое видение ушедшей эпохи. Археология обладает свойством не только дополнять данные письменных документов и графических источников, но и материализовывать предметы и объекты, которые, казалось, исчезли навсегда, стерты с лица земли. Приведем примеры, относящиеся к конкретным объектам Соловецкого монастыря.

1. Утраченные культовые здания. В 1753 г. вместо деревянной часовни преп. Германа, в которой первоначально были погребены трое соловецких святых — Савватий († 1435), Герман († 1484) и Маркелл

(† 1663), построили каменную, «четвероугольную с осмериком» (*Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. М., 1847. С. 112). Устойчивое изображение ее западного фасада присутствует на гравюрах вплоть до середины следующего столетия. В 1859 г. данную часовню сменила просторная церковь, устроенная в подклете возведенного Свято-Троицкого собора. В ходе раскопок в 2003 г. были установлены подлинные размеры, план и местоположение часовни 1753 г. Ее руины размещались в юго-западном углу обширного помещения одноименной церкви, а южная стена часовни оказалась под южной стеной церкви. Часовня середины XVIII в. действительно оказалась прямоугольной. Ее внутреннее пространство было ровно в четыре раза меньше помещения новой церкви (2,9 × 6,55 м — 18,9 кв. м против 5,12 × 15,36 м — 78,6 кв. м; внешние параметры около 4,9 × 8,4 м). Часовня была сложена из кирпича 9 × 18/19 × 29/30 см. Ширина стен 0,90—0,95 м. Ее северо-западный и северо-восточный углы оформляли лопатки шириной 0,80—85 м. Дверной проем в западной стене имел слегка скошенные стенки. В основании проема лежал уплощенный валун (*Буров В.А.* Церковь преподобного Германа Соловецкого XIX в.: история и археология // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск, М., 2005. Вып. 4. С. 75—91).

2. Жилые комплексы — кельи. На рубеже XVIII—XIX столетий данная застройка, расположенная по периметру центрального монастырского двора, подверглась коренной перестройке: растесывались малые окна, ломались своды, пробивались новые дверные проемы, менялась система печного отопления, выстраивалась новая коридорная система. В подпольное пространство келий сбрасывались куски известковых кладочных швов, кирпичи, в том числе профилированные, слюдяные пластины от сломанных оконниц, осколки новых вставляемых оконных стекол, глина от печей и даже фрагменты печных полихромных рельефных изразцов. Рабочие могли потерять монеты. Значение данного строительного мусора двоякое. С одной стороны это — важный источник по зодчеству XVII в. С другой — перед нами материальное воплощение кратких известий соловецких летописцев: «... почти все здания, в разных годах построенные внутри монастыря по беспрвильной древней архитектуре, приведены в лучший вид по новому плану» (*Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М., 1833. С 123; *Буров В.А.* История келейной за-

стройки Соловецкого монастыря XV—XIX веков. Архангельск, 2011. С. 133—136). Особо следует отметить находки обломков печных полихромных рельефных изразцов рубежа XVII—XVIII вв. Соловецкие документы о них ничего не сообщают. Между тем науке предоставлена реальная возможность представить разнообразие изразцового убранства соловецких печей (*Буров В.А.* Изразцовое убранство братской кельи № 9 Соловецкого монастыря. // Соловецкий сборник. Вып. 13. Архангельск, 2017. С. 43—64).

3. Производственные комплексы. Первые археологические свидетельства ремесленного производства на территории Соловецкого монастыря были получены в 1997 г. Перед третьей печурой крепости к северу от Архангельской башни, в слое мусора начала XIX в. обнаружились следы косторезного производства: опиленные оленьи рога, кости, заготовки ручки ножей. Упоминания о данном ремесле выявить в письменных источниках не удалось. В 2000—2001 гг. в южных помещениях Новобратского корпуса был полностью исследован комплекс монастырской Котельной мастерской XVII—XVIII вв., в которой чинилась медная посуда, работала медеплавильная печь, изготавливались и ремонтировались слюдяные оконницы. Полученная археологическая коллекция предметов материальной культуры насчитывает около 2 тыс. единиц. Это отходы производства: медный крой, слиточки меди, шлаки, глиняные тигли, куски породы слюды, слюдяные пластины — заготовки и целые вставки в оконные рамы. Данные артефакты существенно дополняют сведения описи 1705 г., в которой впервые приведено подробное описание многочисленного инструментария котельной мастерской и соседней кузницы (Опись Соловецкого монастыря и вотчин его, составленная дьяком Карпом Андреевым по указу Петра I. 1705 г. // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Инв. № Рук-1404). В раскопках же данный инструмент не был обнаружен (*Буров В.А.* Итоги археологического исследования в Новобратском корпусе Соловецкого монастыря // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».. Материалы и исследования. Вып. XVII. М., 2003. С. 174—193).

4. Валунная крепость Соловецкого монастыря — уникальное фортификационное сооружение конца XVI в., центр обороны Беломорья вплоть до самого начала XIX столетия. В 1790 г. во время пребывания на Соловках военной команды во всех 64 печурах подошвенного боя были поставлены деревянные платформы под

пушки. Руководил работами инженер-подпоручик Я.В. Васильев. На двух чертежах, им выполненных, изображены пушки, стоящие на настилах (*Васильев Я.В.* Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря. 1790 г. О острове Соловецком с чертежами 1790 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178. Д. 4302). Археологическое исследование двух печур подтвердило существование платформ и позволило установить варианты их конструкций. Целый, хорошо сохранившийся деревянный настил обнаружен в четвертой печуре к северу от Архангельской башни. Он состоял из трех бревен-лаг, уложенных перпендикулярно амбразуре. Поверх них были настланы доски, крепившиеся с помощью железных кованых гвоздей и деревянных цилиндрической формы нагелей (*Буров В.А.* Настил под пушку конца XVIII в. из Соловецкого монастыря // Российская археология. 2000. № 4. С. 183—193.). Иная конструкция прослежена в печуре юго-западного прясла рядом с Прядильной башней. Здесь в основе решетчатой конструкции платформы лежали четыре бревна-лаги перпендикулярно амбразуре, наполовину погруженные в песчаную подушку. К ним поперек с помощью железных кованых костылей крепились три расколотые пополам бревна. Затем сверху стелились доски, которые прибивались коваными гвоздями. Перед печурой было сделано булыжное мощение (*Буров В.А.* Платформа под пушку из Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1982. Л., 1984. С. 513—515).

Другой объект, расположенный внутри крепостной стены, в третьей печуре к северу от Архангельской башни, являлся тюрьмой. Она просуществовала полтора столетия и в 1743 г. была упразднена по указу императрицы Елизаветы Петровны. Свое название тюрьма получила по имени первого узника дворянина Ивана Головленкова. Историкам было известно описание Головленковой тюрьмы, состоявшей из двух помещений, примыкавших к печуре. Выдвигались разные версии ее местонахождения. При этом полностью игнорировалась ее привязка на плане Соловецких тюрем 1743 г. Выявленный в РГАДА В.В. Скопиным еще один план Головленковой тюрьмы в копии XIX в. позволил нам окончательно ее локализовать и в 1997, 1998 гг. осуществить комплексное историко-археологическое исследование засыпанного землей и полностью забытого этого соловецкого памятника. Теперь можно побывать во всех трех помещениях тюрьмы, увидеть железную полосу с петлей, к которой в цепях при-

ковывали колодников. Прояснился также ряд важных архитектурных деталей.

Приведенные примеры — свидетельство того, как раскопки и анализ артефактов могут качественно повлиять на восприятие сообщений письменных и графических источников. Они заставляют взглянуть на упоминаемые события предметно, тем самым существенно уточнив и верифицировав (а иногда и полностью изменив) представление о самих событиях, которые к тому же становятся, благодаря археологии, гораздо более наглядными.

Васильева Е.Е., Тарасова А.А.

Характеристика качества жизни городского населения по археологическим и антропологическим данным (на примере кладбища при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле)

В ходе масштабных археологических раскопок Ярославской археологической экспедиции (рук. А.В. Энговатова) ИА РАН на территории исторического центра города Ярославля была исследована часть городского приходского (при церкви Иоанна Златоуста) кладбища конца XV — середины XIX вв. Всего было изучено 280 погребений.

Сравнение конструктивных элементов деревянных гробов разных хронологических ярусов позволило отметить некоторые различия.

В XVI в. распространены долбленые колоды, имеющие выраженное снаружи оголовье и изножье. Внутреннее оформление сводится к прямоугольным нишам для головы и приподнятому оголовью. Объединяющий признак для составных гробов — прямоугольная в сечении форма.

У долбленых колод XVII в. изголовье и изножье как внутри, так и снаружи, выражены очень слабо. Доски составных гробов становятся теперь тоньше, сами гробы в целом менее массивные. Кроме того, резко снижается качество конструкций.

С XVIII в. для составных гробов становится повсеместным использование крепления досок в сквозной ласточкин хвост. Кроме того,

поперечное сечение составных гробов постепенно трансформируется из прямоугольника в трапецию — вначале это еле заметно, однако постепенно трапециевидная в сечении форма становится все более ярко выраженной. Доски гробов становятся еще менее массивными.

Скелетные останки из точно датированных погребений XVI, XVII и XVIII вв. были дополнительно исследованы методом цифровой микрофокусной рентгенографии с целью выявления маркера эпизодического стресса, т.н. линий Гарриса, которые можно наблюдать только на рентгенограммах длинных костей. Линии Гарриса — это локализованные в области диафиза или метафиза поперечные линии повышенной плотности костного вещества (Harris H.A., 1926. The growth of the long bones in childhood: with special reference to certain bony striations of the methaphysis and the role of vitamins. Archives. International Medicine, 38, pp. 622—640; Harris H.A., 1931. Lines of arrested growth in long bones in childhood. Correlation of histological and radiographic appearances in clinical and experimental conditions. British J. Radiology, 4, pp. 561—588.), отражающие реакцию организма на резкие колебания «качества жизни» в период активного роста индивидуума (Harris H.A., 1931. Lines of arrested growth in long bones in childhood. Correlation of histological and radiographic appearances in clinical and experimental conditions. British J. Radiology, 4, P. 580—586; Platt B.S., Steward R.J., 1992. Transverse trabeculae and osteoporosis in bones in experimental protein calorie deficiency. British J. of Nutrition, 16. P. 403—405). Экспериментальные исследования показали связь образования этого признака с развитием физиологического стресса, дефицитом витаминов A, C и D, протеинов (Acheson R.M., 1959. The effect of starvation, septicaemia and chronic illness on the growth cartilage plate and metaphysis of the immature rat. J. of Anatomy, 83, pp. 123—130; Park E.A., 1964. The imprinting of nutritional disturbances on the growing bone. Pediatrics, 33, pp. 815—862).

Выборка XVI в. составила 22 индивида (8 мужчин, 14 женщин); выборка XVII в. — также 22 индивида (15 мужчин, 7 женщин); в выборке XVIII столетия всего 13 индивидов (7 мужчин, 6 женщин).

В результате исследования линии Гарриса удалось зафиксировать на большеберцовых костях 62,8% жителей Ярославля XVI в., 73,6% ярославцев XVII в. и 80,4% горожан XVIII в. При этом частота встречаемости признака повышается за счет увеличения количества мужчин, испытавших в детском возрасте стрессовые эпизоды. Так, выявленная в предыдущих исследованиях тенденция гендерных различий для более ранних эпох (Медникова М.Б., Энговатова А.В., Тарасова А.А., 2015. Диахронные изменения качества жизни населения Ярославля в XIII—

XVII вв. по данным радиологии // РА, № 3. С. 43, 48), свидетельствующих о большой подверженности девочек физиологическим стрессам, прослеживается в XVI в., но не характерна для более поздних выборок.

Частота встречаемости линий Гарриса в женских группах всех трех столетий приблизительно равна и составляет 73,6% для XVI в., 70,8% для XVII в. и 75% для XVIII в., среди мужчин же признак встречен в 36,7%, 75% и 85,7% соответственно. Таким образом, особая ситуация, характерная для более поздних выборок, может отражать уязвимость мужской части населения в условиях быстро меняющейся политической обстановки, частых военных конфликтов, а также ухудшающейся эпидемической обстановки по мере возрастания численности горожан и увеличения торговых и миграционных потоков по Волжскому пути.

Васильева Е.Е.

Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII века

Задача доклада — выявить отличительные особенности деревянных погребальных конструкций XVIII в. В основу работы легли материалы, полученные при археологических исследованиях городских и монастырских некрополей, расположенных на территории Верхнего Поволжья.

Наиболее представительная выборка погребений XVIII в. происходит с кладбища при церкви Иоанна Златоуста г. Ярославля — всего 44 погребения с сохранившимися деревянными погребальными конструкциями. Кладбище функционировало с конца XV по середину XIX в., в связи с чем удалось сравнить выборку деревянных гробов XVIII в. с выборками гробов XVI и XVII вв. (выборки XV и XIX вв. малочисленны). Можно говорить о том, что с XVIII в. для составных гробов становится повсеместным использование крепления досок в сквозной ласточкин хвост. Кроме того, поперечное сечение составных гробов постепенно трансформируется из прямоугольника в трапецию — вначале это еле заметно, однако постепенно трапециевидная в сечении форма становится все более ярко выраженной. Доски гробов становятся менее массивными.

Долбленых гробов меньше, чем гробов-ящиков, однако в процентном соотношении они составляют 39% выборки. Что касается

формы, то она значительно упрощается, в отдельных случаях выделяется лишь приподнятое оголовье.

Такие же хронологические маркеры фиксируются и при анализе материалов, полученных при исследовании других кладбищ Ярославской области. Так, при исследовании кладбища 2/2 XVI—XVIII вв. при церкви Исидора Блаженного в Ростове погребения интересующего нас периода совершены в составных гробах. Отмечается, что гробы прямоугольные в сечении, в одном погребении прослежено, что доска дна была наборной (Кашкин А.В., Самойлович Н.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях у церкви Исидора Блаженного в г. Ростове Великом в 2006 г. Архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 47553). Работами при церкви Рождества Богородицы в Рождественском монастыре г. Ростова исследованы погребения конца XVII — последней трети XVIII в. Все они совершены в составных гробах. Два гроба имело наборные крышки, из двух досок. Авторы работ отмечают, что гробы были чуть трапециевидные в сечении. В случае погребения 6 можно точно говорить о том, что доски стенок с торцами крепились на сквозной ласточкин хвост. Интересно, что в двух захоронениях под голову погребенным положена подушка из доски 6 см толщиной (Самойлович Н.Г. Отчет по теме: «Охранные археологические исследования на участке прокладки дренажа у церкви Рождества Богородицы в Рождественском монастыре г. Ростова Ярославской области». Архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 24865). Единственная долбленая колода интересующего нас периода была обнаружена при работах при церкви Бориса и Глеба в Ростове. Однако, ввиду плохой сохранности дерева, выявить конструктивные особенности не удалось (Иоаннисян О.М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях церкви Бориса и Глеба в Ростове, проведенных Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1990 году. Ф-1. Р-1. № 15844).

Работами в угличском Николо-Улейминском монастыре среди прочих обнаружено захоронение 2/2 XVIII в. Погребение совершено в дощатом гробу, трапециевидном в сечении и с двускатной крышкой (Томсинский С.В. Отчет о раскопках на селище Грехов ручей, Николо-Улейминском монастыре и в г. Мышкине в 2000 г. Ф-1. Р-1. № 22762). Работами в городе Кашине Тверской области при церкви Рождества Христова на Горе обнаружено 9 погребений в гробах, из них три в долбленых гробах, остальные — в составных гробах с креплением на пазах.

Хорошо видны выступы досок стенок за торцы (Иванова А.Б. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории посада г. Кашина Тверской области в 2002 году. Ф-1. Р-1. № 27438).

Схожую конструкцию имеют и составные гробы, обнаруженные при исследовании некрополей Дмитровского кремля. Среди захоронений XVIII в. встречено два погребения в составных гробах трапециевидной в плане формы и три долбленых колоды ладьевидной формы (Энговатова А.В. Некрополи Дмитровского кремля. В печати).

Можно сделать следующие выводы:

- подтверждается одновременное сосуществование долбленых и составных гробов, причем на провинциальных кладбищах преобладают составные гробы, на «элитных» некрополях большинство захоронений совершается в долбленых колодах;
- прослежено, что с течением времени исчезает ярко выраженное изнутри и снаружи оголовье — оформление головной части гроба иногда сводится к выдолбленным изнутри торцам, а чаще всего доски гробов не имеют специальных расширений или сужений (Васильева Е.Е., Энговатова А.В. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле: уточнение времени бытования некрополя по археологическим и дендрохронологическим данным // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сборник статей — Ярославль: типография ООО «Канцлер», 2016. С. 28—33.);
- наблюдается тенденция не только к упрощению формы гроба, но и к использованию более тонких досок.

Воронцова М.А.

Изразцы тульской гончарной слободы в XVIII веке

В 2013—2014 годах проводились масштабные археологические исследования тульской гончарной слободы (пересечение улиц Луначарского и Герцена). Археологам удалось обнаружить целый производственный комплекс, в котором осуществлялся полный цикл гончарных работ. На площади 2000 кв.м. удалось зафиксировать: тридцать восемь гончарных горнов, заброшенное глинище, две ямы для вымачивания глины, деревянный желоб, для её промывки и три сушки. Характер застройки комплекса существенно различался в XVII и XVIII веках. Первоначально горны располагались на территории усадеб, принадлежавших гончарам (к этому времени относятся семь

горнов). В XVIII веке происходит значительное расширение производства: количество горнов увеличивается практически в четыре раза. Теперь они располагаются в строгом порядке друг относительно друга и образовывают три своеобразных «улицы». Предположительно, участок такой улицы с несколькими горнами принадлежал одной семье.

Практически все найденные в ходе раскопок изразцы находились в двух заброшенных горнах вместе с фрагментами посуды и игрушек. В основном они представляли собой полуфабрикаты — изделия после первого обжига, без глазури, либо бракованные образцы с неравномерным нанесением глазури, либо со следами её кипения.

Печные наборы интересующего нас периода представлены рельефно-расписными изразцами первой трети XVIII века и гладкими расписными середины — второй половины XVIII века. Последние включают изразцы лицевые, угловые, поясные, карнизные, перемычки, фрагменты ножек и балясины. К сожалению, все вышеперечисленные изделия являются полуфабрикатами, и мы можем только предполагать, каким образом они расписывались в дальнейшем.

Что касается рельефно-расписных печей, то благодаря находкам изразцов с аналогичным рельефом в культурном слое Тулы, мы можем представить, как выглядели эти изделия в готовом виде. У нас получилось выделить два типа печного набора. Первый набор включает лицевые и угловые стенные изразцы, широкие и узкие поясные, перемычки, городки. Роспись выполнялась в три цвета: желтой и темно-синей глазурью по белому фону. Лицевые и поясные изразцы богато орнаментированы, часто в центре композиции находится медальон с цветочком или птичкой. При этом, синим цветом выполнялась сама роспись, и заполнялся фон внутри декоративных рамок. Сами же рамки и обводки были желтыми. Так же найдено несколько изразцов с аналогичными рельефами, но покрытых зеленой прозрачной глазурью.

Второй печной набор включает угловые и лицевые стенные изразцы, карниз и перемычку. Роспись выполнена в два цвета — темно-синей глазурью по белому фону. Изображения довольно грубые. На лицевом изразце мастер пытался изобразить букет из цветов и ягод, на карнизе также угадывается растительный орнамент, перемычка же просто заполнена волнистыми линиями. Похожие орнаменты, но выполненные на несравненно более высоком уровне, встречаются среди полихромных изразцов конца XVII века. Складывается впечатление, что это не очень умелая попытка «осовременить» вышедшие из моды ценинные изразцы.

Мы можем выделить следующие черты, характерные для изразцовой продукции тульской гончарной слободы:

- изразцы изготовлены из беложгущейся глины, пласты которой в достаточном количестве залегают в окрестностях Тулы;
- детали рельефного орнамента проработаны плохо, роспись грубая и «неопрятная»;
- в первой трети XVIII века наряду с цветными глазурями, использовалась и дешевая зеленая полива.

Судя по археологическим материалам гончарной слободы, изготавливать изразцы тульские гончары начали еще в середине XVII века. Письменные источники подтверждают существование изразцового производства в XVIII веке (согласно справке Тульской оружейной канцелярии 1762 года гончары делали «разных маниров пещные кафли»). Однако, в уже в 1775 году в Туле имелся всего один «изращатой» завод, производительность которого составляла 50 печей. В XIX веке было несколько маленьких фабрик, производящих только гладкую белую кафлю. Почему же тульские изразцы не смогли конкурировать с продукцией таких известных центров как Ярославль, Балахна и Калуга? Вероятно, для тульских гончаров изготовление изразцов оказалось слишком хлопотным и не очень прибыльным делом. 70% от общего числа семей Гончарной слободы занимались, главным образом, изготовлением кирпича и строительством, в том числе далеко за пределами Тулы. Остальные же переключились на производство металлургических сопел, которые были необходимы для бурно развивающегося в Туле железоделательного производства. По крайней мере, именно такая картина складывается при анализе находок тульской гончарной слободы: в слоях XVIII века посуды и изразцов встречается все меньше, зато сопла исчисляются тысячами.

Глазунова О.Н.

Изразцы петровской эпохи, произведенные в Ново-Иерусалимской мастерской

Как известно, Петровская эпоха очень сильно изменила государственный быт России. Иным, в числе прочего, стал и облик изразцовых печей. На смену яркому многоцветному рельефному изразцу XVII в. пришла гладкая сине-белая расписная голландская

плитка. Ее ввозят в огромных количествах, но начинают производить и на месте. Одной из первых площадок, на которых пытались организовать такое производство, стал «разсадник изразцового дела», Ново-Иерусалимский монастырь. В результате именно здесь две разные традиции производства, восходящая к средневековью модель изразца рельефного полихромного изразца встретилась с гладкими расписным кафлями Нового времени, породив ряд странных, гибридных и, по сути, уникальных изразцов переходного периода.

Интересно, что при этом сначала пытались «влить новое вино в старые меха»: перевести декор плоских голландских плиток в привычный мастерам рельеф. Многие сюжеты, известные нам по памятникам Санкт-Петербурга, в первую очередь по плитке Меньшиковского дворца, в ново-иерусалимской мастерской выполняли на небольших рельефных плиточках, налепленных на гладкую лицевую пластину изразца.

При этом сказалось и начавшееся знакомство с аллегорическим языком европейской культуры: целая серия изразцов была выполнена по сюжетам книги «Символы и Эмблемата», переведенной на русский язык и напечатанной в 1705 г. в Амстердаме по приказу Петра I. Их сюжеты мы встречаем в росписях петербургских дворцов, а также в прикладном искусстве (резьба по кости, дереву и др.). В XVIII в. еще много будет печей, облицованных изразцами, повторяющими рисунки и девизы книги. Но это будут гладкие расписные изразцы. В ново-иерусалимской же мастерской такие изразцы изготовлялись в рельефе. Всего из 840 сюжетов книги в изразцах отображено не менее 55 (вероятно, несколько больше, так как не все изразцы попали с руки археологов).

На лицевых изразцах книжная эмблема изображалась зеркально, так как переводилась через резную форму, но на фризовых и карнизных вид рисунка совпадает с книжным. Возможно, причиной этого было привлечение двух мастеров для изготовления форм: один учел зеркальность матрицы, другой — нет. Оригинальным был и подход к расшифровке девиза: вместо него на изразце ставился номер сюжета в книге (арабскими цифрами), то есть для понимания сюжета требовался, в качестве ключа, печатный экземпляр «Символов». Интересно, что есть два девиза, написанные целиком, словами — возможно, именно потому, что их нет в книге.

Кроме изразцов, найденных в самом Новом Иерусалиме, известны два случая использования их в печах. Первый, с сюжетом «Нет

покоя» происходит из Братского корпуса Высоко-Петровского монастыря в Москве. В одном из домов на посаде Звенигорода найдена при археологических работах целая печь, в которой использовано большое количество сюжетов.

Голубинский А.А.

Точность в изображении города XVIII в. — по материалам Генерального межевания

Первыми российскими массовыми картографическими источниками, в которых появилось стремление к возможно более высокой точности передачи пространства на бумаге, стали планы Генерального межевания. Они свидетельствуют о ландшафте местности и расположении населенных пунктов, иногда здесь же можно найти свидетельства о месторасположении пустошей. Все они представляют собой большую ценность как для первичной локализации тех или иных населенных пунктов (что справедливо в отношении уездных атласов), так и с точки зрения выяснения подробных данных о местоположении в том числе и конкретных строений (что особенно характерно для порядка 1000 планов городов из ф. 1356 РГАДА). Но документация Генерального межевания представляет собой не только картографические материалы — это еще и обширные текстовые описания, черновые материалы, абрисы планов. Поэтому настоящим докладом делается попытка взглянуть не на величину ошибки, а на природу ошибок вообще. Для каждого типа материалов величина ошибок может быть разной.

В историографии, использующей картографию Генерального межевания, уже ставился вопрос об адекватности переноса на бумагу данных о границах земельных дач (работы А.А. Фролова, А.В. Гедымина (Гедымин А.В. Опыт использования материалов русского межевания в географических исследованиях для сельскохозяйственных целей // Вопросы географии. 1960. Т. 50. С. 147—171.), А.А. Голубинского (Голубинский А.А. Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дисс. к.и.н. М., 2011. С. 185.), А.И. Глухова, В.М. Матасова (Матасов В.М. Методические аспекты анализа пространственной структуры угодий Касимовского уезда в конце XVIII в. // Геодезия и карто-

графия. 2016. № 3 март. С. 59—64.) и др.), а так же предпринимались попытки «привязки» планов к современной картографической основе. На локальном материале авторы предполагали, что «величина ошибок обмера землевладений не зависит от протяженности их границ», однако, в общем и целом, это не так. Уточнения специфики городских планов Генерального межевания в сравнении с другими типами пока не проводилось.

Наиболее многочисленные в хранилищах (в частности, в РГАДА — около 600 тыс. единиц хранения) — утвержденные планы дач ф. 1354 РГАДА, — несмотря на общие заявленные в межевом законодательстве правила, различаются по степени подробности и точности. Прежде всего следует учесть, что мера ответственности землемера за точность плана касалась исключительно описания его границы; помощник землемера, описывавший так называемую «внутреннюю ситуацию», за указание тех или иных объектов, месторасположение их на плане ответственности не нес. Более того, пока не обнаружено ни одного описания «внутренней ситуации» на площади, покрываемой планом (тогда как для описания границ существовала специальная текстовая форма, называвшаяся полевой запиской). Также сложно представить ситуацию, когда помощник землемера в одиночку в ограниченный период времени сумеет обойти всю площадь дачи. В значительной мере ему приходилось опираться на показания поверенных и понятых, а их познания в области мер длины могли быть если не причудливы, то, во всяком случае, искажены. Причем чем больше по площади дача, тем меньше вероятность указания достоверных данных. Землемерная партия была также обязана завершить описание в возможно более короткие сроки (при бесспорной ситуации, так называемом «полюбовном разводе»); спешка также не способствовала аккуратности заполнения бумаг.

Инструментарий межевщика — астролябия и межевая цепь — пусть уже не представляли больших проблем при освоении офицерами, для большинства же населения Российской империи были приборами невиданными. Таким образом, во второй половине XVIII в., когда проводилось Генеральное межевание, даже владельцы не могли осуществить контроль над правильностью описания границ. Поэтому для завершения работ над планом данные приходилось подгонять. Следствием были масштабные исправления в полевых записках. На планах подобные ситуации, бывало, отображались следующим образом.

При обобщении планов дач образовывались атласы уездов (2 версты в дюйме, или 1:42000) и, вслед за этим, губерний. При этом ге-

нерализация данных происходила не всегда удачно (См., например, From survey plans to land cover maps: Data generalization in the cartographic materials of the general land survey in Russia (1765-1800) / A. A. Golubinsky, I. O. Alyabina, O. V. Shalashova, D. A. Khitrov // 26 International Cartographic Conference. Dresden. Germany, August 25—30, 2013. Proceedings. Dresden. Germany, 2013. P. 1—7.), границы дач приобретали разительно отличавшуюся от исходных изображений на планах дач форму; также, естественно, сильно теряя в информативности.

Планы городов, как и планы уездов, составлялись из многих планов, как показали недавно введенные в научный оборот парцеллярные планы по нескольким городам Нижегородской и Костромской губерний. Они обладали всеми свойствами, присущими другим планам Генерального межевания. Однако, как и в случае с уездными планами, землемеры испытывали особые сложности с обобщением информации. Имели место искажения геометрии — сдвиги и повороты — при состыковке меньших фрагментов. Это проявляется при сопоставлении нескольких планов одного города (в частности, для исследователей доступны планы Балахны (URL: http://rgada.info/goroda. Дата обращения: 15.07.2018). При составлении чистовых парадных планов, украшенных гербом и другими декоративными элементами, художественная сложность иногда мешала завершению работы над планом — достаточно велик процент незавершенных планов, — но когда эта работа удавалась, на планах подчас отражались элементы ландшафтного и культурного своеобразия региона, очень напоминая парадные атласы XVIII и первой половины XIX в. Характерной особенностью делопроизводства по городам является значительно более высокая степень контроля за ходом и результатами межевания из-за высокой образованности поверенных от города, что также являлось частой причиной незавершенности работ над тем или иным планом.

Тем не менее, несмотря на перечисленные особенности, заставляющие подвергать документы Генерального межевания критике, они представляют собой свидетельство настоящего подвига со стороны государства, сумевшего в обозримые сроки (за примерно 45 лет была обмежевана практически вся Европейская часть России) создать полноценный кадастр, ставший на более чем 150 лет основой для всех земельных дел в нашей стране и в настоящее время являющийся непревзойденным справочником для изучения локальной, в том числе и городской, истории.

Гоняный М.И., Брусенцов О.А., Дедук А.В.

Сальковский археологический комплекс по добыче белого камня

Сальковские каменоломни находятся на левом берегу р. Пахры, в 1,4 км вниз по течению от белокаменного храма Знамения в Дубровицах, заложенного в 1690 г.

Напротив, на высоком правом берегу р. Пахры расположилось имение графа Федора Толстого, главный усадебный дом которого был построен на рубеже XVIII—XIX вв. Разрастается усадебный комплекс при последующем хозяине графе Арсении Закревском, ушедшем в отставку в 1831 г. Для строительства усадебного комплекса в большом количестве требовался качественный белый камень, который брали в непосредственной близости от усадьбы (Дунаев М.М. К югу от Москвы: Дороги к прекрасному. М. 1986. С. 85). Тоже можно предположить о строительстве церкви в с. Ерино и церкви в Дубровицах. Примечательно, что первая из них уже в 20-х гг. XVII в. была каменной.

В настоящее время на левом берегу р. Пахры, в 100 м к северу от русла сохранилось три котлована-карьера, каждому из которых соответствует огромный курган-отвал. Их протяженность с запада на восток вдоль русла реки составляет 400 м, при ширине 200 м. Общая площадь разработок достигает 8 га. На данном этапе исследований трудно сказать, являются ли эти отвалы отработанным грунтом (в частности щебнем) от выработок карьеров, или это сохранившаяся порода камня в нижних ее напластованиях, на которую была сдвинута часть грунта при вскрышных работах. Надо отметить, что работы по добыче каменной породы в этих каменоломнях проводились открытым способом, и связано это, по всей видимости, с тем, что в феврале 1880 г. отмечалось ухудшение портландцемента, производимого цементным заводом Московского Акционерного общества, так как фактически истощились запасы качественного известняка в близлежащем (к заводу) карьере. Было принято решение о переводе Конторы из Москвы в Подольск, а также о переезде уполномоченного Общества Станислава Максимилиановича Паутынского из Москвы... Ему же поручалось заключить контракты на покупку “зеленки” (доломитизированный мергель для производства романского цемента) и на аренду Еринской горы (по-видимому, Каменистая гора левобережья за д. Сальково) для обеспечения нового источника сырья (*Сун Э.Ф.* Московское акционерное общество для производства цемента и дру-

гих строительных материалов и торговли ими (Историческая записка), http://www.podolsk-news.ru, 2011). Но это никак не исключает существование разработок на месте этих каменоломен в более раннее время, свидетельством чему может оказаться располагающееся рядом селище Сальково-2. Селище было открыто М.И. Гоняным в 2003 г., повторно обследовано в 2013 г. Оно примыкает к производственной зоне (карьерам) с северо-западной стороны. Селище тяготеет правому борту суходольной балки, выходящей между первым и вторым карьером к руслу р. Пахры. Селище имеет протяженность с севера на юг до 166 м, при ширине 80 м. Уклон дневной поверхности его площадки достигает 11 м. Площадь поселения составляет 1,3 га (Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических исследованиях, проведенных Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ в Серпуховском, Чеховском, Подольскои районах Московской области и Кимовском районе Тульской области в 2003 г // Архив ИА РАН. Р-1. 2004 г. С. 18).

Подъемный материал и керамика из разведочных шурфов, представлены белоглиняной гладкой с примесью песка средней фракции, небольшим количеством красной гладкой и чернолощеной посуды. Подобная керамическая серия позволяет датировать поселение концом XVII—XVIII вв. Осенью 2016 г. на площадке селища с помощью металлодетекторов была собрана коллекция индивидуальных находок, состоящая из 30 предметов, подавляющее число которых кованые гвозди, семь из которых строительные, три обойные и восемь подковные. Так же были найдены: фрагмент подковы, накладка медная фигурная с солярным и геометрическим орнаментом, заклепка медная, медная пряжка от конской упряжи и монета Николая I (копейка 1852 г.). Рассматриваемое селище расположено в 0,2 км вверх по склону коренного берега р. Пахры, на высоте 27—38 м над урезом воды. Подобная ландшафтная приуроченность не характерна для позднесредневековых селищ, и не удобна для ведения сельского хозяйства. Примыкание селища к котловану карьера 1 наталкивает на мысль, что на этом памятнике проживали люди, обслуживающие производственный процесс по добыче камня, до функционирования разработок открытым способом.

В данном контексте интересен и тот факт, что в архивных источниках вблизи д. Сальковой упоминается д. Ожерельево «на враге у реки у Похры» в 20 гг. XVII в.; в 1768 г. ее уже нет (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9808. Л. 248 об). Это деревни, входившие в округу административно-хозяйственного центра, которым было с. Ерино, кре-

стьянское население которых вполне могло заниматься добычей камня, в первую очередь для строительства, проводившегося на территории именно Дубровицко-Еринской вотчины.

Григорян С.Б.

Исторический некрополь Новодевичьего монастыря: опыт организации работ в 2017—2018 годах

Работы на территории Новодевичьего монастыря были начаты в связи с общей программой его реконструкции и образовали новый этап в исследованиях монастыря. Ранее (с 2007 г.) Институт археологии РАН вел их в режиме участия в инженерных и архитектурно-реставрационных работах, а также (гораздо реже) сравнительно небольших раскопок. К сожалению, подобные работы часто ставят археолога лицом к лицу с необходимостью раскапывать старые кладбища, которые не могут пока быть названы «древними». Это некрополи конца Средневековья, Нового, а подчас и новейшего времени, на которых рискуешь встретить могилы собственных пращуров.

Такие работы могут быть оправданы сухой логистикой строительства, но ощущение неверно выбранного пути не оставляет участников подобных «эксгумаций». Знакомый нам по собственному опыту пример такой очистки места для будущих фундаментов — раскоп к юго-востоку от апсид когда-то существовавшего храма Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе (2013, 2015—2016 гг.), где на площадке в 400 квадратных метров пришлось вскрыть примерно столько же погребений середины XVI—XVIII в.

Реальность Новодевичьего монастыря такова: в программе обновления есть реставрация полов и фундаментов, иконостасов и куполов — но туда же включена вертикальная планировка, благоустройство территории, перекладка коммуникаций — да и другие работы, требующие местами сильно понизить современный уровень. А это поведет прямо к массированному вторжению в слой кладбища, занимающего весь центр монастыря, или к полному уничтожению значительных его участков.

Подобные вторжения могут быть одобрены, согласно критериям, только при условии, что они увеличат «универсальную ценность» ансамбля — ведь речь идет о памятнике ЮНЕСКО. Так что в разделе проекта по сохранению наследия должна быть предусмотрена особая работа не то что по изучению, а и по восстановлению некрополя. Однако изначально проект не предусматривал таких усилий. Его авторы были уверены, что, включив фразу «при участии археологов» они тем самым отдали все долги науке и культуре.

Трудно представить, как именно пошли бы натурные работы при вторжении в слои некрополя. К счастью, этого, самого худшего, сценария удалось избежать: начало прокладки коммуникаций по новому проекту было отложено по независимым от нас причинам, что дало возможность провести превентивные вскрытия на окраинах некрополя. Все участники процесса наглядно убедились, что прокладывать коммуникации по кладбищу — значит жертвовать огромным количеством погребений и тех сооружений, которые их вмещают под землей: кирпичных сводов, склепов, подземных фундаментов мавзолеев, оград участков и т.п.

К счастью, предложение отказаться от прорезки по кладбищу глубоких и широких траншей поддержали органы охраны Министерства культуры. Это не сняло, однако, задачи сооружения внутриплощадочных сетей, дренирования памятников архитектуры, вертикальной планировки и т.д. Как приступить к ее решению? Общий ответ довольно прост и предусмотрен законодательством: начать с полного изучения самого некрополя и, на этой основе, его виртуального восстановления или, как минимум, составления археолого-исторического опорного плана как части раздела проекта по сохранению наследия. Далее в эту объективную картину можно попытаться вписать инфраструктуру для удовлетворения потребностей сегодняшнего дня.

Конкретизировать и решить такую задачу, с точки зрения археолога, непросто. Как осуществить сами работы, не нанеся ущерба кладбищу ниже уровня современной дневной поверхности и стоящим вокруг него архитектурным сооружениям XVI—XIX веков?

Это не простой вопрос, на который давно следовало бы найти фундированный и закрепленный в методической литературе ответ. К сожалению, сама раскопочная работа на кладбище, хронология которого непосредственно выходит в современную историю (на монастырском кладбище хоронили еще в конце 1930-х гг.!), с точки зрения его научного исследования юридически не оформлена, за исключением дискретных случаев вскрытия особо значимых погребе-

ний с научно-политическими, так сказать, целями (вроде открытия гробниц в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга).

В недавнем прошлом фундаментальных исследований таких поздних некрополей вообще не предполагалось — в лучшем случае речь могла идти о поисках надгробий и других работах в верхних, наземных наслоениях.

Среди первых примеров можно назвать найденные еще в 1929 г. при раскопках, связанных с изучением и обмерами старого кладбища Александро-Невской лавры в СПб плиты мало известных приближенных Петра I, И. И. Ржевского и его супруги (1710—1720 гг.). В 1966 г., по поручению Гос. музея истории Ленинграда (ГМИЛ) на Комендантском кладбище Петропавловской крепости были проведены уже специальные раскопки (Саяно-Шушенская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР под рук А.Д. Грача), причем была найдена плита «протопрефекта» крепости, крупного полководца Р.В. Брюса (1668—1720 гг.), в редкой тогда технике каслинского литья из чугуна.

Уже хрестоматийны наши исследования позднего уровня некрополя в Даниловом монастыре, вообще ограниченные архивно-исследовательской и реконструктивной работой, при которой вскрытия производились, в сущности, как проверочные эксперименты. Все эти случаи объединяет одна общая черта: кладбища изучаются без вскрытия могил.

Этой практике противостоит другая, о которой говорилось в начале доклада — более или менее массовая эксгумация. Здесь также есть выдающиеся примеры, такие как восстановление некрополя Духовной академии рубежа XIX—XX вв. в Троице-Сергиевой лавре под руководством А.В. Энговатовой.

У этих двух подходов есть, конечно, общее: оба предполагают глубокое источниковедческое исследование, оба видят в качестве важнейшей цели идентификацию индивидуальных погребений, оба идут на вскрытие погребений — разница, собственно, в масштабах (хотя это и немаловажная разница).

Но один вопрос остается открытым и до сих пор он вообще не вставал, поскольку ни одна из научных работ до сих пор не проводилась на активно и длительно функционировавшем многослойном кладбище, в слоях которого сохранились крупные погребальные сооружения, многие из которых к тому же принадлежат известным в истории России персонам, род которых может продолжаться в ныне живущих представителях тех же фамилий. А ведь приходится принимать решение об их сохранении (консервации) или деконструкции. Об их учете

в проекте благоустройства, с маркировкой над поверхностью грунта (возвращение мемориальных функций, музеефикация) или обратном погружении в грунт без маркировки. Наконец, встает вопрос о самом праве археолога (держателя открытого листа) на исследовательский демонтаж сооружений и разборку погребений с последующим перезахоронением. Конечно, все эти вопросы — риторические, но на все нужен вполне официальный, протокольно фиксируемый ответ.

До сих пор его приходилось давать, ориентируясь по ситуации. Так, в Ново-Иерусалимском монастыре применялись, фактически, все виды решений. Пришлось сохранять погребения в соборе путем их извлечения из склепов с последующим возвращением на места и возобновлением маркировки. В то же время, при изучении кладбищенских зон склепы и могилы не вскрывались вообще, а их мемориальная функция возвращалась без имен, в форме типовых надгробий (почти все они утратили связь со своими памятниками, ранее существовавшими). Именно в проекте Нового Иерусалима была впервые предусмотрена возможность изучения кладбища только до поверхности материка или до уровня первых проявившихся погребальных сооружений. Такое решение облегчалось тем, что кладбища Нового Иерусалима практически однослойные.

В Новодевичьем монастыре мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. В центральной части это многослойное кладбище. Под дерном на нем сохранились надгробные сооружения разных эпох, зачастую очень массивные и служащие идентификаторами поздних погребений. Во многих местах эти сооружения перекрывают или частично нарушают друг друга, фактически не оставляя свободных мест и не позволяя углубиться даже до поверхности кладбищ без серьезного демонтажа кладок. В то же время, необходимость в их разборке, по крайней мере частичной, очень велика. Таким памятникам как Смоленский собор и окруженная буквально кольцом кладбища Успенская церковь, а также ряду других сооружений требуется, во-первых, возобновление функции кладбищ как мемориально-исторических объектов. Но им не менее нужны меры по сохранности фундаментов, вертикальной планировке, благоустройству территории и прокладке коммуникаций.

Нужен синтетический проект, который учел бы все нужды — охраны архитектурных памятников и потребности современной инженерии, исключительную мемориальную ценность объекта и богослужебные функции, присущие монастырской территории, а также, конечно, правила, регулирующие археологические работы. До сих пор нам такой проект никогда не попадался, и нам не очевидно, как

за него взяться. Зато очевидно, что на руки археологов тут падает проблема, по сути не являющаяся ни чисто археологической, ни вообще археологической — это проблема из круга общей некрополистики — области исследований, в России до сих пор очень мало развитой. Диссертация С.Ю. Шокарева, определители типов памятников и труды Л.А. Беляева, в числе которых есть фундаментальные научные и методические разработки, дела не решат. На встающие вопросы архитекторам -реставраторам придется дать «проектный ответ», а Министерству культуры — учесть необходимость разработки общей методике, которая регламентирует охранные научно-исследовательские работы на исторических некрополя, в том числе в части археологии.

Гусач И.Р.

На русско-турецкой границе: керамика и проблемы культурного обмена во второй половине XVII—XVIII вв.

Северо-Восточное Приазовье, занимавшее весьма важное геополитическое положение в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, являлось зоной перманентной конфронтации между двумя крупными державами — Турцией и Россией. Воздвигнутая османами во второй пол. XVII в. в дельте Дона мощная система оборонительных укреплений (крепости Азак и Сед-Ислам, сторожевые башни Шахи и Султанийе) создавала вблизи южных границ Российского государства постоянный очаг внешней агрессии. Этот очаг частично удавалось «гасить», благодаря высокой военной активности донских казаков, заселивших эту фронтирную территорию уже в конце XVI в. Азовские походы Петра I (1695—1696 гг.) внесли изменения в расстановку сил в регионе. К захваченным и реконструированным турецким крепостям добавились вновь отстроенные русские фортификационные сооружения: Петровская крепосца, Семеновский шанец, город-крепость Троицкий, крепость Дмитрия Ростовского, Троицкая укрепленная линия и др. Российская колонизация Приазовья была приостановлена после неудачного Прутского похода (1711 г.), и реконструированный в 1712 году Азакский санджак просуществовал до времен русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Согласно Белградскому миру (1739 г.), Рос-

сия оставила за собой Азов (Азак). Окончательно земли Северо-Восточного Приазовья с их крепостями отошли Российскому государству после русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Исследования культурных слоев второй пол. XVII—XVIII вв. на археологических памятниках региона дают интересные результаты, которые свидетельствуют не только о его бурном военно-историческом прошлом (находки ядер, картечи, пуль, остатков воинского обмундирования, братских захоронений, разрушенных жилищ и подземных ходов), но и о довольно развитых торгово-экономических отношениях и социально-культурных связях, существовавших здесь в петровскую и постпетровскую эпохи, а также во времена присутствия османов на Нижнем Дону.

Яркими свидетельствами этих связей являются богатейшие керамические комплексы, происходящие с изучаемых археологами объектов. Анализ этих комплексов говорит о наличии потока ремесленных гончарных изделий в Северо-Восточное Приазовье с территории Османской империи (Анатолия, Крымское ханство, Балканы) в так называемые «турецкие» периоды (красноглиняная и буроглиняная поливная и неполивная керамика, фаянсовая художественная посуда, глиняные курительные трубки); с территории России и Украины — в «русские» периоды (сероглиняная, красноглиняная, белоглиняная с росписью красным ангобом неполивная и поливная керамика, русская фаянсовая посуда, казачьи курительные трубки, печные изразцы, детские игрушки).

В качестве экзотических товаров встречаются китайский фарфор и глиняные курительные трубки из Голландии и Италии, которыми пользовались в обиходе как османы, так и, частично, донские казаки, а вслед за ними и русский военный контингент крепостей. Несмотря на различия в вероисповедании, в ходе товарообмена элементы восточной мусульманской культуры постепенно все глубже проникали в жизнь и быт христианского казачества и русских людей. В результате чего, к примеру, турецкая традиция пить кофе и курить трубку или наргиле стала неотъемлемой частью русской культуры на Дону в конце XVII — начале XVIII в. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки в Северо-Восточном Приазовье восточных курительных трубок и кофейных фаянсовых и фарфоровых чашечек не только в бывших османских крепостях, но и на территории казачьих городков и солдатских форштадтов в русских крепостях.

Позже, в середине — второй пол. XVIII века, в эпоху Просвещения, особенно при Екатерине II, ориентализм, в том числе необы-

чайный интерес к турецкому стилю («тюркери») в России (впрочем, как и в Европе), приводит к тому, что османские курительные трубки и кофейные сервизы получат большую популярность и широкое распространение среди «восточной» утвари в светских салонах и кабинетах Москвы и Санкт-Петербурга.

Гуськов А.Г.

«Крест ковалерский» и «патрет»: материалы к истории наград в России

Одной из важнейших составляющих культурной традиции является история наградной системы. Достаточно точно верифицируемая система награждения в Российском государстве появляется во времена Петра I. Помимо документально и фактологически атрибутируемых орденов, медалей и памятных знаков (монет, подвесок и т.п.) до 1917 г. существовало казусное (т.е. точно нерегламентированное) награждение портретами правителя, изготовленными из ценных металлов и украшенными драгоценными камнями. Традиция вручения «персоны» царя прослеживается со времен Великого посольства 1697—1698 гг., во время которого европейским ювелирам было заказано, по различным оценкам, до 40 миниатюр с изображением Петра I. В дальнейшем награждение проводилось достаточно регулярно в связи с тем или иным важным событием жизни государства, имевшим особое значение для монашеской особы (Дуров В. Наградные портреты Петра // Родина. 2011. № 1. С. 140—143).

Сохранность документальной базы начала XVIII в. оставляет желать лучшего, поэтому сведения о награждениях как официальными орденами и медалями, так и царскими портретами сохранились довольно лапидарно. Факты получения наград часто удается определить лишь по вспомогательным источникам, в том числе по изобразительным произведениям (гравюрам, литографиям и т.п.), эпистолярным документам, официальной переписке и т.д. Первоначально все награды («кресты кавалерские» и «партреты») заказывались за рубежом, позже стали привлекать иностранных и отечественных ювелиров, проживавших в России. В Российском государственном архиве древних актов удалось обнаружить документ, в

котором зафиксированы факты заказа и приобретения «крестов ковалерских» и «патретов» государя у иностранных и российских ювелиров в Москве (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1710 г. Ед. хр. 63. Л. 14—20).

В «Известии о ковалерских крестах, что их в прибытии на Москве поднесено государственному канцлеру и ковалеру графу Гаврилу Ивановичю Головкину, и с Москвы в отпуску» (официальный заголовок документа) сохранились сведения за февраль 1710 — август 1713 гг. Имеются данные о весе и количестве купленных наград, их стоимости, источнике происхождения (мастер в России или вывезены из-за границы), размере, материале и украшениях («с алмазы»), сопровождающем лице (при отправке в С.-Петербург).

В документе встречается информация о 29 крестах «ковалерских», в том числе — 4 «болшой фигуры» и 7 «меншой». Их вес варьировался от 6 до 25 золотников, стоимость — от 532 до 1500 руб. (общая сумма по 5 крестам с зафиксированной ценой — 4168 руб. 1 алт. 4 денг.). Награды изготавливались из золота и украшались алмазами или «запоною алмазною». Встречаются три случая заказа дополнительных элементов — «запан алмазных» на 8—9 алмазов (указаны три факта на суммы: 1618 руб. 25 алт., 2618 руб. 25 алт. и 1210 руб.). За тот же период было изготовлено 50 «патретов», стоимостью от 25 до 2000 руб. Самая недорогая миниатюра не имела «украски». Общая стоимость — 27368 руб. 32 алт. 4 денг.

В трех случаях были зафиксированы имена ювелиров, выполнявших заказ: «золотого дела» мастер Вестьфал (дважды) и иноземец фон Келен.

Награды принимались в Посольской Походной канцелярии как в С.-Петербурге, так и в Москве. В последнем случае некоторые из них пересылались в новую столицу. Однако встречаются случаи и обратной транспортировки — 1 крест и 2 портрета были возвращены в Москву для переделки. Курьерами-сопровождающими выступали служащие дипломатического ведомства (или подчиненных ему приказов): подьячие Иван Аврамов, Федор Ключарев, Василий Матвеев, Иван Богданов, Федосей Ряховский, Михаил Даревкин, Иван Юрьев, Василий Белоусов, Григорий Богданов, Степан Никитин, секретарь Петр Курбатов, капитан Матвей Еропкин, толмач Афанасий Темирев.

Вывоз изделий из-за границы осуществлялся при посредничестве купцов: Ивана Любса (из Голландии) и Андрея Стельса (из Англии). Благодаря их стараниям в Россию было доставлено: в 1710 г. — 10 «патрет с алмазы» (Любс), в 1711 г. — 10 портретов (Стельс), в 1712 г. — 12 миниатюр и 3 креста (Любс), в 1713 г. — 1 «ковалерской крест» (Любс).

В заключение отметим, что по оценкам специалистов «Сотбис», существовало всего 10 наградных миниатюр с изображением Петра I. В настоящее время сохранилось 6 оригинальных портретов первого российского императора, находящихся в музеях и частных коллекциях. Один из них был продан на аукционе в Нью-Йорке анонимному покупателю за гигантскую сумму в 1,3 млн. долларов (Ювелирные известия. 09.11.2009 г. http://www.jewellerynews.ru/2009/11/na-sotheby-s-prodano-ukrashenie-vremen-petra-i/11445/. Дата доступа — 18.06.2018 г.)

Державин В.Л.

Археологические памятники Нового времени на Шпицбергене

Работы Шпицбергенской экспедиции Института археологии ведутся на архипелаге около 40 лет. В процессе исследований выявлены сотни памятников историко-культурного наследия: становища, погребения, европейские китобойные станции, православные кресты, остатки судов и др. В хронологическом отношении подавляющее большинство их датируется XVIII—первой половиной XIX вв. и относится к поморской промысловой культуре. Но есть и такие, которые связаны с историей открытия Северо-восточного прохода. На Шпицбергене это «лагерь Чичагова» 1764—1766 гг., а также остатки сооружений, оставленных европейскими путешественниками и промысловиками.

При изучении подобных памятников большое значение имеют письменные источники, хранящиеся в российских и зарубежных архивах. Эти материалы стали привлекать внимание исследователей сравнительно недавно. При анализе документов выяснилось, что многие промысловые экспедиции на Шпицберген в XVIII столетии были организованы Выгорецким старообрядческим общежительством (Данилова пустынь) и финансировались купцами-староверами. Хотя на промыслы уходили и представители официальной (синодальной) церкви, например, от Соловецкого монастыря.

Поморы окончательно оставляют архипелаг к середине XIX в., полностью уступив его норвежцам. Археологические памятники норвежских трапперов представлены охотничьими постройками того

времени, которые нередко ставили свои дома рядом с русскими становищами, то есть в местах, наиболее подходящими для промыслов.

Одна из последних экспедиций на Шпицберген, судя по документам и археологическим исследованиям, была организована в начале второй трети XIX в. И, вероятно, не случайно прекращение русских зверобойных промыслов по времени совпало с закрытием Даниловой старообрядческой пустыни, чья роль в освоении архипелага, особенно в XVIII в., была определяющей.

Что касается археологического материала, то он во многом подтверждает данные письменных источников о значительном старообрядческом пласте поморской промысловой культуры. Об этом свидетельствуют, помимо письменных данных, изделия мелкой металлопластики, находки деревянных предметов религиозного назначения, надписи и проч.

В Норвегии и Швеции к памятникам археологии по законодательству об охране памятников относятся все предметы историко-культурного наследия до 1945 г. включительно. Это не только объекты времен Второй мировой войны (остатки пушек, самолетов, окопы) — на Шпицбергене это все сооружения, связанные с горнорудным производством первой половины XX в. (в частности шахты, узкоколейки, вагонетки, разные механизмы, в т.ч. и советского присутствия). Им придается не меньшее научное значение, чем более ранним памятникам. Относятся такие объекты по терминологии скандинавских исследователей к области «индустриальной археологии».

Ёлкина И.И.

Перемены костюма в XVIII в. (по материалам монастырских некрополей)

XVIII век стал поворотной вехой в жизни России. Развитие отношений с европейскими странами и реформы, проводимые Петром I, коснулись многих сфер жизни, в корне изменили облик страны и менталитет ее жителей. Процесс европеизации коснулся и костюма: покроя, используемых материалов, элементов орнаментации.

Средневековый русский традиционный костюм сильно отличался от костюма других стран своей самобытностью. Процесс его фор-

мирования был постепенным и довольно длительным под влиянием многих факторов (погодные условия, уклад жизни и т.д). В результате русская одежда получила длиннополый свободный крой, характеризовалась многослойностью, особой плакатной декоративностью и тяжеловесностью. В орнаментальном оформлении одежды преобладала вышивка, которая располагалась на одежде в строго определенных местах и несла символико-охранительную функцию.

Вплоть до конца XVII в. облик одежд русских людей оставался довольно устойчивым. Не смотря на то, что проникновение западных форм одежды в Россию все же происходило, оно практически не повлияло на изменение форм традиционного костюма и среди русского населения не прижилось.

Под влиянием реформ Петра I произошла резкая и радикальная смена русского традиционного костюма на европейский тип одежды. Реформа коснулась дворянства и служилых людей, но не затронула крестьянскую среду. Это привело к тому, что в дальнейшем эволюция русского костюма разделилась на два самостоятельных направления: городской костюм, динамично развивающийся под влиянием европейской моды и художественных стилей, и народный костюм, хотя и принимающий новые материалы, но строго сохраняющий традиции кроя и декоративного оформления (орнаментации и традиционных способов вышивки) в деревнях и селах некоторых областей России вплоть до начала XX в.

Археологические исследования московских некрополей Новоспасского, Свято-Данилова, Зачатьевского монастырей, Новодевичьей Слободы и др. позволили получить текстильный материал XVI—XIX вв. Не смотря на то, что текстиль в слоях Москвы сохраняется крайне плохо (как правило, это текстиль, в котором присутствует металлическая нить), в основном, в виде фрагментов, он все же достаточно информативен. Сравнительный анализ полученного материала из захоронений показывает большую разницу между текстилем XVI—XVII вв. и XVIII в., и демонстрирует резкий переход от традиционного русского костюма к европейским формам. В первую очередь, это касается покроя: свободные формы сменяются на облегающие.

Для мужских захоронений XVI—XVII вв в характерны остатки рубах традиционного покроя с глубоким вырезом и яркими вышитыми декоративными элементами. В захоронениях XVIII в. уже фиксируются остатки костюма, состоящего из кафтана, камзола, штанов-кюлотов с отделкой позументом и вышивкой, длинных чулок. Костюм, состоящий из набора таких предметов сложился во Фран-

ции при дворе Людовика XIV, распространился по Европе и был введен в России во времена реформ Петра I.

Из женских захоронений XVI—XVII вв., как правило, происходят головные уборы-волосники, богато украшенные золотным шитьем и плетением Они имели каноничную форму и строго определенные виды орнаментальных элементов вышивки. В захоронениях XVIII в. волосники уже не встречаются. Их сменяют чепцы с кружевами.

Остатки женских одежд в ранних погребениях единичны и сильно фрагментарны. Средневековые одежды были длинными, закрытыми, с длинными рукавами. В захоронениях XVIII в. отмечаются остатки платья, в которых уже фиксируется совсем другой покрой. Женское платье европейского образца XVIII в. имело декольте, было сильно приталенным с широкой юбкой и рукавом до локтя.

Новый крой одежды требовал развития ткацкой промышленности в России и появления новых материалов. Меняются способы оформления одежд. Под воздействием европейского прикладного искусства происходят изменения в выборе способов вышивки. К традиционному русскому шитью в прикреп и тамбурному шитью добавляются пришедшие из Европы — вышивка гладью, шитье с применением бисера, стекляруса, канители и пайеток. В орнаментах тканей и вышивки XVIII в. присутствуют растительные мотивы, характерные для стиля рококо: цветы, ветки, рокайли, букеты, перевязанные лентами.

Значительную роль в декоре костюма XVIII в. играло разнообразное как по технике, так и материалу мерное кружево, плетеное на коклюшках. Кружева XVII и XVIII вв. различны по внешнему облику и технике исполнения. Для XVII в. характерно широкое кружево-край, отличающееся монументальностью. Кружева XVIII в. более тонки и изящны, особой популярностью пользуется кружево-аграмант.

Широко распространившееся коклюшечное кружево XVIII в. и смена костюма полностью вытеснили один из древнейших видов женского рукоделия — ажурное плетение на деревянной раме в технике безузловой сети (спрэнг). Именно в этой технике выполнялись большинство верхних деталей русских средневековых женских головных уборов-волосников.

Среди археологических текстильных находок XVIII в. отмечается большое разнообразие видов позумента — металлической тканой ленты с геометрическим (зигзаги, городки, диагонали и др) и реже — растительно-геометрическим орнаментом. Он широко использовался не только в оформлении костюма, но и предметов быта, церковного обихода, предметов погребального назначения (покрова, обивки гробов).

Зацаринный С.В.

Тульский кремль в XVIII столетии: динамика городской жизни на территории ветшающей крепости по нумизматическим данным археологических исследований

С середины XVII в. по завершении строительства Белгородской засечной черты кремль г. Тулы постепенно утрачивает былое стратегическое значение и в XVIII в. выводится из разряда действующих приграничных крепостей. Изменение военно-политической ситуации в регионе находит закономерное отражение как в трансформации социального состава его жителей, так и в прекращении финансирования текущих ремонтных работ по поддержанию фортификационного сооружения в должном виде, что в скором времени приводит к его обветшанию и частичному разрушению.

Многочисленных исследователей «каменного города» (как историков, так и археологов) традиционно интересовал исключительно позднесредневековый период его истории, тесно связанный с военно-политическими событиями государственного масштаба. История развития градообразующей крепости в XVIII столетии внимание учёных не привлекала.

В 2013/14 гг. нам удалось провести на современном методическом уровне археологические исследования (к сожалению, как всегда «охранные») в различных частях тульской крепости на площади около 700 кв.м, в ходе которых были впервые тщательно изучены в том числе и слои XVIII — начала XX в. (Зацаринный С.В. Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013—2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль: сборник статей. Тула, 2017). Благодаря этим работам впервые была получена представительная коллекция «поздних» материалов, позволяющих восстановить, в том числе, социально-экономическую и культурную динамику развития этой части городской территории в период Нового времени. Мощность слоя XVIII в. на исследованной площади практически не уступает суммарной толще наслоений XVI—XVII вв. и достигает во дворах 0,5 м, а полученная коллекция лишь артефактов XVIII в. в количественном выражении значительно превосходит аналогичную серию позднесредневековых предметов. Это обстоятельство и побудило нас обратиться к анализу материалов XVIII столетия, предварительно ограничившись рассмо-

трением нумизматической коллекции. Датирующие свойства монет позволяют восстановить в общих чертах динамику социально-экономических процессов в этой части города.

Нумизматическая коллекция Нового времени (1700—1917 гг.) включает 260 определимых монет, что многократно превосходит суммарную выборку подобных находок за весь предшествующий период археологического изучения крепости. К денежному обращению XVIII столетия относятся 115 монет. Почти все они являются случайно утраченными в период обращения преимущественно в границах жилых и хозяйственных строений, на примыкающих к ним участках, а также на и вблизи городских мостовых. Подавляющая часть этих находок происходит из синхронных времени их обращения слоёв. Т.к. далеко не у всех монет дата чеканки определяется с точностью до года, мы условно разделили их на 3 хронологические группы, охватывающие диапазон около трети столетия: 1) 1700—1729 гг.; 2) 1730—1761гг.; 3) 1762—1800 гг. Внутреннее разграничение выделенных периодов привязано к эпохальным сменам царствующих персон.

Выборка монет 1-й группы составляет 11,3% всей серии (13 ед.). Все они чеканены в царствование Петра I из меди и представлены всего двумя номиналами — «полушкой» и «денгой», которые соотносятся между собой как 3:1. Не исключено, что к этому же периоду могут быть отнесены отдельные неопределимые серебряные проволочные копейки.

Отложение весьма скромной серии монет петровской эпохи в культурном слое свидетельствует о существенном запустении территории крепости, начавшемся, по-видимому, ещё в самом конце XVII в., и явившемся следствием череды неблагоприятных факторов: пожара 1696 г. (Сметная роспись 1703 г. // Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 116), мобилизации служилого населения в связи с военной компанией 1700—1721 гг., а также вероятного привлечения какой-то части горожан к начатому в 1701 г. масштабному строительству Ивановского канала и развернувшимся чуть позже градостроительным работам в Северной столице. Согласно переписи 1715 г. в каменном городе осталось лишь 3 двора священнослужителей у Успенского собора и двор Коломенского и Каширского архиерея (Переписная (ландратская) книга 1715 г. // Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 119).

Для сравнения напомним, что ещё в 80-е гг. XVII в. плотная застройка территории кремля помимо административных и духовных учреждений включала более сотни дворов дворян, духовенства и

«детей боярских» (Писцовая книга 1685—86 гг. // Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884).

Монеты 2-й хронологической группы в серии абсолютно преобладают и составляют 76,5% (88 ед.). Основная их часть чеканена в правление императрицы Анны Иоанновны. В выборке представлены как медные, так и мелкие серебряные монеты. Основным их номиналом является «денга» — около 58%, «полушки» составляют 35,2%. Единственной является монета «две копейки». На этом фоне выделяется серия из 5 серебряных монет, представленная номиналами «5» и «10» копеек (по 2 экз.), а также «полуполтиной» во вторичном использовании. Представительность рассматриваемой выборки, включающей в т.ч. и разменную серебряную монету, указывает на возобновление весьма интенсивной социально-экономической жизни в кремле, что подтверждается и высокими темпами роста культурного слоя в текущий период.

Судя по плану 1742 г. на территории «каменного города» в это время сохраняются преимущественно административные и духовные учреждения: «провинциальная канцелярия», «воеводский двор», «тюрьма и острог», «двор духовного правления», каменный Успенский собор XVII в. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 50. Д. 2472). Примечательно, что значительная часть находок медных монет локализуется в районе «воеводского двора», тогда как остальные, в т.ч., серебряные, относительно равномерно содержатся в слое, тяготея к городским мостовым. Таким образом, отложение в слое значительной части монет этого времени, по-видимому, связано преимущественно с функционированием вышеупомянутых учреждений и обслуживающей их инфраструктурой.

Нумизматические находки 3-й группы составляют в серии 12,2% (14 ед.). Подавляющая их часть принадлежит чекану Екатерины II, и только 2 монеты выпущены в обращение при императоре Павле I. Номиналы медных монет соотносятся следующим образом: «полушка» — 4 ед., «денга» — 2 ед., «1 копейка» — 3 ед., «2 копейки» — 3 ед. Разменная серебряная монета представлена двумя «гривенниками» Екатерины II и Павла I.

В рассматриваемый период на территории крепости полным ходом ведутся строительные работы. В 1764—1766 гг. к югу от старой Соборной площади возводится новый Успенский собор, к которому в 1772—1776 гг. пристраивается пятиярусная колокольня с проездной аркой. В 1784 г. был осуществлён первый и единственный в этом столетии ремонт крепостных сооружений, чудом не разобранных ра-

нее первым тульским генерал-губернатором М.Н. Кречетниковым. Во исполнение Высочайше утверждённого в 1779 г. нового генерального плана Тулы территория кремля начинает полностью освобождаться от старой застройки. Таким образом, ограниченное количество выпавшей в слой монеты подтверждает имеющиеся сведения о фактическом запустении крепости в этот период.

Обобщённые статистические данные корпуса монет XVIII столетия содержат лишь малую часть их информационного потенциала, но даже они при ограниченном объёме сохранившихся документальных и изобразительных источников позволяют восстановить динамику городской жизни на качественно новом уровне.

Ибнеева Г.В.

Следственные материалы по делам российского местного православного духовенства 1760-х гг. как исторический источник

Предметом данного доклада выступает комплекс источников, составляющих следственные дела, проходившие в Синоде в 1767—1768 гг., и, отложившиеся в Синодальном Архиве РГИА (ф. 796). В объекте рассмотрения те из них, которые были инициированы жалобами старообрядцев на местное духовенство в 1767 г.

В докладе будут анализироваться инициативные документы, послужившие началом дел, а именно прошения старообрядцев Тверской Ямской слободы, а также старообрядцев Нижегородского края (1767) на притеснения местного приходского духовенства.

Основная часть судебно-следственных дел связана с проведением следственных мероприятий, которые сопровождались разного рода перепиской, сбором показаний и документальных свидетельств. Важным вопросом изучения станет разбор делопроизводственной документации, образовавшейся в результате проведения мероприятий, направленных на исполнение решения власти.

Объектом внимания станут следственные материалы по делу, поступившему в Синод из Московской духовной консистории (1767), «о причиняемых раскольникам, жителям Тверской Ямской слободы, священниками обид». Свидетельствуя о нелёгком положения рас-

кольников в Московской губернии, они воссоздают исторический контекст формирующейся идеологии толерантности (По донесению Московской духовной консистории о причиняемых раскольникам, жителям Тверской, Ямской слободы, священниками обид. 17 июня — 28 августа 1767 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 1).

Особо следует выделить комплекс источников по следствию относительно нижегородского архиепископа Феофана Чарнуцкого, начавшегося в связи с поданной челобитной от нижегородских раскольников на притеснения нижегородского духовенства. Этот комплекс включает в себя доношение Чернуцкого, в котором он, вынужденный защищаться, расписывает «богопротивные поступки» раскольников (по донесению нижегородского епископа Феофана, и происходящих в его епархии от записных раскольников притеснениях церкви и ее служителей и непокорств (19 декабря — 5 февраля 1768 г.) 1767 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 1—2). Своеобразие его доношения заключается в том, что это дело представляет собой своеобразный «источник в источнике»: оно включает в себя и другие документы, в частности, экстракт из донесений священно- и церковнослужителей Нижегородской губернии (за 1764, 1765, 1767, гг.) о чинимых святой церкви «записными раскольниками противностей» (Экстракт учинен в духовной преосвященного Феофана епископа Нижегородского и Алатырского консистории, из поданных нижегородской епархии разных мест от священно и церковнослужителей доношений и объявлений в разные а именно 764, 765 767 годах о чинимых церкви святой и благочестию вновь записными раскольниками противностей // РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 18). Эти материалы содержат обширный объем информации, включающей данные о положении старообрядцев: о количестве староверов в различных уездах Нижегородского края, о неопределенности их правового статуса, приводящей к конфликтным ситуациям с православным духовенством. Большинство привлечённых документов впервые вводятся в научный оборот.

Заключительная часть судебно-следственного производства связана с вынесением Синодом определения по делу и отчет об исполнении указа вышестоящего учреждения.

В докладе будет показано, как подготавливалась правовая основа решения. В ходе рассмотрения дела делопроизводителями Синода делались выписки из существующего законодательства, составлялся подробный экстракт по делу, выносимый для приговора. Ход обсуждения дела в его заседаниях практически не фиксировался, либо фиксировался обобщённо; большей частью в протокол вписывалось

окончательное решение, к которому пришли члены высшего духовного учреждения. Таким образом, в них не отражались разногласия, возникавшие по обсуждаемым вопросам.

Вердикт же Синода определялся как предшествующей законодательной практикой, так и активным обсуждением проблемных вопросов с императрицей. В данных делопроизводственных материалах отложилась переписка Екатерины II с генерал- прокурором Синода И.И. Мелиссино. Рекомендации императрицы брались Синодом за основу. Далее приговор поступал к Екатерине: как правило, она его утверждала, либо смягчала, как это было в отношении священников Московской епархии. Завершающими документами в деле были обычно указ о приговоре и присланные «репорты» о его выполнении.

Важным результатом следствий по вышеупомянутым делам являлись указы Екатерины II от 17 августа 1767 г. и от 19 января 1768 г., в которых, она, ссылаясь на свои прежние указы, повелела: как с прежними, так и ныне записавшимися в раскол, поступать одинаково, как с раскольниками, приехавшими из-за границы, т.е. «не чинить им с детьми никаких притеснений» и «в домы к ним священникам без требования не ходить» (О представлении раскольникам Нижегородской епархии полной свободы в отправлении своих обрядов и о воспрещении православному духовенству ходить в раскольнические дома без зову, 16 января 1768 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. 1. № 410. С. 466—467).

В вышеозначенных указах зафиксирована и форма взаимодействия духовных властей и старообрядческого сообщества: духовным командам Синода полагалось по раскольническим делам ничего не предпринимать, а информировать о возникающих проблемах Сенат. В случае же необходимости Сенату и Синоду полагалось решать спорные вопросы совместно.

Компаративный анализ этих источников позволяет показать отношение власти к проблемам взаимоотношений православного духовенства и старообрядческого населения, уточнить правовой статус раскольников, дать оценку адекватности восприятия православного духовенства либерального законодательства императрицы, а также конкретным правительственным мероприятиям, направленных на устранение конфликтных ситуаций между старообрядцами и приходским духовенством.

Иванов А.М.

Захоронение российских и французских воинов участников Отечественной войны 1812 г. на территории г. Вязьмы и Вяземского уезда Смоленской губернии

Разрушенная и сожженная Вязьма в октябре — декабре 1812 г. была завалена телами людей и трупами лошадей, которые лежали по улицам, дворам и домам. «Во время оттепели вонь до того распространилась, вспоминал впоследствии священник Н. Мурзакевич, — что, зажавши нос, нужно было проходить по улицам». (Вороновский В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 321).

31 октября 1812 г. в освобожденной Вязьме был учрежден Временный комитет по управлению Смоленской губернией, до декабря 1812 г. Вязьма формально оставалась губернским городом Смоленщины. Председателем данного комитета был назначен сенатор П.Н. Каверин, помимо него в него входили, коллежский советник Степанов, Юхновский предводитель дворянства Храповицкий и советник Смоленской гражданской палаты Кублицкий. (Комаров Д.Е. Вязьма и уезд в XIX в. Смоленск, 2000. С. 58—59). В комитет постоянно поступали сведения о нахождении в различных районах губернии в большом количестве незахороненных человеческих остатков и падали. В связи с приближающейся весной они могли стать причиной обострения эпидемиологической обстановке в губернии.

По данной причине при Временном комитете по управлению Смоленской губернии в январе 1813 г. была учреждена «Комиссия по уборке трупов и падали после боевых действий». Для осуществления работ использовали не только пленных французов и арестантов, но и нанимали рядовых граждан, для чего по предписанию Смоленского губернатора господина К.И. Аша было выделено 2500 рублей. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1813. Д. 42. Л. 124).

Полученные средства расходовались на найм рабочих и подвод, для сбора человеческих и животных останков как в городе Вязьме, так и уезде. Из Ведомости издержания при уборке тел и трупов на рабочих, подводы и дрова видно, что с 5 по 25 января 1813 г. для захоронения и возки падали было задействовано 425 рабочих и 147 подвод, рабочим было уплачено 112 руб. 50 коп., а на найм подвод израсходовано — 367 руб. 50 коп. В среднем в день к работе

привлекалось 25 человек и 10 подвод. Для сожжения 2300 тел было куплено — 80 саженей дров, ценою — 920 руб. 50 коп., по 11 руб. 50 коп. каждая. Всего же за указанный период было израсходовано 1400 рублей 50 копеек. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1813. Д. 42. Л. 6—7).

Материалы работы комиссии свидетельствуют о том, что 12 ноября 1812 г. по 1 апреля 1813 г. в Вязьме было зарыто — 4813 тел, сожжено — 2354, падали — 1000 штук, да зарыто на городской выгонной земле — 2973, а вблизи города на Ямском, Подмонастырских, Економических и Плетниковских полях — 10009 штук падали для чего наняты были рабочие. А в Вяземском уезде в период с 4 декабря 1812 г. по 29 апреля 1813 г. было сожжено — 1415 трупов и 3112 падали, закопано в ямы — 7874 трупа и 24173 падали. А всего за 9 недель (с 25 января по 1 апреля 1813 г.) работ было израсходовано — 2368 руб., всего же на захоронение падали и трупов было потрачено 3768 руб. 50 коп. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1813. Д. 42. Л. 126).

Следует остановить внимание на том, как происходило захоронение человеческих и животных останков, к которому ежедневно привлекалось от 35 до 80 человек. Во время поспешного отступления французской армии не было возможности погребать останки павших обыкновенным образом, поэтому их сжигали. Делалось это следующим способом: клали ряд дров, вперемешку с соломой, и на них ряд трупов, потом опять ряд дров с соломою и опять ряд трупов и т.д. (Опыт собрания исторических записок о городе Рославле. / С.С. Ракочевский, под. ред. М.В. Иванова. Смоленск, 2010. С. 219—220) В начале 1813 г. (февраль—март) из-за промерзшего грунта остатки сжигали, Позднее их хоронили в братских могилах, при чем ни какого разделения на русских и французов не было.

Но процесс захоронения останков погибших не обходился без курьезов. Так во время проезда М.М. Муромцева через г. Вязьму на почтовом дворе им был обнаружен дурной запах, свидетельствовавший о том, что в погребе дома есть непогребенные тела. В ответ на это заявление вяземский голова дал разъяснение, сколько уже захоронено и сожжено трупов и падали и что из-за мороза не удалось во время зарыть тела, т.к. земля на 20 аршин промерзла. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1813. Д. 42. Л. 88).

Согласно Ведомости об очистке трупов по Смоленской губернии со времени очищения губернии от неприятеля и по 20 апреля 1813 г. в Вязьме было сожжено — 2354 трупов на сумму — 1000, закопано в ямах — 5200 трупов на сумму — 13 539, а в Вяземском уезде сожжено — 832 тела, на сумму — 1469 и закопано в ямах — 1354 тел, на

сумму — 7719. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1813. Д. 42. Л. 168). В целом же по Смоленской губернии (согласно материалам комиссии) на 20 апреля 1813 г. было погребено и кремировано 176 566 мертвых тел, и 128 739 трупов животных (Вороновский В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб.,1912. С.322).

В Государственном Архиве Смоленской области имеется рапорт вяземского городского головы на имя Смоленского гражданского губернатора Аша от 5 мая 1813 г. в котором говорится что «... после сошествия снега, тела которые были закопаны мелко с прошлого 1812 г. осенью, когда город был занят неприятелем 330 французских тел поотрывали в отдалении от города и закопали на городской выгонной земле». (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1813. Д. 42. Л. 117).

Таким образом, к лету 1813 г. процесс захоронения трупов в братских могилах г. Вязьмы и Вяземского уезда Смоленской губернии был практически завершен.

Иоаннисян О.М., Сорокин П.Е.

Формирование Санкт-Петербурга по историческим и археологическим данным

До недавнего времени культурный слой Санкт-Петербурга оказывался вне поля зрения и интереса археологов. Положение изменилось с середины 1990-х годов, когда археологические исследования на территории города приобрели регулярный и планомерный характер. За три столетия существования Петербурга его облик претерпел значительные изменения. Сотни сооружений — храмов, дворцов, административных и промышленных зданий, представляющих собой части истории города, да и всей России, были по разным причинам утрачены. Исчезли с лица земли многие фортификационные сооружения и некрополи. К настоящему времени собрана и систематизирована информация о городском культурном слое и утраченных объектах, изучены основные памятники допетровской истории. Археология занимает все большее место в изучении урбанистических процессов Петербурга.

Санкт-Петербург развивается на новом месте по отношению к своему предшественнику, шведскому Ниену XVII в. Город в первые десятилетия занимал: Заячий остров, южную половину Петроград-

ского и северную часть Адмиралтейского островов, а также Стрелку Васильевского острова, перекрывая тем самым территории наиболее крупных селений, непрерывно существовавших в дельте Невы с позднесредневекового времени.

В самом принципе урбанизации Петербурга очень много от традиционного средневекового принципа формирования территории города по схеме «град» (Петропавловская крепость) — посад (Городовой остров — центральная площадь с церковью и торгом, административные учреждения, дома знати и окружавшие их слободы). Слободы, подразделявшиеся по национальному, военному, ремесленному или профессиональному принципам, стихийно возникали и развивались на окраинах города. Как правило, они не имели регулярной планировки. Отдельные окраинные районы города того времени на Петроградском, Васильевском и Адмиралтейском островах, на Выборгской и Московской сторонах напоминают традиционную кончанскую систему формирования городской застройки в древнерусских городах.

Принципы развития городской территории Петербурга, фактически повторяют ту же схему развития, что и большинство городов, имеющих многовековую историю. Основное различие между ними и Санкт-Петербургом заключается в том, что в эпоху его становления (т.е. с 1703 г. и до конца 1760-х гг.) его развитие проходило стремительными темпами, и те же процессы, которые в более старых городах нередко занимали несколько столетий, в Петербурге укладываются всего в 5—6 десятилетий.

Казаков Г. М.

Почтмейстер Андрей Андреевич Виниус как информант бранденбургского курфюршеского двора

Андрей Андреевич Виниус бесспорно принадлежит к числу наиболее значимых представителей приказного бюрократического аппарата второй половины XVII века. Фигура этого незаурядного человека, проделавшего карьеру от простого переводчика до начальника Сибирского приказа и одного из ближайших соратников Петра I в конце XVII столетия, не раз привлекала внимание исследователей (Юркин

И.Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641—1716. Москва, 2007; Boterbloem K. Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641—1716. Basingstoke & New York, 2013). Однако один из эпизодов биографии Виниуса младшего до сих пор не получил должное внимание в исторической науке.

Еще в 1932 г. немецкий руссист Лео Лёвенсон опубликовал в берлинском «Журнале восточноевропейской истории» любопытный источник: 23 письма, хранящихся сегодня в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине (GStA PK, HA Geheimer Rat, Rep. XI, Nr. 6582) и озаглавленных в архивном собрании как «Рукописные известия из России, 1681—1683 гг.» (Loewenson L. 1681—1683. Geschriebene Zeitungen aus Rußland // Zeitschrift fьr osteuropдische Geschichte. 1932. Bd. VI (neue Folge, Bd. II). S. 83—93, 231—237, 402—415, 552—585). Данные письма пересылал на протяжении 1681—1683 гг. ко двору бранденбургского курфюрста Германн Дитрих Гессе — прусский дипломат, неоднократно приезжавший с дипломатическими миссиями в Москву в 1670-е годы и с 1679 г. находившийся в Кёнигсберге (Форстен Г.В. К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900 г. № 331, Сентябрь. С. 1—8). Гессе получал «известия» от своих корреспондентов в России (Москве и Новгороде) и балтийских городах (Риге и Таллине) после чего копировал их и пересылал в Берлин. Основная часть писем при этом приходила именно из Москвы (15 писем). Письма сообщали преимущественно политические новости, например, о заключении Бахчисарайского мира между Россией и Османской империей в 1681 г.

Уже сам Лёвенсон предположил, что «основным» московским корреспондентом Гессе мог быть А.А. Виниус. Прусский дипломат нигде не называет своих информантов по имени, а сами письма не содержат подписи, однако исходя из косвенной информации, сообщаемой в «рукописных известиях», складывается следующий портрет московского корреспондента. Это был иностранец со знанием немецкого и латинского языков, находившийся на русской службе, скорее всего при Посольском приказе. Так, например, в письмах встречаются такие выражения, как «в нашей немецкой слободе» («in unser Teutschen Slabodda») и «здесь в канцелярии все заняты отправкой курьера в Константинополь». Более того, данный корреспондент упоминал, что однажды находился проездом («in paßant») в Кёнигсберге. Известно, что дьяк А.А. Виниус действительно посещал Кёнигсберг во время своего посольства во Францию, Испанию и Англию в 1672 г. (Казакова Н.А. А.А. Виниус и статейный список

его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672—1674 гг. // ТОДРЛ. Том 39. 1985. С. 348—364). Не вызывает сомнения, что Виниус в совершенстве владел немецким языком. Более того, в начала 1680-х гг. он занимал пост московского почтмейстера и напрямую занимался пересылкой почты из Москвы в Ригу и Кёнигсберг. Виниус мог познакомиться с Гессе во время пребывания последнего при царском дворе с дипломатической миссией. Исходя из всех этих аргументов можно с уверенностью заключить, что новостями из России прусского агента снабжал именно А. А. Виниус.

Весьма любопытна причина, по которой контакт между Гессе и Виниусом прервался. Как известно, после смерти царя Фёдора Алексеевича в Москве в мае 1682 г. произошло стрелецкое восстание. Уже после бунта 15—17 мая Гессе получил из Москвы несколько писем, от 30 мая и 4 июля (оба — старый стиль), в которых, однако, удивительным образом почти ничего не сообщалось о беспорядках. Лишь в письме от 4 июля московский корреспондент весьма туманно сообщал, что «обстоятельства здесь [в Москве] после смерти Его Царского Величества Фёдора Алексеевича намного сложнее, чем я могу описать». Следующая фраза в письме оказывается написанной на латыни, по-видимому, из-за опасения, что документ мог быть перехвачен. На латыни московский корреспондент объяснял, что воздерживается от подробного описания событий в российской столице из-за слишком большого риска, «особенно если что-то из этого станет известно в ваших печатных газетах». Как известно, в обязанности Виниуса как почтмейстера входила доставка в Москву западноевропейских газет, избранные статьи из которых переводились в Посольском приказе и составлялись в специальные подборки — куранты (Шамин С.М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. Москва, СПб., 2011). По-видимому, Виниус опасался, что переданная Гессе информация могла попасть в немецкую прессу, которая затем могла быть переведена в Москве, где могли бы дознаться об источнике утечки сведений. Крайне любопытно то, что А.А. Виниус был прав в своем подозрении. За 1682 г. сохранились все номера берлинской газеты (т.н. Titellose Zeitung). В воскресном номере от 27 недели 1682 г. находится сообщение «Из Москвы от 10 июня» (Eingekommener Zeitungen Sonntagische Fama. Von der 27sten Woche 1682. Aus Moscau vom 10. Junii), которое представляет собой практически дословное воспроизведение письма московского корреспондента Гессе от 30 мая, сообщавшего о смерти царя Фёдора и избрании на царство Ивана и Петра.

Опасение Виниуса за собственную безопасность привели к разрыву контакта с Гессе. Во всяком случае в ноябре того же 1682 г. последний жаловался в корреспонденции, отправленной в Берлин, что не получал уже долгое время никаких вестей из Москвы. Лишь в июле 1683 г. Гессе получил последнее сообщение от своего московского корреспондента с новостями об окончании московской смуты. После этого переписка между прусским дипломатом и московским почтмейстером по всей видимости окончательно прервалась.

Ковшарь И.Г.

Тульский некрополь: белокаменная резьба XVIII века

Всехсвятское кладбище Тулы — одно из первых в русской провинции, созданных по указу правительствующего Сената 1771 г. Уже в апреле 1772 г. было отведено место для посадского кладбища за городской чертой «по Киевской дороге, на выгонных землях». В этом же году выделена земля для кладбища в Кузнецкой слободе, а через несколько лет возникло и кладбище Чулковской слободы. Практически сразу на всех трех кладбищах началось строительство храмов. Всехсвятское кладбище получило свое название по одному из приделов кладбищенского храма.

Типология надгробий тульского некрополя XVIII в. представлена, по сути, всеми имеющимися на данный момент формами, за исключением скульптуры: плиты гранитные (надгробие купца Минаева, ск. 1794 г.); плиты белокаменные (профилированные по боковым сторонам — участок семейства П.К. Лугинина, 1780-е и надгробие иерея Г. Авраамова, ск. 1774 г.; безымянные высокие с изображением «Голгофа со страстями»); белокаменные саркофаги. Типы и формы надгробий не были связаны с сословной принадлежностью погребенных: плиты и саркофаги устанавливались на дворянских, купеческих могилах и могилах священников.

Надгробия в стиле барокко представлены в основном саркофагами и имеют соответствующие формы и декор. Набор изобразительных средств такой же, как и в архитектуре: криволинейные поверхности, игра света и тени, крупные высокого рельефа изображения,

впечатление подчеркнутой аффектации. Саркофаги В. Мосоловой и И.Е. Белобородова, Н.К. Добрынина, а также Н. Дубинина и дочери «Афрасиньги» Матвеевой — образчики продукции одного мастера или одной мастерской.

Отдельно стоит плита иерея Гавриила Авраамова (ск. 1774 г.) как образец даже не барокко, а скорее рококо: она изящна по пропорциям, профилировке боковых сторон, изобразительным элементам и размеру шрифта.

Саркофаг П.В. Тулаевой (ск. 1794 г.) — пример перехода от барокко к классицизму. Невысокий, стоящий без подставок на плите постамента, с первого взгляда он производит впечатление образчика классицизма: вытянутые по боковым фасадам площадки шрифтов скрывают энтазис общей формы и создают впечатление плоских фасадов. Это впечатление поддерживает глубокий крупный шрифт, характерный для эпохи классицизма. Однако западный торец саркофага открывает подлинную форму надгробия.

Надгробия в стиле классицизм также представлены в основном саркофагами, которые обладают тем же набором выразительных средств, что и произведения «высокого» стиля: стремление к ясности формы и идеи, противопоставление плоских фасадов и высоких геометрически выверенных форм рельефов, приверженность к изображению венков и гирлянд. Интересно то, что в некоторых саркофагах (тульского купца К.Е. Добрынина, ск. 1789 г.; княгини А. Горчаковой, ск. 1794 г.) сохранились следы первоначальной покраски. Это позволяет нам не только утверждать, что белокаменные надгробия того времени были полихромными, но и провести цветовую реконструкцию.

С самого начала XIX в. возникает новая система декора надгробных памятников, связанная со стилем ампир. Появляются новые для провинциального некрополя типы надгробий: жертвенники, колонны и конусы; саркофаги приобретают более камерный характер; возникают каноны размещения изображений и текстов по сторонам света; сильно меняются шрифты. Наиболее яркое проявление местного характера белокаменной резьбы — низкий рельеф, тонкость линий, явная имитация техник художественной обработки металла (всечки, насечки, ложевой резьбы). В 1820—1830-х гг. появляется уникальный мотив декора саркофага — «букет».

Безусловно, на художественную резьбу надгробий тульского некрополя, как и на сами типы и формы, так и на следование «большому» стилю, повлияла близость Москвы. Нельзя исключить и наличие московского импорта, особенно в первые годы существова-

ния общегородских кладбищ провинции. Этот факт в какой-то степени подтверждает и то, что в городской архитектуре Тулы не встречается белокаменной резьбы такого характера и художественного уровня. Однако уже в XVIII в., а наиболее ярко в первой трети XIX в. всё ярче выступают местные характерные особенности белокаменной резьбы тульского некрополя. Объяснить этот факт можно двумя факторами: во-первых, наличием квалифицированных мастеров, которые работали с художественным металлом, в т.ч. и оружием; во-вторых, некоторым структурным отличием местного, «венёвского» белого камня от подмосковного мячковского, менее поддающегося тончайшей резьбе. В результате мы имеем яркий, но короткий период развития тульской художественной белокаменной резьбы узкого функционального назначения.

Куприянов А.И.

Источники изучения электоральной культуры горожан и дворян (последняя четверть XVIII в.)

Одной из характерных черт эпохи Просвещения было стремление правителей узнать больше о важнейших аспектах жизни своих подданных. В правление Екатерины II это проявилось и в изменении документации о выборах, которая стала более информационно-насыщенной, и единообразной после опубликования указа 14 декабря 1766 г. о выборах депутатов в Уложенную комиссию. В процессе реализации губернской реформы 1775 г. выборы, на которых избирали часть чиновников аппарата местного управления и весь состав судов нижней инстанции, обрели регулярный характер и стали проводиться раз в три года. В городах часть должностей в местном самоуправлении наполнялась посредством выборов ежегодно. В результате в архивах отложился большой массив делопроизводственных источников о выборах. В комплексе документации о выборах особую роль играют баллотировочные списки — аналог протоколов современных избирательных комиссий.

В случаях заполнения баллотировочных списков по правилам, в них должны быть указаны: ФИО, сословный статус, возраст, наличие недвижимой собственности, прежние службы, сведения о судимости, дата

проведения голосования, число избирательных и неизбирательных баллов. Эти данные позволяют без использования других источников выявить отношение горожан-избирателей к конкретным выборным должностям, влияние отдельных купеческих семей, коридор электоральных возможностей для горожан разного имущественного положения в конкретном городе, влияние на избирательный процесс лиц, возглавлявших городское самоуправление, активность/пассивность избирателей.

Дворянские баллотировочные списки должны были содержать сведения: о чине, возрасте, службе, бытности под судом, наличии крепостных или недвижимости, о внесении в родословные дворянские книги. Начиная с правления Павла I, следовало также представить указ об отставке.

Баллотировочные списки (особенно черновые, фиксировавшие тут же перипетии электоральной борьбы) из фондов дворянского и городского самоуправления порой более информативны, чем из фондов губернских учреждений. Кроме того, нередко в беловых баллотировочных списках, направленных в губернские органы власти, результаты голосования представлены по порядку полученных баллов, а не в той последовательности как были баллотированы кандидаты. Иногда в XVIII в., главным образом, на первых выборах, «наверх» шли «реестры» избранных, а не баллотировочные списки, что не позволяет установить, сколько было участников выборов и число кандидатов, представленных на каждую должность.

Подобные источники затрудняют анализ *электорального поведения* избирателей, но являются важным фактом для изучения ментальности дворян и горожан, а также их *электоральной культуры*, которая теснейшим образом связана с политической и правовой культурой. В таком контексте массовое нарушение предписанных законом избирательных процедур часто не было сознательной фальсификацией волеизъявления избирателей, но было явлением специфического патриархального правового нигилизма, опиравшегося на представления о том, что выборы — это привилегия, дарованная монархом, которой избиратели могут распоряжаться на них по своему усмотрению, не стесняя себя формальными процедурами.

Разумеется, историк не должен проявлять излишнюю доверчивость к баллотировочным спискам, как бы аккуратно и полно (в соответствии с законом и требованиями губернских властей) они не были заполнены. В XVIII в., как и сегодня, результаты выборов не так уж и редко фальсифицировались, поэтому необходимо проверять этот источник другими, например, жалобами на нарушения в выше-

стоящие инстанции и материалами проверки этих жалоб, конечно, когда есть такая возможность. Рассмотрение комплекса источников, в которых рассматривались жалобы избирателей и других субъектов электорального процесса, позволяет анализировать электоральную культуру не только рядовых избирателей, деятелей самоуправления, губернаторов, но и имперской правительственной бюрократии.

Лазукин А.В.

Некрополь Зачатьевского монастыря: белокаменные надгробия XVIII века

Сегодня уже общепризнано, что первый Алексеевский, в будущем Зачатьевский, монастырь был основан митрополитом московским Алексием в 1360-е гг. на Остоженке (современный 2-й Зачатьевский переулок). Его уничтожил в XVI в. пожар (вероятно, в 1571 г.), и дальнейшая история этого монастыря связана с новым местом (в углу отстроенного к концу столетия Белого города). Через десятилетие с небольшим, в 1584 г., на старом пепелище, на Остоженке, монастырь восстановили царь Фёдор Иоаннович и его супруга Ирина (Годунова). В конце XVII в. на территории монастыря стольник А. Л. Римский-Корсаков построил надвратную церковь Спаса Нерукотворного, ставшую родовым некрополем, а с 1760-х по 1805—1807 гг. здесь полностью обновили собор Рождества Богородицы с приделами. Монастырь был закрыт в 1920-е гг. и подвергся разрушению и значительной перепланировке — собор был взорван, а на его месте построена четырехэтажная каменная школа, большинство остальных построек переделано и приспособлено для размещения различных служб и госструктур.

В 1991 г. обитель была возвращена РПЦ и началось её восстановление. В период подготовительных работ и строительства собора (2003—2010 гг.) на территории монастыря (ставшего ставропигиальным) ИА РАН провел масштабные археологические исследования, впоследствии продолженные в менее крупных объемах. Была изучена центральная часть монастыря, а также периферийные участи, где проводились локальные раскопки и велось археологическое наблюдение. Полученные результаты позволили реконструировать основные этапы эволюции городского монастыря — одной из древнейших обителей Москвы.

Помимо каменной церковной архитектуры, остатков жилых и хозяйственных построек был исследован обширный монастырский некрополь XIV—XVIII вв. В его состав входило открытое кладбище, часовня Неопалимая Купина и домовая Спасская церковь Римских-Корсаковых. Часовня Неопалимая Купина — особый вид мемориального сооружения, погребальная церковная палатка с памятными надгробиями — заменила созданную еще в конце XVI в. небольшую «каменную палатку», которая уже не отвечала возросшим требованиям к почитанию памяти сестер митрополита Алексия, прп. Иулиании и Евпраксии. Внутри часовни, над могилами Святых сестёр, находились надгробия, покрытые пеленами с изображением их ликов, а над ними был сооружён шатровый навес — сень. В то же время, как и в любом храме, перед восточной стеной располагались алтарь и иконостас, в ней проводились монастырские службы. Иное положение занимала надвратная Спасская церковь, построенная в 1696 г. как домовой храм и усыпальница Римских-Корсаковых. С 1722 года она стала приходской, оставаясь во владении семьи Корсаковых, самостоятельно распоряжавшихся порядком службы и державших у себя церковные ключи. В ней проводили требы (венчания, крещения, отпевания), нежелательные внутри монастыря. В подклете той же Спасской церкви хоронили представителей фамилии Римских-Корсаковых и Шаховских, о чём свидетельствуют «таблицы» на её стенах и документальные материалы.

Среди собранных материалов позднего кладбища коллекция намогильных плит и белокаменных надгробий представляет несомненный интерес. Она насчитывает свыше 150 целых и фрагментированных экземпляров, представляя основные типы памятников и позволяя проследить всю эволюционную цепочку, от средневекового белокаменного надгробия — плоской «цки» XIV в., до пышных каменных саркофагов и «таблиц» XVIII в.

Самые поздние из них бытовали с кон. XVII в. до нач. 70-х гг. XVIII в. В морфологическом отношении это надгробия нескольких типов, различающиеся по форме и отделке. Первый из них представляет форму простого гроба без верхней крышки, у которого длинные стороны и торцы суживаются к основанию, верхняя плоскость ровная. Надгробие такого типа было обнаружено в 2003 г. *in situ*. Оно отличается массивностью и простотой формы, верхняя плоскость и боковые грани гладкие. На торце в изголовье глубоко вырезан четырёхстрочный текст, заключённый в простую профилированную рамку (размер 61х41 см), указывающий дату смерти покойного — 1720 год.

В центре первой строки имеется изображение четырёхконечного креста с инициалами IC/XC под титлами и NI/KA, а между второй и третьей строкой текста мелкими буквами вырезано слово «РУДАКОВА д(о)ч(ь)», вероятно, мирская или девичья фамилия схимницы.

Аналогичное надгробие обнаружили рабочие-строители зимой 2007 г. на севере участка «Л"», где проводилась выборка грунта. Оно залегало в верхних горизонтах монастырского кладбища, возможно, *in situ*. От предыдущего экземпляра это надгробие отличается наличием декора на верхней плоскости: изображён рельефный Голгофский крест и орудия Страстей по сторонам, а в основании креста вырезана стилизованная гора и человеческий череп. Вся композиция заключена в широкую (до 8 см) рамку с наложенными редкими листьями дуба. На торце в изголовье имеется текст с датой «1704» и указывается социальный статус и имя умершей — схимонахиня Екатерина Васильева. Текст обрамлён рельефной резной рамкой, на отдельных элементах которой сохранились следы раскраски.

Второй вид памятников представлен намогильными знаками в виде пышных, богато декорированных «саркофагов» барочного типа, изголовье которых шире изножья, а стенки имеют выпуклую поверхность, которая ближе к крышке переходит в вогнутую линию. Таким образом, верхняя часть имитирует крышку гроба. Длинные стороны покрыты рельефным изображением пальмовых ветвей и лавровых листьев, а грани обработаны рельефом акантовых листьев, лентой или драпировкой. В центре длинных боковых сторон располагается декорированная лиственным орнаментом рамка с текстом, часто в технике обронной резьбы или в трехгранно-выемчатом стиле. Формула надписи отличается от тестов XVI—XVII вв. более светским характером, при всей краткости она становится более информативной, ее авторы склонны порассуждать о заслугах покойного. Неотъемлемой частью орнамента барочного саркофага выступают символы смерти (череп, кости), дворянские гербы или монограммы, которые помещаются на торцевых частях.

Третий тип намогильных знаков XVIII в. — «памятные доски» или «таблицы», которые крепились на стены храмов (часто, на значительном удалении от места погребения человека). Они имеют прямоугольную или квадратную форму, внутреннее поле обрамлено резной рамкой, часто с богатой рельефной резьбой (листья аканта, лавровые ветви, герб или корона, четырехконечный крест). В центральной части вырезан текст-эпитафия, в отдельных случаях, весьма пространный.

Тексты этих памятников несут информацию о захороненных лицах, их социальном статусе, семейном положении и пр. и могут служить источниковедческой базой при изучении генеалогических связей московского (и не только) дворянства. Например, часто встречаются представители фамилии Римских-Корсаковых, которые владели надвратным храмом Спаса Нерукотворного и в подклете которого находилась их усыпальница, князей Щербатовых, Мещерских, других менее титулованных дворян.

Все собранные надгробия XVIII в., как и более ранние, позднесредневековые, включены в каталог, описательная часть которого сформирована по системе, предложенной в работах Л.А. Беляева и других специалистов по изучению исторических некрополей.

Майер И., Янссон О.

Памятники русской историографии «made in Sweden»: «Ядро Российской истории» как источник генеалогического древа Рюриковичей

До сегодняшнего дня известными историографическими памятниками XVII—XVIII вв., созданными в Швеции, оставались труд Г.К. Котошихина о Российском государстве середины XVII столетия, написанный в 1666—1667 гг., и «Ядро Российской истории», составленное А. И. Манкиевым (не исключено, что вместе с князем А. Я. Хилковым, в 1700 г. назначенным российским послом в Швеции) в 1715 г. и охватывающее историю России от древности до петровских времен. Сегодня мы можем с большой степенью уверенности прибавить к ним еще один памятник — рисунок генеалогического древа династии Рюриковичей, содержащий как визуальную, так и текстовую информацию исторического характера (детальное описание «Древа» см. в статье Янссон О., Майер И. Упсальское генеалогическое древо династии Рюриковичей: описание и история создания // Родословные древа русских царей XVII—XVIII веков. Сост. А.В. Сиренов. М., 2018. С. 80—91). Согласно нашим выводам, текст на древе Рюриковичей выполнен рукой Манкиева.

Источником «Древа Рюриковичей» являлось сочинение «Ядро Российской истории», известное нам в 18 списках. Непосредствен-

ную связь между данными памятниками доказывает полное совпадение количества и написания имен правителей и их потомков или братьев. (Сравнение производилось на материале следующих рукописей: РГБ, ф. 256. Собрание Н. Р. Румянцева. Оп. 1. № 270; Herzog August Bibliothek Wolfenbьttel, Cod. Guelf 217.7 Extravag.; Niedersдchsisches Landesarchiv Wolfenbьttel, 1 Alt 6 Nr. 208, с привлечением печатного издания Г. Ф. Миллера 1770 г.) Так, «Ядро» содержит перечень 21 основного представителя династии Рюриковичей, в точности отраженный на «Древе» (заимствованный в описание истории России, очевидно, из родословных книг). Имена сыновей и последовательность их упоминания в обоих памятниках также совпадают.

Выразительными совпадениями считаем орфографические особенности «Древа» и «Ядра», отражающие произношение непалатального [г], такие как *Рурикъ* и *Игоръ* (*Їгоръ*). В обоих памятниках фиксируется характерное для Манкиева написание *и десятиричного* с двумя точками (*ѝ*), в том числе в инициальной позиции: *Їгоръ*, *Їванъ*. Кроме этого, обращает на себя внимание форма имени *Вязеслав* (вместо *Вячеслав*, сын Владимира Мономаха), вероятнее всего указывающая на использование иностранного источника. (Подобное написание отмечено нами в хронике Стрыйковского.) Правда, на генеалогическом древе — в отличие от «Ядра» — не присутствуют отчества правителей, но это легко объясняется необходимостью экономии места на «Древе» и тем обстоятельством, что отчества можно легко восстановить по рисунку. Прозвища правителей на «Древе» и в «Ядре» абсолютно совпадают (например, *Ярослав Хромый*, *Всевладъ Великое Гнездо, Дмитрий Донской*).

Печатная версия «Ядра Российской истории» под редакцией Миллера отличается большей вариативностью орфографии при написании имен правителей династии Рюриковичей. В предисловии к издаваемому тексту его редактор отметил, что он использовал три рукописных источника, но не указал, какие именно. Миллер последовательно исправил, например, прослеживающиеся в рукописных текстах *Їванъ/Іванъ/Иванъ* на *Иоаннъ*, а также — хотя и менее последовательно — *Рурикъ* на *Рюрикъ*. Перечень имен правителей и их потомков, поданный в издании, отражает последовательность, зафиксированную в рукописях, и совпадает с имеющимися на «Древе Рюриковичей».

Мы предполагаем, что работа над обоими произведениями велась примерно одновременно, но что «Древо» было закончено после «Ядра». Поскольку сочинение «Ядра Российской истории», как явствует из его предисловия, было завершено в 1715 г. (в шведском городе Вэстерос),

мы предполагаем, что «Древо» увидело свет, скорее всего, в том же году. В любом случае, мало вероятно, чтобы Манкиев мог над ним работать после февраля 1716 г., когда практически все русские военнопленные — и в том числе князь Хилков и его секретарь Манкиев — были переселены в крепость Висингсборг на острове Висингсё. Суровые условия жизни в этой крепости (из-за которых Хилков там и скончался в 1716 г.) вряд ли позволяли заниматься литературным трудом. Поэтому мы предлагаем 1715 г. как ориентировочный год создания «Древа».

Протограф «Ядра Российской истории» еще не обнаружен. В случае, если он сохранился, мы надеемся, что достигнутые нами результаты в изучении почерка Манкиева на «Древе Рюриковичей» и планируемое более систематическое исследование его образцов в других атрибутируемых ему источниках упростят работу по выявлению этого прототекста и установлению его принадлежности руке Манкиева. Правда, для окончательного решения вопроса об авторстве «Ядра» — Манкиев или князь Хилков (см. Долгова С. Р. Предисловие // Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова 1676—1717. К истории Северной войны. Сборник документов. М. — СПб., 2015. С. 12) — выявление протографа не будет иметь особенного значения, так как не может быть сомнения в том, что Манкиев в любом случае выполнил чистовик «Ядра».

Марасинова Е.Н.

«Правда воли монаршей» Екатерины II: проблема наследования престола в черновиках императрицы

Середина 1780-ых годов стала периодом, когда Екатерину II все более начинает беспокоить проблема наследника престола. Данная работа посвящена анализу размышлений императрицы, отразившихся в целом ряде черновых записей, неопубликованных проектах, конспектах и замечаниях на полях прочитанных ею текстов, касающихся вопросов передачи власти.

Перу Екатерины принадлежит своеобразный трактат, который она назвала «О преимуществе Императорского Величества» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1—4 об). Этот документ императрица тщательно про-

писала в черновом варианте, а затем подготовила беловую рукопись (Омельченко О.А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII века // Проблемы истории абсолютизма: сборник научных трудов [Всесоюзный юридический заочный институт]. М. 1983. С. 40—41. Расширенную публикацию см.: Марасинова Е.Н. «*Закон*» и «*Гражданин*» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М. 2017. С. 415—434). Неопровержимые «преимущества» монарха в вопросах наследования престола были сформулированы в записке предельно четко: «Самодержавная и законодательная власть Императорского Величества назначает наследника престола, самодержавной властью определяется порядок в наследовании» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 325. Л. 2).

В черновых пунктах «Об исключении от наследства» Екатерина прорисовывает образ идеального императора, с одной стороны, и «антигероя», воцарение которого грозит бедствиями всему государству, — с другой. Преемник должен быть «добрым, бодрым, искусным, благонравным», способным «доброе отечества состояние утвердить и укрепить». С другой стороны, монарх наделен абсолютным правом отрешить от престола наследника, который не исповедует православие, имеет земли за пределами России, замешан в бунте или заговоре, а также «лишен ума, душевных, нравных и телесных качеств к управлению». Иными словами, самодержец обязан оградить отечество от правителя «злобного, нерадетельного, яростью побеждаемого, правды не ищущего» и особенно безумного (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1—4 об).

Приблизительно в то же время Екатерина обращается к «Правде воли монаршей» и запрашивает у своего статс-секретаря А.В. Храповицкого текст трактата Феофана Прокоповича. 20 августа 1787 г. в его дневнике была сделана запись: «Читали мне известный пассаж из “Правды воли монаршей”. Тут или в манифесте Екатерины I сказано, что причиною несчастия царевича Алексея Петровича было ложное мнение, будто старшему сыну принадлежит престол» (Храповицкий А.В. Памятные записки. М. 1862. С. 37). Императрица внимательно перечитывает трактат и делает его собственноручный конспект, старательно переписав приблизительно десятую часть оригинального текста Прокоповича и отредактировав некоторые выбранные цитаты (См. публикацию выписок Екатерины, которые соотнесены с текстом «Правды воли монаршей»: Марасинова Е.Н. «*Закон*» и «*Гражданин*» в России второй половины XVIII века. С. 434—447).

Главное внимание Екатерина обращает на положения, декларирующие разумность и логичность знаменитого указа Петра I от

5 февраля 1722 года о престолонаследии (ПСЗ. СПб. 1830. Т.VI. № 3893. С. 496. 1722, 5 февр.). Этот акт, спровоцированный делом царевича Алексея, провозглашал право монарха назначать преемника по своему собственному выбору, невзирая на кровное родство с династией Романовых, и более того, в случае недовольства своим наследником — лишить его права на престол и выбрать другого.

Идея максимального расширения прерогатив императорской власти, обоснованная проповедником и идеологом петровского правления, признается и Екатериной, которая выписывает из трактата Прокоповича следующий тезис: «Всяк самодержец, как во всех прочих дел, так и в определении наследника на престол свой свободен есть. Кого государь назначит наследником, тот и есть наследник» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 325. Л. 1—10). В записке «О преимуществе Императорского Величества» она столь же властно подводит черту — император «отчету же в делах на сем свете не подвержен», а дает отчет и «благодарение единому творцу нашему Богу» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 4—4 об).

В трактате Прокоповича Екатерину привлекают и аргументы, связанные с ответственностью монарха за престол и его будущее: «Устав оберегает, дабы в Российском государстве монаршескую власть наследовали самые лучшие, от благоразумных самодержавцев усмотренные и определенные» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 325. Л. 1—10. Далее приводятся цитаты из этого же источника). Не менее весомыми представляются императрице рассуждения в духе самодержавного патернализма: традиционно отец может лишить своего «злонравного сына» наследства, самодержец же, являясь отцом и собственным детям, и всем подданным, не меньшие права распоряжаться своим «отчеством» имеет. Однако если Феофан Прокопович признавал за императором власть «судить смертью» «злобных и безумных» наследников, Екатерина в своем конспекте старательно исключает любое упоминание о казнях и ограничивается нейтральным «отрешением» и «наказанием».

Очень избирательна императрица в привлечении Священного писания для обоснования прерогатив монарха назначать себе преемника. Она игнорирует пассажи Прокоповича о блудном сыне и собранные им многочисленные примеры из Ветхого Завета, ограничиваясь только историей печального правления полумифического безумного сына Соломона Ровоама, при котором произошло разделение колен израилевых. Значительно более важными Екатерине представляются аргументы, основанные на примерах из русской истории — особенно ее заинтересовал прецедент времен правления

Ивана III: «Князь Иоанн Васильевич дважды отменял наследника, перво мимо сыновей отдал внуку, а потом отставил внука уже венчанного, и отдал сыну свое наследство».

Императрица не превратила в высочайшие указы ни записку «О преимуществе Императорского Величества», ни пункты «Об исключении от наследства», что породило множественные споры о реальности ее намерения лишить престола Павла и передать власть своему внуку Александру. Собственноручный конспект «Правды воли монаршей» неопровержимо доказывает, что Екатерина очень серьезно размышляла над этой перспективой, но так и не сочла политически целесообразным ее осуществить.

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект №18—09—00461.

Михайлова Е.Р.

Археология петербургских слобод XVIII века: раскопки в Шневенской и Колтовской слободах

Для археологии Петербурга, история которого полностью укладывается в эпоху Нового и Новейшего времени, восемнадцатый век имеет особое значение. Научное изучение культурного слоя Петербурга принято отсчитывать от работ А.Д. Грача в 1952 г. на Васильевском острове, но только в последние 20—30 лет археология Петербурга оформилась как самостоятельное направление исследований, постоянно накапливающее новые знания. Предлагаемое сообщение посвящено результатам работ Санкт-Петербургского государственного университета на территории двух петербургских слобод XVIII века — Колтовской на Фомине острове (ныне Петроградском) и Шневенской в нижнем течении р. Мьи (Мойки).

Гарнизонный полк под командованием Петра Колтовского был размещен в 1711 г. на западной оконечности Фомина острова, прикрывая город от возможной атаки со стороны взморья и охраняя расположенный поблизости казенный пороховой завод. Невский гарнизонный полк был расформирован на отдельные батальоны в 1764 г., и с этого времени территория Колтовской слободы развивается как отдаленная патриархальная окраина Петербурга, летом

становящаяся дачной местностью. С конца XIX в. здесь складывается промышленная зона, а в начале XXI в. территория застраивается высотным жильем. Во время охранных раскопок 2011—2017 гг. здесь был изучен культурный слой XVIII в. со следами огородов и многочисленных хозяйственных сооружений, а также остатки застройки позднейшего времени.

Шневенская слобода на Адмиралтейской стороне возникла в 1705 г. как поселение морских солдат «Шневенцова баталиону». Здесь же, южнее слободы была построена царская усадьба с регулярным садом и небольшим прудом. Слобода просуществовала до катастрофического пожара 1736 г., после которого жители были переведены на новые места, освободив территорию для нужд Адмиралтейства. Тогда же было завершено оформление искусственного острова Новая Голландия. Вплоть до конца XX в. Новая Голландия принадлежала военно-морскому флоту и использовалась под склады и технические службы, а противоположный берег Адмиралтейского канала с конца XVIII в. застроен жилыми домами. Раскопки здесь велись в 2001 г. на территории усадьбы графов Бобринских и в 2006—2007 гг. в Новой Голландии. Были изучены участки культурного слоя XVIII в., остатки хозяйственных построек, а также следы складов корабельного леса и шлюпочных сараев 1730-х гг.

Культурный слой раннего Петербурга, как правило, хорошо сохраняет органику и может дать сведения об очень многих сторонах городской жизни. Восемнадцатый век традиционно и справедливо считается началом нового периода истории России, и археологические материалы, казалось бы, подтверждают это мнение. В петербургском культурном слое массово представлены импортная керамика из каменной массы, привозные фарфор и стекло, детали европейской одежды и обуви, «голландские» изразцы, устричные раковины и пр. Однако еще более многочисленны вещи традиционных типов, восходящие к русскому средневековью. Петербургский материал сам по себе не позволяет судить, насколько резкими и всеобъемлющими были изменения в материальной культуре, но дает важные сведения для изучения этого процесса.

Плех О.А., Меньшиков А.И.

Дела о наследстве как источник по изучению быта провинциального купечества последней четверти XVIII в.

Культура повседневности провинциального города — актуальная и активно разрабатываемая тема исторических исследований. В своих научных изысканиях историки обращаются к самым разным документальным источникам, среди которых нам бы хотелось выделить материалы по разделу наследственного имущества. Эти документы по сей день остаются малоиспользуемыми применительно к изучению быта провинциального купечества XVIII в., поскольку среди архивных материалов встречаются довольно редко. В Государственном архиве Вологодской области нам удалось выявить несколько дел по разделу имущества. Чтобы показать их содержательные возможности кратко охарактеризуем одно из них — дело, датированное 26 июня 1787 г., в котором содержится опись имущества крупной купеческой семьи г. Вологды (ГАВО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72). Речь идет о наследстве, оставшемся после смерти купцов Исаевых — Михаила и его сына Андрея, — на которое претендовали Матрена Исаева (вдова Михаила), Надежда Петрова (вдова Андрея) и дочери Михаила — Аграфена Попова и Александра Козлова. Особую ценность делу о наследстве Исаевых придает то, что оно содержит полное описание комплекса городской усадьбы с подробной характеристикой движимого и недвижимого имущества, что крайне редко встречается среди подобного рода материалов.

Согласно описи, составленной Вологодским городовым магистратом в 1786 г., в Заречной части города, на набережной р. Вологды, в престижном месте — напротив соборной церкви и архиерейского дома — находилась усадьба Исаевых с довольно внушительным по размерам земельным участком (ширина составляла около 70 метров, длина — около 300 метров). Здесь располагался жилой трехэтажный каменный дом, занимавший участок 15 × 20 метров, а во дворе многочисленные деревянные здания производственного и хозяйственного назначения (есть основания предполагать, что застройка была осуществлена после произошедшего в 1773 г. в этой части города сильнейшего пожара). Жилой усадебный дом был обращен главным фасадом на набережную. Третий и первый этажи имели сводчатые перекрытия. В покоях затворы на окнах и двери были выполнены из

железа. Интерьер украшали печи с изразцами. В документах зафиксировано не только внутреннее убранство помещений, но и наличное движимое имущество. Помимо многочисленной мебели и посуды из разных материалов (серебряная, медная, оловянная, фарфоровая, стеклянная, хрустальная и каменная) в доме насчитывалось 59 икон (большинство в дорогих окладах) и 2 креста, 10 картин (в том числе портрет великого князя Павла Петровича), 27 книг (в основном религиозной направленности) (там же. Л. 25 об.—48 об.). Среди предметов интерьера имелись оригинальные вещи: например, «кабинет черепаховый с часами, при нем статуйки и зонтик, оправленные серебром» или «часы столовые в медном корпусе резные и чеканной немецкой работы» (там же. Л. 30 об., 46 об.). В сундуках и ящиках хранились одежда (в том числе меховые изделия), ковры, ткани различной фактуры, платки («набойчатые по выбойке разных рук»), кожи, краски, вейновая водка (144 штофа и 120 полуштофов). Среди личных вещей Михаила Исаева указывались записные (черновые) тетради, долговые расписки, векселя, письма, а также «в бумажке слитков серебра лому 12 штучек» (там же. Л. 43 об.—44). Кроме того, у хозяина усадьбы имелись и ювелирные изделия (золотые карманные часы, золотой перстень с голубым яхонтом, серебряные пряжки с хрусталями), которых, впрочем, по описи «не явилось» (там же. Л. 49 об.). Рядом с усадебным домом стояла «изба людская» — небольшое деревянное строение с 5 ветхими волоковыми (слюдяными) окнами (там же. Л. 25). Любопытно, что все остальные здания, расположенные на участке (даже баня и амбары), имели стеклянные окончины. Здесь, по всей видимости, проживали две семьи «из калмык» и один вдовствующий мужчина русской национальности, которые находились в услужении у Исаевых, и также были внесены в опись имущества (там же. Л. 44 об.).

Михаил Исаев был известен как владелец стекольной и выбойчатой фабрик, которые размещались во дворе его усадьбы. Согласно описи имущества, у «задних ворот» находились две объединенные сенями деревянные «светлицы» — строение 14 × 12 метров с 16 большими окнами, предназначенное для производственных работ. Здесь располагалось 7 фабричных верстаков, чугунный котел, галанда с инструментами; одно из помещений было оборудовано для набивки тканей (там же. Л. 19 об.—20). Интересно отметить, что интерьеры светлиц были украшены иконами и картинами. Рядом с описываемым зданием стояла красильная изба. На участке имелось множество хозяйственных построек и амбаров, в которых хранился фабричный инструмент, вещи, оставшиеся от производства стеклянной посуды,

сырье, съестные припасы и т.д. (там же. Л. 20 об.—25). На территории двора располагалась действующая кожевня с 18 чанами (один чан вмещал 170 кож), принадлежавшая мужу одной из дочерей Михаила — Ивану Ивановичу Козлову. Помимо прочего, Исаевы владели тремя деревянными лавками, «построенными на казенной земле в гостином дворе», сдававшимися в аренду (там же. Л. 49).

Как мы видим, материалы о разделе наследства обладают значительным информационным потенциалом. Они позволяют не только оценить имущественное положение провинциальных купцов и их хозяйственную деятельность, но и приоткрыть завесу их частной жизни.

Реброва Р.В.

Проблемы отбора массовых находок XVIII – нач. XX в музейную коллекцию на примере фонда Санкт-петербургской археологии Государственного Эрмитажа

Каждая экспедиция, работающая в черте исторического центра на раскопках памятников XVIII—XIX веков, сталкивается с проблемой отбора массового материала. Начало XVIII века совпадает со временем развития индустриализации. Продукция становится многотиражной и, следовательно, в единичных находках для характеристики эпохи, быта, производства мало информативна.

При отборе материалов в музейную коллекцию хранитель стоит перед опасностью отсева, возможно, нужных предметов. Он должен ответить на вопросы: насколько тот или иной массовый материал следует принимать в коллекцию? или он подлежит простой фиксации? насколько он может быть показателен для изучения истории промышленности, производств, экономического роста страны и других смежных областей исторической науки? Это касается строительных (кирпича, черепицы), отделочных (плитки, изразцы) материалов и предметов повседневного быта. Но именно такой подход музейного сообщества менее всего приемлем для археологов, поскольку результатом такого «искусствоведческого» отбора повсеместно становится уничтожение важных составляющих археологических коллекций. Как найти эту тонкую грань, компромисс, и, не

уничтожая целостности археологических коллекций, избежать раздувания фондов до бесконечности?

Если для курительных голландских трубок, плитки, сельтерских и винных бутылок, т.е. вещей тоже массового производства, но западноевропейского происхождения, ещё можно обращаться к каталогам западных коллег, где все эти вещи достаточно точно классифицированы, то вся типология изразцов русского производства, кирпича и черепицы все еще в зачаточном состоянии.

Не существует каталогов типов черепицы, и на данный момент вышел только один полноценный каталог типов кирпичей, но и он охватывает только территорию Санкт-петербургской губернии (Смирнов В.Н., Ёлшин Д.Д. Кирпичные клейма Санкт-Петербургской губернии середины XIX нач. XX века. Каталог и исследование. / Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. № 7. Материальная культура Санкт-Петербурга. Вып. I. СПб, 2017). Каталоги с изразцами появляются только по отдельным коллекциям музеев и в большинстве останавливаются до начала XVIII века (Изразцы из собрания Новгородского музея: Каталог выставки. Великий Новгород, 2006; Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. 2011; Она же, Московский архитектурный изразец XVII века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника «Коломенское-Измайлово-Лефортово-Люблино». М., 2013.). Следует ли брать большое количество такого рода материала, предваряя возможное экспонирование, и насколько оно в принципе возможно? Как (и как часто) можно задействовать подобный материал? Возможно, он пригодится только для создания типологии? То есть будущим ученым, которые смогут создавать типологии единственным способом — осмотрев коллекции. Если же коллекции отфильтрованы и массовый материал отсеян, то для создания типологии исчезнет сама основа, создавать будет не по чему.

В процедуре отбора предметов для приема на постоянное хранение имеется множество подводных камней. Не обладая всей полнотой информации по категории экспонатов, можно не заметить важное. Приведем несколько конкретных примеров. Так, при раскопках большого Эрмитажного двора в 1999 году в траншее №1 (территория усадьбы Ф.М. Апраксина) было найдено всего 2 фрагмента голландской плитки. Казалось бы, незначительная находка. Архивные документы подтверждали присутствие плитки во дворце Ф.М. Апраксина, но дворец был разрушен и фактического подтверждения этому не находилось. Находка фрагментов двух плиток подтвердила этот факт.

В Большом дворе Эрмитажа в 2002 году была найдена черепица необычного вида. По всей её внешней поверхности был сделан волнообразный рисунок, напоминающий расчесы рукой по песку. Подобный рисунок на черепице больше никогда и нигде не встречался, в чем мы убедились после консультаций с практикующими в Санкт-Петербурге археологами. Почему появился такой рисунок на черепице, можно ли её отнести к уникумам? Что дает находка подобного предмета для изучения развития производства черепицы в Санкт-Петербурге, где оно было интенсивным в очень короткий промежуток времени и к началу XIX века практически прекратилось?

Кирпичное производство не останавливалось, и создание классификации их типов выглядит более доступно. Раскопки дают большие их количества, но период строительства Петербурга, когда кирпичные заводы открывались почти на каждой реке, остается пока малоизученным. В фонде хранится уникальный для раннего Петербурга клейменый кирпич, обнаруженный в Шуваловском проезде в 2004 году. По своим размерным характеристикам он относится к началу XVIII века и происходит, очевидно, из усадьбы Корнелиуса Крюйса. Клеймо на тычке кирпича характерно для московского кирпичного производства XVII—XVIII вв. (Смирнов В.Н., Ёлшин Д.Д. Указ. соч. С. 25). Видимо, этот уникальный кирпич либо был привезен из Москвы, либо его партия была сделана в Петербурге по московской традиции.

Изразцы предоставляют большие возможностий для составления их классификации, так как обладают цветом, рисунком, который со временем менялся или исчезал с лицевых пластин. В данный момент исследования хранителей фондов строительной керамики и открытия в области археологии Нового времени дают постоянно обогащающуюся типологию изразцов, помогая отслеживать не только изменения типов росписи и полив, но также пути их распространения (См. материалы конференций: Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. Материалы I и II Всероссийских научно-практических конференций. Новый Иерусалим, 2014—2015. Сборник статей и тезисов / Ред. Л.А. Беляева. М.-Новый Иерусалим, 2016.; Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь, 2017. и др.). Изменились, например, общепринятые ранее представления о белых гладких изразцах, производство и распространение которых относили к началу XIX века. Гладкий изразец, покрытый белой эмалью, изготавливали уже с начала XVIII века на московских керамических заводах. Образцы этой продукции археологи находят

в слоях середины XVIII века. Есть они и в коллекции Эрмитажа. Поэтому следует с осторожностью относиться к атрибуции изразцов подобного типа, ведь момент их изготовления может смещаться на протяжении почти столетия. Изделия XIX века, в обилии использовавшиеся в печах Петербурга, очень похожи на своих предшественников века XVIII, их сложно отличать друг от друга.

Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П.

Нейтронная томография и радиография как метод исследования предметов личного благочестия (на примере креста из Донского монастыря)

Доклад посвящен результатам исследования подвесного креста из Донского монастыря методом нейтронной томографии и радиографии, проведенным по просьбе руководителя Московской археологической экспедиции Л.А. Беляева. Крест происходит из погребения № 2 и получен при работах по идентификации возможных захоронений семьи Годейн (Анны Карилловны Годейн-Багратион (1804—1875) и ее дочерей Александры Николаевны Годейн-Багратион (1834—1873) и Елизаветы Николаевны (1835—1904) в подклете Большого собора Донского монастыря (раскопки 2017 года).

Задача формулировалась следующим образом: получить изображения, скрытые под слоем коррозии; получить данные о конструктивных элементах и наличии покрытия, а также по содержанию внутренней полости. В число задач входила демонстрация новых возможностей не деструктивного исследования предметов с пустотами внутри (что особенно важно для изучения энколпионов — двустворчатых подвесных крестов с предполагаемыми внутренними вложениями).

Был применен относительно новый метод исследования археологических объектов из цветного и черного металла — нейтронная томография, позволяющая определять степень сохранности объекта, выявлять его конструктивные элементы, структурные особенности и т.д. Различия в полном сечении поглощения нейтронов для разных элементов позволяют визуализировать распределение неоднородностей и получить их трехмерную модель. Метод нейтронной томогра-

фии применяется при реконструкции техник изготовления анализируемых объектов, определении участков развития коррозии или изменений во внутренней структуре материала; при визуализации отдельных элементы внутри исследованных объектов. Исследования выполнялись в Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка ОИЯИ на специализированной экспериментальной станции нейтронной томографии и радиографии, на 14-м канале импульсного высокопоточного реактора ИБР-2.

Ситдиков А.Г., Старков А.С.

Собор Казанской иконы Божьей Матери в Казани: историко-археологические исследования

В конце 2015 г., в соответствии с решением о воссоздании главной храма Казанского Богородицкого монастыря — Собора Казанской иконы Божьей Матери, были начаты масштабные работы по вскрытию остатков разрушенного здания. Он был построен в 1798—1808 гг. по проекту И.Е. Старова, казанским архитектором Е.М. Емельяновым на месте старого собора, возведенного еще в 1595 г. Исторически храм располагался над местом обретения в 1579 г. Казанской иконы Божьей Матери. Известно, что в 1910—1913 гг., в рамках подготовке к празднования «300-летия дома Романовых», в подвальных помещениях Собора Казанской иконы Божьей Матери был устроен «Пещерный храм» с часовней на месте обретения Казанской иконы Божьей Матери и Церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Собор в результате подрыва был разрушен в 1932 году. На территории монастыря с 1942 по 2005 г., была размещена Табачная фабрика, на территории которой были построены с многочисленные производственные и административные корпуса.

В 2001 году были начаты подготовительные работы по воссозданию храма: выведена табачная фабрика и проведены первые археологические исследования на территории объекта и заложен раскоп на предполагаемом месте нахождения апсида Собора Казанской иконы Божьей Матери. В результате исследований были получены сведенья о стратиграфии на территории монастыря и монастырском некрополе.

Эти исследования были не первыми в районе монастыря. Начало археологических работ на территории монастыря связаны с исследованиями А.Х. Халикова с западной стороны собора в 1988 г. Им была описана стратиграфия культурных слоев в пределах монастырского комплекса. При исследовании культурных слоев А.Х. Халиковым было выделено три хронологических горизонта. Наиболее ранний горизонт, представленный фрагментарно едичными находками, датировался XIV — первой половиной XVI вв. Этот горизонт сформировался в период освоения Богородицкого холма в болгаро-татарским населением эпохи Золотой Орды и Казанского ханства. В описаниях середины XVI в. это место называлось Старым городищем и располагалось за пределами укрепленного посада ханской Казани. Немногочисленные находки этого времени были обнаружены и в других раскопах, проводившихся в этом районе в последующем.

Второй стратиграфический горизонт датировался временем второй половины XVI в. и был связан с освоением территории до начала строительства монастыря. Этот горизонт также имеет небольшую мощность. Его перекрывают наиболее мощные пласты с многочисленными прослойками, образовавшимися в результате строительных работ в период существования здесь монастыря.

Работы на прилегающих территориях и на месте самого собора позволили проследить аналогичные культурные напластования и выделить в них новые горизонты, увязываемые с этапами изменений при перестройках монастырских объектов. Также было установлено, что территория осваивалась с эпохи раннего железного века, о чем свидетельствовали находки «сетчатой» керамики в раскопах на Богородицком холме.

Археологические полевые работы 2016 г. по раскрытию руин собора были проведены на площади около 2500 кв.м. В раскопе были выявлены остатки кирпично-каменного сооружения 53,40 х 43,80 м., кладка которого устроена на известковом растворе. Сооружение было вытянуто по линии Восток-Запад, и представляло собой руинированные остатки стен, фундаментов, контрфорсов и подвалов Собора Казанской иконы Божьей Матери 1798—1808 гг. («молодой» собор). Наиболее сохранившимся является северо-западный угол собора, где стены имеют высоту выше дневного уровня здания. На этих участках сохранился фрагмент северной входной лестницы и часть уличного мощения.

В раскопе были выявлены отдельные части Пещерного храма, устроенного в 1910—1913 гг.: часовня на месте обретения Казанской иконы Божьей Матери с алтарной стеной, помещение, являющее-

ся Церковью Рождества Пресвятой Богородицы, с сохранившимися остатками росписей-фресок. Степень сохранности подвальных помещений собора достигала высоту 2 м. При изучении руин Собора Казанской иконы Божьей Матери также удалось найти подтверждения данных письменных источников о перестройке подвальных частей, и внесение значительных изменений в конструктивные части здания.

На небольшой «периферийной» площади, вне здания собора выявлены более 150 погребений XVII—XX вв. На участке северо-восточной части раскопа следов православного погоста не прослежено, что косвенно указывает на структуру размещения функциональных зон монастыря.

При работах обнаружено более 3000 предметов, большинство из них являются фрагментами позднейшей керамики XIX—XX вв., изделия из металла, стекла, монет, изразцов. Находки XVI в. немногочисленны.

С западного края Собора Казанской иконы Божьей Матери, был выявлен ленточный фундамент каменной постройки размерами 10,02 х 11,50 м, продолжающийся под кладку Собора. Фундамент, вытянутый по линии восток-запад, выполнен из рваного бута, кирпичного боя, с проливками известкового и глиняного растворов. Толщина стен достигала 180 см.

В 2017 г., при устройстве полов внутри Пещерного храма, была продолжена расчистка фрагментов участков белокаменных стен. Руины представляли собой белокаменный фундамент на известковом растворе шириной до 3 м, вытянутый по оси запад-восток, протяженностью 27.40 метров в фиксируемой части. Вероятно, данное сооружение соотносится со «старым» собором. дата строительства которого, по письменным свидетельствам — 1595 г. Собор был разобран за «ветхостью» в конце XVIII в. перед строительством «молодого» собора.

Сляднев А.М., Глушенко М.А., Галухин Л.Л., Лысенко Д.Н.

Оборонительные сооружения Енисейского острога: письменные источники, археологические данные, дендрохронология

Енисейский острог был основан в 1619 г. на берегу Енисея ниже устья р. Мельничной. Известны три описания его устройства на первом этапе существования (1625, 1626, 1647), окончившегося мас-

штабным наводнением 1649 г., практически полностью уничтожившим острог. К 1652 г. при воеводе А.Ф. Пашкове возводится новый восьмибашенный острог.

В апреле 1660 г. острог снова страдает от наводнения. Ремонтные работы проводятся при воеводе К.А. Яковлеве, он же из-за нашествия джунгар на Красноярский уезд (май 1667) возводит дополнительный острог на подступах к городу с востока между р. Мельничной и р. Лазоревкой (825 саж., 6 башен). В 185 (1676/7) г. в Енисейске произошел пожар, в котором пострадали укрепления постройки А.Ф. Пашкова. Новый острог, который строили в течение 185 (1676/7) и 186 (1677/8) гг. имел, как и предыдущий, 8 башен. В 192 (1683/4) г. по приказу воеводы боярина К.О. Щербатова новый острог «починивали и связьми укрепили». В 1697 г. острог снова требовал ремонта, и в 1699 г. из Москвы был направлен указ о восстановлении уже погнившего к тому времени дополнительного острога К.А. Яковлева. Восстановлен так и не был, однако по этому указу могла начаться заготовка леса, который мог использоваться для строительства укреплений после пожара 1703 г., уничтожившего 506 сажень «стоячего острогу» (из 661 имевшихся) и 5 башен. В следующем году острог был полностью заново отстроен. Новый острог пострадал в пожаре 1727 г. и уже не восстанавливался в прежних размерах.

В процессе производства аварийно-спасательных работ в г. Енисейске в период 2013—2017 гг. на 6 участках раскопов были исследованы остатки острожных частокольных укреплений южной и западной стен. Суммарная протяженность изученных участков частокола составила около 50 м.

На разных участках раскопов было зафиксировано от 2 до 4 разновременных рядов частокола, вертикально установленных в траншеи. В процессе исследования (по мере извлечения) ряды были условно обозначены линиями А-Б-В-Г в порядке, обратном хронологическому. Последовательное залегание траншей отражает этапы капитальной перестройки сооружения. Выделены специфические конструктивные особенности обнаруженного объекта, прослежены различные вариации технологии его строительства. Столбы диаметром 20—30 см изготавливались в основном из сосны, реже кедра, устанавливались на специально подготовленную подсыпку, которая способствовала равномерной усадке, после чего траншея засыпалась отработанным грунтом. Прослежены два способа стыковки острожин друг с другом: пазами-канавками (вогнутый продольный паз) и протеской (выровненным кантом бревна). Дополнительным призна-

ком является наличие затески — срубленного края основания острожины. Наличие нескольких отличающихся технических наборов на разных участках указывает на возведение стен группами строителей, у каждой из которых были свои технологические предпочтения.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения (позиция уровня впуска траншей, разделенные горизонтами бытования строительные выкиды, следы пожаров и др.) позволили выстроить относительную хронологию капитальной перестройки южной стены енисейского острога.

В процессе раскопок производится отбор наиболее хорошо сохранившихся бревен частокола с целью последующего дендрохронологического анализа. Всего было исследовано 64 образца древесины с различных линий западной и южной стены острога, из них датировать удалось 51. Установлено календарное время заготовки древесины для строительства трех линий острога («А», «В» и «Г»). Линию «Б» датировать не удалось ввиду плохой сохранности бревен и их малого количества. Образцы с западной стены острога совпали по датировке с образцами линии «Г» южной стены (1650 г.), что совпадает с датой реконструкции острога при воеводе Пашкове после наводнения 1649 г. Бревна линии «В» датированы началом последней четверти XVII в.; строительство этой линии можно отнести к 1678 г., что соотносится с реконструкцией острога после пожара 1676/77 г. Время заготовки бревен для строительства линии «А» приходится на 1699—1700 гг., однако время строительства самой линии относится, вероятно, к восстановлению острога после разрушительного пожара 1703 г.

Таким образом, полученные археологические данные, в совокупности с данными исторических источников и дендрохронологического анализа позволили идентифицировать исследованные остатки укреплений как частокольные стены Енисейского острога, построенного в 1652 г. воеводой А.Ф. Пашковым. На протяжении 2-ой пол. XVII века острог несколько раз ремонтировался либо выстраивался заново после пожаров, но каждый раз на одном и том же месте и, вероятно, в тех же размерах. Удалось надежно датировать три зафиксированные перестройки, две из которых удалось связать с известными данными о пожарах 1676/77 и 1703 гг. При этом, учитывая размеры Енисейского острога, следует иметь ввиду, что изученные участки стен и зафиксированные в них строительные этапы могут иметь локальный характер и отличаться от других участков, где могло не быть причин для перестроек. Письменные источники не дают надежных привязок относительно месторасположения сгоревших в пожарах

или сгнивших участков стен, на которых пришлось выполнять ремонтные работы. Тем не менее полученная в рамках проведенных работ стратиграфическая картина перестроек южной стены острога с надежной привязкой к двум известным пожарам, может стать опорной для дальнейших исследований енисейского культурного слоя.

«Исследование выполнено за счет гранта РНФ «Русское население Сибири XVII—XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении» (проект № 18—18—00487)».

Топычканов А.В.

Вознесенская площадь села Коломенского в XVIII в. по данным археологических и письменных источников

В ходе благоустройства европейских, в том числе и российских, городов XVIII в. из их публичного пространства постепенно выводились хозяйственные объекты, торгово-промышленные предприятия, исправительные учреждения. Влияние этого процесса на организацию пространства и функционирование загородных императорских резиденций до сих пор не изучено. На примере царской и императорской резиденции в селе Коломенском (ныне в составе Москвы) можно выявить некоторые особенности этого процесса.

Композиционная структура Вознесенской площади в Коломенском сохранялась до 1760-х гг. неизменной. Детально она изображена на рисунке Ф.В. Бергхольца 1740-х гг. (*Савостьянова Л.П.* Некоторые сведения о селе Коломенском по материалам из коллекции Ф.В. фон Бергхольца // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 13. М., 2011. С. 177—183). Главной осью площади была дорога, поднимавшаяся от набережной слободы и двора коломенского приказчика к Передним воротам. Площадь являлась церковным центром (в XVIII в. здесь продолжали функционировать храмы Вознесения Господня и Георгия Победоносца) и играла важную роль в жизни села. На ней размещались приказная изба Коломенской дворцовой волости, сельский рынок и проводился мирской сход, что почти не нашло отражение в культурном слое, крайне бедном на артефакты между двумя строительными периодами XVII и XIX вв.

(см., например, обзор археологических работ: *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Церковь Вознесения в Коломенском: Архитектура, археология, история. М., 2013. С. 30—67). В северной части площади находились скотный и конюшенный дворы.

В 1766—1767 гг. строится Екатерининский дворец к югу от Вознесенской церкви (*Баранова С.И.* К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // Архитектурное наследство. Вып. 63. М., 2015. С. 78—90) и благоустраивается Вознесенская площадь. Хозяйственные объекты выносятся за границы публичного пространства площади: скотный двор был перенесен на земли села Дьякова, а конюшенный двор — к северу, на земли села Коломенского.

Окончательная композиционная структура площади зафиксирована на кроках землемера Козмина 1785 г. (РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1201. Л. 239, см. иллюстрацию на обложке сборника). Фактически площадь приобрела замкнутую форму: с юга — ограда с проездной Водовзводной башней, с запада — ансамбль Передних ворот, с севера — переходы, кухня и другие служебные постройки нового дворца. Кроме того, трасса подъездной дороги была пущена по берегу реки Москвы и теперь не выходила на площадь.

Археологические работы на Вознесенской площади проводились в 1974—1981, 1990 и 2001—2004 гг. и были сосредоточены преимущественно вокруг архитектурных памятников и по трассам траншей, идущих параллельно восточному фасаду Передних ворот. Исследования почти не затронули зону строительства 1760—1770-х гг. Тем не менее, полученные результаты позволяют предположить, что функциональных изменений площади в XVIII в. не произошло. Она сохранила свое сельское и религиозное назначение. Вместе с тем, Екатерина II предположила, что эта территория должна стать местом публичных увеселений, для чего к северо-западу от церкви Вознесения был построен оперный дом.

Таким образом, на примере Вознесенской площади в селе Коломенском также можно наблюдать функциональные изменения публичного пространства, характерные для городов XVIII в. Площадь была освобождена от хозяйственных построек (скотного и конюшенного двора) и стала не только религиозным, административным и торговым центром, но и местом публичных увеселений.

Ульянова Г.Н.

Эпитафии, сочиненные московским купцом Петром Васильевичем Медведевым: к вопросу о каноне надгробных надписей конца XVIII – XIX вв.

Один из немногих дошедших до нас купеческих дневников, созданных до 1860-х гг. — хранящийся в ЦГА г. Москвы дневник московского купца Петра Васильевича Медведева (ЦГА г. Москвы. Ф. 2330. Оп. 1. Д. 986). Этот дневник уже привлекал внимание исследователей. См.: Преображенский А.А. «Памятная книга» московского купца середины XIX века // Российское купечество от средних веков к новому времени. М., 1993. С. 140—143; Куприянов А.И. «Пагубная страсть» московского купца // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 87—106). Автор вел записи в 1854—1863 гг. При этом, хроникальный характер записей о семейных, бытовых и хозяйственных событиях сочетался с размышлениями о литературе, природе, взаимоотношениях между людьми. Дневник ценен тем, что содержит подробное описание эпитафий.

О судьбе П.В. Медведева известно мало. В списках купечества 1840-х — 1850-х гг. и в «Московском Некрополе» его имя не обнаружено. Однако в Хотевском плане (1851—1852) упомянут мещанин П.В. Медведев, проживавший в Барабанном переулке Лефортовской части. Точнее в Семеновском, где на местном кладбище были похоронены его родные (Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы, составленному ... Хотевым. М., 1852—1853. С. 177). Вероятнее всего, это и есть автор дневника, поступивший в купечество около 1853 г. В описи дел Московской купеческой управы П.В. Медведев найден под 1862 г. — получение им аттестата (Опись дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. I. 1787—1863 гг. М., 1888. С. 654). В 1855 г. в своем дневнике он пишет, что долго не имел собственного дела, а был наемным работником у более везучего купца (ЦГА г. Москвы. Ф. 2330. Оп. 1. Д. 986. Л. 28 об.).

Содержание дневника свидетельствует о том, что религия, включая ее обрядовую сторону, занимала большое место в жизни Медведева. В религиозном поведении купца представляет интерес его отношение к смерти родных и последующей мемориализации. Подобные сюжеты отсутствуют в других автобиографических текстах. Медведевым были составлены эпитафии для надгробий ближайших род-

ственников — отца, умершего в 1847 г. и двух сестер, умерших соответственно в 1844 и 1854 гг. В текстах проявилось отношение к смерти (как к горестному, но неизбежному переходу в другой мир) и литературный вкус Медведева, желавшего преодолеть каноны стандартных эпитафий и выразить свою печаль через сентименталистские стихи.

В 1847 г. он сочинил надписи для надгробья отца. Заглавие записи в дневнике — «На памятник на могиле моего батюшки Василия Васильевича, поставленный 5 октября 1847 г.». Стандартный памятник в середине XIX в. представлял собой четырехгранную каменную пирамиду со срезанной верхушкой, на каждой из четырех сторон которой содержался определенный текст. Приведем саму запись: «С головы — «Помяни меня, Господи, егда приидеши в царствие Свое»; у ног — «Василий Васильевич Медведев. Родился 25 декабря 1777 году (приписано Медведевым: «ошибка». — *Г.У.*). Умерший 1847 года 3 апреля»; с правой стороны — «Скончав я жизни назначение, к пристанищу притек и жду Судии определения, о дай мне, Боже, свет твой видеть невечерний, для нас Христос страдал воскрес. Вот мой голос земной, последний». Также на памятнике были обозначены и близкие покойного, поставившие этот памятник, через надпись «Дети, Супруга и друзья», помещенную под стихотворением (Там же. Л. 50 об.).

Медведев поместил «с головы», то есть как основную идею, слова «Помяни меня, Господи, егда приидеши в царствие Свое» из Евангелия от Луки (Лк. 23:42), которые изрекал, обращаясь к Спасителю покаявшийся на кресте разбойник. Эти слова в представлениях православных означали осознание греха и декларацию омерзения к греху. С точки зрения исторического анализа эти надписи свидетельствуют о глубоком знании Медведевым Святого Писания и эмоциональном прочувствовании библейских сюжетов.

В 1857 г. на Семеновском кладбище купец ставит второе надгробие — на могиле сестры Александры, умершей тринадцатью годами раньше. Памятник, как и в первом случае, представлял собой четырехгранный камень с текстами на каждой стороне.

По записи в дневнике, первая сторона памятника содержала надпись: «В память сестры моей Александры Васильевны Талызинской, урожденной Медведевой, родившейся 15 апреля 1817 года, скончавшейся 7 марта 1844 года, на 26 году жизни». На второй стороне — надпись о муже сестры, зяте Петре Петровиче Талызинском, родившемся «в г. Алатыре 1809 года», умершем «1841 года 22 октября», упоминание о первой жене зятя Анастасии Ивановне, сыне во

втором браке (то есть племяннике Медведева) Василии, «умершем на втором году, 1841 года 14 июля».

На третьей стороне были написаны стихи, либо сочиненные самим Медведевым, либо специально выбранные им для помещения на памятнике:

«Рано, рано дни померкли, рано, рано цвет завял.
Цвет мирской здешней пустыни срезан рано и упал.
Цвет надежды развивался и цвести и благоухать,
Им родной голос отозвался и туда ты поспешил».

Это строки выражали скорбь Медведева по поводу ранней смерти младшей сестры, дожившей только до 25 лет. В эпитафии говорится, что сестра ушла в мир иной, потеряв вначале маленького сына, а вслед за этим молодого мужа — «поспешила» в загробный мир на зов родных голосов.

На четвертой стороне надгробья, Медведев поместил текст христианской молитвы, повествующей об ожидании воскресения мертвых и исполняемой на службе в Великую Субботу (дня накануне Пасхи): «Богоявления твоего Христа, к нам милостивно бывшего, Исаии свет видев невечерний из ночи утренивав взываше, воскреснут мертвые и восстанут сущие в гробех и все земнородные возрадуются» (ЦГА г. Москвы. Ф. 2330. Оп. 1. Д. 986. Л. 50 об.).

В дневнике также содержится третий комплект эпитафий — «Надписи, преднамереваемые написать на камне сестры Акулины Васильевны» (надписи первая, вторая и четвертая приводятся не полностью, а в той степени, в какой удалось расшифровать почерк Медведева). Схема повторяет шаблон, уже установленный ранее, причем на двух сторонах предполагалось разместить сочиненные Медведевым тексты, на третьей — сведения об умершей и на четвертой — слова молитвы (с указанием, что эта молитва к Богородице была сказана покойницей перед смертью). Приведем расшифрованные фрагменты этих четырех текстов. Первый: «Голос её слабел, еще прежде, чем замерцало утро, он утих, как в траве скалы вечерний ветер...». Второй: «Для чего будишь меня, ветер весенний...». Третий: «Акилина Васильевна Бирюкова урожденная Медведева. Родилась 30 мая 1815 г. Скончалась от эпидемии 1854 г. 26 июля; оставила троих детей, в замужество поступила 17 лет — замужем жила 6 с половиной лет, вдовою 15 лет, всего жизни 39 лет 2 месяца». Четвертый: «Помяни Господи меня, егда приидешь в царствие Свое. Заступница, тебе мою душу вручаю, последние слова умирающей» (Там же. Л. 53 об.).

Таким образом, в переплетении различных эмоциональных проявлений сакрального и светского характера раскрывается многообразие миросозерцания московского купца средней руки. Приводимые эпитафии дают представление о существовании канона надгробных надписей в конце XVIII — первой половине XIX в.

Хохлов А.Н.

Тверь XVIII—XIX вв. — город Нового времени по археологическим материалам

Материалы широкомасштабных спасательных археологических работ последних десятилетий на территории Твери предоставили исследователям обширный материал по материальной культуре города XVIII—XIX вв., планировке городской территории, изменению назначения земельных участков в структуре города. На основании археологических источников удается не только проследить признаки новаций в материальной культуре (изменения в домостроительстве, в системах отопления, оформления отопительных устройств, широкого распространения новых бытовых привычек), но и изменения назначения различных частей города (например — утрата военной (оборонительной) функции кремля и формирование на месте крепости административного центра с парковой зоной), замена участков застройки специально сформированным гарнизонным плацом (своеобразным губернским Марсовым полем). Археологические материалы не только существенным образом дополняют сведения письменных и изобразительных источников, но и заставляют во многих аспектах существенно их пересмотреть.

Черная Л.А.

Указы о «древностях» в контексте культурной политики Петра Великого.

В докладе ставятся вопросы об истоках интереса Петра Великого к «древностям», прослеживается его указная деятельность по их выявлению и сохранению, определяется место и значение археологических начинаний в культурной политике Петра Великого.

В настоящее время распространено мнение, что интерес Петра I к собиранию древностей возник одновременно с интересом к раритетам и «монстрам» во время Великого посольства 1697—1698 гг. после посещений в Амстердаме коллекций и собраний Н. Витсена, Н. Шевалье, С. Схенфута и Ф. Рюйша. На наш взгляд, интерес царя к сохранению древностей проявился значительно раньше, а именно, в 1684 году, когда двенадцатилетний Петр, осматривая патриаршую библиотеку, был возмущен плохой сохранностью древних манускриптов и приказал сопровождавшему его учителю Н.М. Зотову «оные книги разобрать, привести в порядок, сделать им опись и хранить ту библиотеку за царской печатью» (Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, трудами и иждивением Федора Туманского. СПб., 1787. Ч. V. С. 140). Возможно, что это — всего лишь предание, каковых много о Петре Великом, однако оно хорошо укладывается в сохранившиеся данные о юном царевиче, проявлявшем порой взрослую рассудительность и бережливость (Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1). К первому заграничному путешествию в 1697—1698 гг. царь был уже сложившейся личностью с четким пониманием значимости культурного и исторического наследия для любого народа. В Амстердаме он начал покупку не только книг и инструментов, но и редкостей, «антиков», древних сосудов, вошедших затем в его личную коллекцию, хранившуюся в Кабинете Летнего дворца. Сразу по возвращении из Европы в 1699 г. по указу царя подьячий Яков Лосев с двумя стрельцами сняли копии писаниц в верховьях р. Туры, что можно считать началом археологического изучения Сибири в петровскую эпоху.

Широко известен интерес Петра I к собиранию древних рукописей. Его указы о сборе манускриптов в монастырях и церквах и отправке их в Синодальную библиотеку 1720 и 1722 гг. были далеко не первыми: уже в 1707 г. Димитрий Ростовский в своих письмах указывал, что в Ростове не осталось «летописных книг», ибо все они отправлены в Москву (РГБ. Ф. 218. С. 140). Царь желал не только сохранить, но и опубликовать ряд редких рукописей и древнерусских изданий. Так, в его планах была публикация первопечатного «Апостола» 1564 г. Ивана Федорова, «Степенной книги» и др. Особая история произошла с копированием Радзивиловской летописи: в 1711 г. Петр I увидел ее в Королевской библиотеке Кёнигсберга, сразу же заказал изготовление копии Федору Борисову, оставленному в городе специально для этой цели. Позднее Петр I поручил перевести ее на немецкий язык.

Интересовали императора не только древние русские рукописи, но и иностранные, в частности, греческие. В 1716 г. он пригласил на русскую службу грека Афанасия Скиаду, который составил каталог рукописных греческих текстов Синодальной библиотеки. В начале 1723 г. Петр I дал указание напечатать этот каталог, что и было сделано в том же 1723 г. Каталог был опубликован в двух книгах на двух языках (русском и латинском) и получил известность в Европе (Шамин С.М. О неизвестной работе Афанасия Скиады (1724 г.) // Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Россия и православный Восток: новы исследования по материалам из архивов и музейных собраний (Москва. 30—31 октября 2007 г.). М., 2007. С. 199—203).

Особая история с коллекцией древних монет в собрании Петра Великого. В 1707 г. его коллекция была пополнена кладом древних монет, присланных из Киева (Барсов Е.В. О кладе, найденном в Киеве при Петре Великом // Древности. М., 1883. Т. 9. Вып. 2—3. Протоколы. С. 22—23). В 1720 и 1724 гг. московский священник Федор подарил царю свое собрание старинных русских монет. В 1721 г. была куплена коллекция монет И.Людераса в Гамбурге, тогда же Боцис подарил Петру античные монеты. В 1723 г. император направил указ псковскому воеводе И.А.Ржевскому о том, что он послал юнкера Семена Маврина во Псков для изъятия у посадского человека Ерофея Русинова «старинных денег князя Игоря девяносто пяти рублев», хранящихся у него в сундуке с «пожитками» иеромонаха Евфимия с 1717 г. Юнкер должен был монеты изъять и привезти в Санкт-Петербург, а вещи монаха вернуть «его сыну Лариону Скородумову по духовной отца его» (Указ императора Петра I / Публ., вступ. И ком. С.В. Ефимова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII — XX вв.: Альманах. М., 1999. С. 33—34).

В данном контексте следует рассматривать и указы Петра I о разыскании и собирании археологических древностей, прежде всего, Сибири. Разграбление сибирских курганов («бугров») на протяжении всего предшествующего XVII столетия заставило царя не только скупать золотые и серебряные артефакты, но и наладить фиксацию археологических памятников, проведение экспедиций по их разысканию, зарисовке, контролю губернской администрации за их состоянием. В 1715 г. Н.А. Демидов подарил Екатерине I коллекцию золотых вещей, добытых из сибирских курганов «бугровщиками». Тогда же Петр I направил, вероятно, указ Сибирскому губернатору М.П. Гагарину «приискать старых вещей, которые сыскивают в земле древних поклаж», что и было исполнено в 1716 г. В 1720 г. царь послал в Сибирь экспеди-

цию Д.Г. Мессершмидта, которая на протяжении 7 лет проводила разыскания и раскопки курганов, а также закупку древностей (Спицын А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т.8. Вып.1. СПб., 1906. С. 230—253). Все это говорит об устойчивом интересе Петра Великого не только к собиранию и сохранению «сибирского золота», но и к изучению сибирских древностей как таковых.

Указ о сборе древностей для Кунсткамеры 1718 г. фиксирует уже особое внимание не только на «старых и необыкновенных вещах»: «...Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьы или птичьи, не такие, как у нас ныне есть, или такие, да зело велики или малы перед обыкновенными...», но на «подписях на камнях, железе или меди», а также оружии, и посуде. За вещи «с потписью» обещается двойная плата, а «за камни с потписью — по разсуждению» (ПСЗ. Т.5. № 3159). В дальнейшем ставится задача не только собирать древности, но и «делать чертежи, как что найдут» (Русская старина. 1872. № 10. С.474).

Наконец, царь начинает и реставрацию древностей, о чем говорит указ Казанскому губернатору 1722 г. отправить нескольких каменщиков и «довольное количество извести» для «починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов» древнего Булгара (Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч.1. 3-е изд. М., 1830., С.130). При этом Петр Великий требовал, чтобы губернатор каждый год посылал кого-нибудь осматривать Булгар «для предупреждения дальнейшего вреда».

Таким образом, указы о древностях Петра I органично вписываются в его культурную политику, направленную на просвещение и европеизацию страны, на сохранение и приумножение национального достояния.

Чёрная М.П.

Историко-культурный облик Тары: археологическая версия

Основание Тары в 1594 г. — одного из старейших городов Сибири и ключевого плацдарма по «приисканию новых землиц и объясачиванию инородцев» в Среднем Прииртышье — проходило в

сложной исторической обстановке: междуусобицы, набеги кочевников, разорение ими коренных жителей, двоеданство последних. Борьба с Кучумом, не пожелавшим установить вассальные отношения с русской администрацией, закончилась его разгромом в 1598 г., когда младший воевода А. Воейков «божьим милосердием и твоим государевым счастьем Кучума царя побил». Однако сложной — нападения кучумовичей, калмыков, «шатость» местного татарского населения — ситуация оставалась на протяжении всего XVII в. Это определяло военный, в значительной мере, характер Тары, стоявшей на пограничье с кочевым миром. С самого начала Таре был придан разряд города, что подчеркивало ее значение как стратегического пункта по установлению дипломатических и торговых отношений с Востоком (первый караван из Бухары прибыл уже в 1595 г.), заведению пашни, развитию транзитной торговли, промыслов и ремесла в самом городе и прилегающей округе (Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII — начала XX в. Новосибирск, 1981. С 78—109; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989).

Новую главу в истории изучения Тары открыли археологические исследования, которые с 2010 г. ведутся систематически (Татауров С.Ф. Город Тара — с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 242—247). За 9 лет планомерных раскопок вскрыто около 2 тыс. кв. м культурного слоя в «городе» — административном центре Тары и «остроге», который, как свидетельствуют чертёжи С.У. Ремезова, полукружьем охватывал «город». Сопоставление данных раскопок с современной топографией выявило преемственность в планиграфии городской застройки. Место, которое занимал город в конце XVI—XVII в., и в последующие века позиционировалось как центр. Сегодня здесь располагаются здания городской и районной администрации, районной газеты и типографии, почты, дом культуры, краеведческий музей. Территория бывшего острога по-прежнему занята обывательской застройкой, хотя занимаемая ею площадь расширялась век от века.

Результаты раскопок позволили составить хроно-стратиграфическую колонку от начала существования Тары до современности, которая верифицирована письменными источниками и данными дендрохронологии. Слои пожарищ, зафиксированные археологически и разделенные прослойками песка, глины, навоза, щепы, сопоставимы с огненными бедствиями, случавшимися в 1629, 1658, 1669,

1709 и др. годы, поскольку «Дворы... тесны гораздо и улицы... узки». Самая ранняя из выявленных построек, судя по находкам монет Михаила Федоровича и дендродатам, существовала в первой четверти XVII в. и погибла в пожаре не позднее 1629 г.

Состояние культурного слоя характеризует непрерывность отложения напластований, влажность, особенно в «городе», концентрация навоза, мочевины, щепы, что обеспечило мощность слоя (до 3—4 м), хорошую сохранность органики (до 11 венцов в отдельных постройках) и как следствие высокую информативность памятника (Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2015. С. 86—91; Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Итоги раскопок исторического центра города Тары в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 432—434).

Выявлен усадебный тип застройки Тары для XVII, XVIII, XIX вв., который по сей день является основным, сохраняя историческую преемственность. Тарские усадьбы включали одно-, двух и трехчастные постройки разного назначения. Жилые постройки маркированы развалами печей, сложенных из кирпича и глины и поставленных на срубные опечки. Хозяйственные помещения представлены погребами (часть из них — с лестницами) как отдельно стоящими, так и находящимися внутри жилых домов, холодными клетями-сараями, баней. На дворе держали скотину, в том числе лошадей, о чем свидетельствуют мощные отложения навоза. Выявлены такие детали построек, как крылечки, которые указывают на приподнятость пола над поверхностью земли, а также завалинки, выполнявшие тепло- и влагоизолирующие функции. Усадьбы окружал частокол или заплот. Внутри встречены остатки легких перегородок из жердей или плетня. Выявлены дворовые и уличные вымостки из полубревен или толстых плах. Дворовые постройки сооружались в срубной, столбовой, смешанной (срубно-столбовой) технике, методом вертикальной набирки стен. Постройки рубились «в обло» — с выпуском концов и «в лапу» — чистый угол. Пол (в основном из широких плах) настилался на лаги, концы которых врубались в глухие пазы брёвен сруба. В некоторых постройках обнаружены дверные пороги и пазы от встроенной мебели — полок, лавок, столов (Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследо-

ваний 2011—2014 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск, 2012. Т. XX. С. 288—291; Чёрная М.П., Татауров С.Ф. Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 100—107).

Одной из важных задач археологического исследования остается поиск оборонительных стен: городен — вокруг «города» и тына вокруг «острога», которые маркируют исторические границы Тары. Достоверных остатков стен, зафиксированных на планах XVIII в. и существовавших, по письменным сведениям, ещё в начале XIX в., не обнаружено. Единственным пока объектом предположительно фортификационного характера можно считать 8-ми угольный сруб, датированный XVIII в. Он раскопан недалеко от обреза высокой террасы, на которой расположена Тара. Объект не являлся башней, поскольку не встроен в стены. Возможно, это «бык»/раскат с пушечным «боем», который ставился перед башней для увеличения зоны обстрела, в таком случае он выступает репером для поиска стен, в границах которых развивалась Тара в XVIII в.

Вещевая коллекция обширна и охватывает весь спектр жизнедеятельности тарчан. Военный быт представлен находками холодного (боевые ножи, железные наконечники стрел, сабельные гарды) и элементами огнестрельного оружия (ружейные курки, пищальные кремни, пули), а также предметами, связанными с «огненным боем» (пулелейки, пушечный поджиг, седельные кобуры). Занятия ремеслом, охотничьим, рыболовным промыслами, сельским хозяйством документированы находками топоров, берестяного чехла для топора, ножей, в том числе обувных, пилок, костяными наконечниками стрел разных видов, грузил, поплавков, крючков, кос-горбуш, оселков для заточки инструментов. Тарская коллекция кожаных изделий содержит важную информацию о типах обуви, специфике сапожного ремесла, культуре быта, костюме и эстетических представлениях горожан XVII—XVIII вв. (Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012—2014 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. 2017, № 1. С. 112—120) Многочисленно собрание монет от начала XVII до XIX в. (только в полевом сезоне 2018 г. на площади 150 кв. м найдено около 70 монет), его дополняют находки торговых пломб, что свидетельствует об актив-

ной торговой деятельности. И хотя в течение XVIII в. в связи с переносом Московского тракта на Омск Тара постепенно теряет значение важного промышленного и торгового центра, как транзитный пункт она продолжает существовать, как и купеческие династии, в наследство от которых остались особняки XIX в., поныне стоящие на главной площади города. Повседневную жизнь отражают бытовые предметы — кухонная и столовая утварь, керамическая, фаянсовая, фарфоровая (в том числе кузнецовских заводов) и стеклянная посуда, атрибуты взрослых и детских забав. Анализ локализации игрушек, с помощью которых ребенок «населял собой» домашний мир усадьбы, позволяет проследить процесс освоения детьми социокультурного пространства города. Хотя Тара была пограничным военным городом, ее существование пронизано связями не только с сибирской «украиной» и «Русью», но и дальними восточными и западными странами, что археологически засвидетельствовано находками осколков китайского и европейского фарфора, рейнских сосудов, европейского стекла, футляра от компаса, турецких курительных трубок, перстней, принадлежащих выходцам из польских земель. Внедрение западных новаций в быт тарчан документирует обнаруженный в усадьбе XVIII в. набор двузубых вилок, уже местного производства.

Тара как археологический памятник представляет почти девственное поле для исследований, что обусловлено рядом обстоятельств: малая застройка, ограниченность подземных коммуникаций, отсутствие крупных промышленных зон при наличии обширных озелененных площадей, что позволило в значительной степени сохранить историческую планиграфию. По результатам проведенных работ Тара предстает городом, развивавшимся на русской этнокультурной основе, но обладавшим несомненной сибирской спецификой, обусловленной адаптацией к местным условиям. Важность и перспективность исследований связана не только с решением сугубо научных проблем. Археологи, поначалу встреченные с изумлением и недоумением, видят, как меняется самоидентификация тарчан, заново открывающих для себя свой город и его богатую героическую историю.

«Исследование выполнено за счет гранта РНФ «Русское население Сибири XVII—XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении» (проект № 18—18—00487)».

Чернов С.З.

Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли Аксиньина и Иславского Звенигородского удела)

Генеральное межевание, охватившее всю Россию во второй половине XVIII в., представляло собой, как известно, мероприятия по установлению точных границ отдельных владений (земельных дач). Не являясь реформой и отличаясь от классических земельных кадастров Западной Европы, это грандиозное предприятие эпохи Просвещения привело к созданию единственного в своем роде описания населенной части империи.

Как система фиксации дворянского землевладения Генеральное межевание потеряло свое значение после ликвидации старого порядка в Росси в 1917 г. Но как детальное описание территории, или, говоря языком современного законодательства, *историко-опорный план,* Генеральное межевание продолжает работать и вызывает все более пристальное внимание. Более того, мы становимся свидетелями нового явления — публикаций крупных блоков данных межевания по тематическому или географическому признакам (см. например: Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия / Подготовка к изданию Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула, 2016).

В предлагаемом вниманию читателя докладе Генеральное межевание рассматривается как непревзойденный инструмент по транслированию данных источников периода Средневековья (актов, писцовых и межевых книг, чертежей) и их «переводу» на язык источников Нового времени (карт Военно-Топографического депо XIX в., карт ГУГК XX в., космоснимков). В свою очередь, эта трансляция делает возможным идентификацию поселений и кладбищ XIV—XVI в. с селищами и могильниками, выявленными в ходе археологического обследования.

В качестве примера избраны две крупные земельные дачи, располагавшиеся по обе стороны Москвы-реки к востоку от Звенигорода — Аксиньино и Иславское, центрами которых являются одноименные села, сохранившиеся до наших дней. Материалы Генерального межевания позволили с высокой степенью точностью нанести на современную карту содержащиеся в актах Московской митрополии межевые описания начала XVI в. и воссоздать структу-

ры землевладения волостного княжеского села, слуг под дворским и вотчин вплоть до эпохи Юрия Звенигородского (1389—1434 гг.).

Публикуемые материалы, по мнению автора, способствуют формированию несколько непривычного взгляда на Центральную Россию эпохи Екатерины II. Дачи Генерального межевания предстают теперь перед нами как структуры, восходящие по большей части к XIV—XVII векам, это своего рода средневековые «соты» Империи.

Шамин С.М.

Одежда и ткани — «государево жалование» переводчикам Посольского приказа во второй половине XVII в.

В России XVII столетия одежда и ткани играли важную роль в системе государевых пожалований подданным. Они были не только материальным вознаграждением для служащих царю людей, но и являлись одним из средств выстраивания отношений внутри социума. К сожалению, практика таких пожалований изучена недостаточно. В данной работе анализируются пожалования весьма узкой категории служивших царю людей — переводчиков Посольского приказа.

Одним из самых распространенных видов государевых пожалований в России рассматриваемого периода были «годовые сукна» — 4 (реже 4 без четверти или 5) аршин сукна, необходимые для изготовления новых кафтанов. «Годовое сукно» получали как служащие, обслуживающие дворцовые нужды (мовные истопники, часовники и т.д.), так и военные — к примеру, пушкари и пушечные мастера (Малов А.В. Пушкарского чина люди по данным расходных книг Казенного приказа в завершающий период Смутного времени (1613—1619 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск VI. Ч. II. С. 159—217).

Для переводчиков такое жалование оказалось исключительным явлением. С уверенностью его удалось зафиксировать только у В. Боуша. При этом «дача» оказалась нестандартной — он получал 5 аршин сукна раз в два года. Мотивировалось это пожалование тем, что ему приходится «быть при послех» (Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017. С. 131), т.е. его частое

участие в дипломатических мероприятиях требовало дополнительных представительских расходов на одежду.

Другой распространенный вид пожалований — награда за различные службы. А.В. Белякову удалось зафиксировать устоявшуюся практику награждения за успешные «посылки». Такие пожалования включали меха, а также камку и сукно (Беляков А.В. С. 136). Выдача ткани, вероятнее всего, была связана с предполагаемым пошивом того или иного вида одежды. Следует однако добавить, что пожалование за службу могло иметь и иную структуру. Так Л. Циммерман получил в 1664 г. за различные службы в Новгороде камку и сукно, но не меха. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Ед. хр. 1. Л. 96—97), а М. Фрез за посылку в Швецию — лишь сукно (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1664 г. Ед. хр. 10. Л. 27). Между тем С. Лаврецкий в это же время по итогам поездки в Польшу получил гораздо более богатое пожалование — «однорядка лундышева сукна, кафтан камчатой, ферези дорогильные», а также бархатную шапку, отделанную соболем. (Там же. Л. 36). Таким образом, дачи за службу «в приказ» являлись наградой отличившимся на дипломатическом поприще переводчикам.

Крупные пожалования, как отметил Беляков, давались переводчикам иноземцам в награду за выезд в Московское государство или (для тех, кого взяли в плен) за отказ вернуться на родину после окончания войны (Беляков А.В. С. 136). Эти пожалования были значительными. Так О. Выберх получил «камки куфтерь, сукно лундыш доброй 40 соболев в 30 руб., денег в 20 руб.», И. фан Делдин «кубок серебрян, бархат галанскои, камка куфтерь, тафта, сукно лундыш, 40 соболей в 40 руб., денег 35 руб.», К. Христофоров «40 куниц, тафта добрая, сукно аглинское, денег 5 руб.» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Ед. хр. 6. Л. 47—48). В документах специально оговаривалось, что взятые в плен права на эту выплату не имеют — «А Посольского приказа переводчикам Семену Лаврецкому, Ивану Гуданскому, Стахею Гадзаловскому за выезд не дано потому, что они взяты полоном» (Там же. Л. 49. Новейшие данные о биографии С. Лаврецкого см.: Гуськов А.Г. Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции. Москва, 12—14 апр. 2018 г. М., 2018. С. 129—131).

Самым большим по набору полагающихся вещей оказалось жалование за переход в православие. Так С. Лаврецкий получил «на однорядку сукно кармазин доброе пуговицы серебряные золоченые, на ферези тафта, испод хрепты бельи; кафтан камчатой, шапка бар-

хатная с соболем, штаны багрецовые, сапоги сафьянные» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Ед. хр. 8 Л. 118—119). Встречаются и большие по перечню предметов пожалования (Беляков А.В. С. 138—139). Фактически человек полностью одевался заново.

Еще одно обширное пожалование, включавшее однорядку, кафтан, ферези, шапку, а иногда и штаны (или заменявшие их деньги, ткани) давалось за поступление в Посольский приказ. Беляков считает, что «на эту дачу имели право все переводчики, принятые на службу в Посольский приказ» (Беляков А.В. С. 133). Однако универсальность этого пожалования следует поставить под сомнение. Во-первых, сведения о таких пожалованиях в документах встречаются гораздо реже, чем о назначении поденного корма вновь принятым в приказ переводчикам. Во-вторых, выписывая «на пример» сведения о таких пожалованиях, составлявшие выписки служащие могли смешивать пожалование за прием в приказ с пожалованием за выезд. Так, точно идентифицируемое пожалование В. Боушу в одном случае проходит как за поступление в приказ, а в другом — как за выезд (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Ед. хр. 1. Л. 16; Беляков А.В. С. 138).

П. Стралман в своей челобитной характеризует это пожалование следующим образом: «а которые ево братья переводчики иманы в Посолскои приказ в переводчики великого государя к делу вновь, и тем великого государя жалование для их скудости, в приказ, платье и на платье деньгами дано» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Ед. хр. 1. Л. 15). Однако Н. Спафарий аргументирует свою просьбу выдать это пожалование тем, что ему «оклад учинен против Василия Боуша, а платья, как Боушу не дано». В итоге ему выдали деньги вместо платья (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Ед. хр. 6. Л. 168). Таким образом, Спафарий рассматривает эту выплату как часть «оклада». Однако данный случай является исключением, также, как и выдававшееся Боушу «суконное» жалование. Можно предположить, что выдача пожалования за поступление в приказ не была автоматической, а зависела от конкретной ситуации приема переводчика на службу. Из-за этого определить характер данного пожалования сложно.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, даже в тех случаях, когда речь идет о тканях, жаловались все-таки не ткани в качестве некоей материальной ценности, а одежда, которую из них полагалось сшить. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев пожалования были именно наградой, а не статьей дохода. Их размер определялся статусом награждаемого и поводом для награждения. В-третьих, значимость награды определялась стоимо-

стью пожалования, при этом каких либо предметов одежды, имевших особую наградную функцию, не выявлено. Таким образом, перед нами рисуется следующая картина слитых воедино социальных и экономических отношений — царь одевает тех, кто ему служит по их достоинству и службе. Эта система вознаграждения относится скорее к Средневековью, чем к Новому времени. Не случайно выдача тканей и одежды к концу XVII столетия все чаще заменялась денежными дачами.

Шамина И.Н.

Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701—1705 гг.

Монастырская ограда — часть культурного образа монастыря. Она имеет символическое значение. Однако повседневность и практические потребности монастырской жизни диктовали конкретные строительные решения. Настоящее сообщение посвящено типам монастырских оград, зафиксированных в переписных книгах 1701—1705 гг. Описания составлялись в связи с передачей управления обителями воссозданному в 1701 г. Монастырскому приказу. В одних переписных книгах описания стен достаточно подробны, в других имеются лишь краткие указания, в третьих описания оград и вовсе отсутствуют.

Описания стен всегда начинаются со святых ворот. Как правило, это была и наиболее укрепленная часть стены. Какой-то закономерности их расположения по сторонам света в источнике не прослеживается. Видимо, оно зависело от удобства подхода к монастырю. На святых вратах висели иконы, отражающие посвящение главного монастырского храма, а также наиболее почитаемых в монастыре святых. Так, в коломенском Спасо-Преображенском монастыре это «образ Спасителев, Богородичен и Предтечев, да два аггела, да апостолов Петра и Павла, да преподобных Сергия и Савы на одной цке. Писаны на красках» (Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей // ВЦИ. 2017. № 3/4. С. 123). В крупных монастырях над святыми вратами располагался надвратный храм. Например, в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре это «церковь каменная Феодора Стратилата с папертию» (Там же. С. 72), в Троицком Белопесоцком

монастыре Каширского уезда — «церковь каменная во имя Николая Чюдотворца с папертьми» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 40. Л. 425). В лихвинском Афанасьевском монастыре над святыми вратами находилась «колокольня рублена в восмерик, крыта тесом» (Там же. Кн. 21. Л. 149 об.). В переписной книге Николаевского Венева монастыря указаны даже виды дерева, из которых сделаны ворота: «святые ворота дубовые, рублены в брус, щиты воротные... двойные... Подволока у ворот в касяк, покрыты тесом. На вратех глава, крыто чешуею осиновою» (Там же. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 217. Л. 128 об. — 129).

Остальные элементы монастырских оград выполняли практические функции и имели лишь утилитарное значение. Описания монастырских стен в источниках представляют большое разнообразие возможных конструкций.

Некоторые монастыри (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Соловецкий и др.) окружали каменные крепостные стены. Это были обители, имевшие военно-стратегическое значение. К примеру, в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре в 1640—1650-х гг. взамен деревянных возвели новые кирпичные стены, по углам которых находились башни (Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв. Вологда, 2011. С. 72).

Однако не все монастыри, имевшие когда-то военно-стратегическое значение, сохранили реальные укрепления к началу XVIII в. Коломенские Голутвин и Бобренев монастыри вместе с другими монастырями, расположенными на р. Оке, когда-то образовывали так называемый «Пояс Пресвятой Богородицы» и защищали город от набегов татар (История Богоявленского Старо-Голутвина мужского монастыря. Коломна, 2014). Однако к началу XVIII в. их стены вряд ли могли выдержать натиск неприятеля. Так, в Голутвине монастыре участки каменной ограды имелись лишь со стороны святых ворот. Вся остальная часть стены была деревянная, к тому же сильно обветшавшая: «И вкруг того монастыря деревянная ограда вся ветхая» (Шамина И.Н. Переписные книги... С. 162).

Описания монастырей Вологодского уезда дают не только общую характеристику оград, но и приводят данные об их конструкции. Так, в вологодском Иннокентиеве-Комельском монастыре была «ограда рубленая, крытая о четыре угла. По углам неболшие башни деревянные» (Шамина И.Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // ВЦИ. 2009. № 1/2. С. 73), подобным способом был огорожен и Павлов Обнорский монастырь (Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского

монастыря 1701—1702 годов // ВЦИ. 2010. № 1/2. С. 74). В Глушицком же монастыре ограда была «рублена с лица в брус, в высоту в две сажени, покрыта тесом на два ската в зубец» (Башнин Н.В. Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. // ВЦИ. 2013. № 3/4. С. 157), в Григорьеве Пельшемском — «бревенная в заплот» (Шамина И.Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII — начала XVIII в. // ВЦИ. 2011. № 3/4. С. 48), в Сямженском Спасо-Евфимьеве — «забрана в столбы» (Переписные книги вологодских монастырей... С. 252).

В монастырях южных уездов оградой чаще всего служил обычный забор. Так, Вознесенский Петровский монастырь в Мценске был огорожен «с одну сторону в забор струговыми досками, а с трех сторон кольем и плетнем» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 21. Л. 452). Вокруг лихвинского Успенского Гремяченского монастыря была «ограда деревянная, во многих местех забор розвалился» (Там же. Л. 145 об.). Заборы могли служить оградой и в небольших, как правило, небогатых северных монастырях.

Часто в роли монастырских стен выступали различные хозяйственные постройки. Так, в вологодском Иннокетьеве Комельском монастыре в стене были «зделаны вместо лавок тридцать шалашей, приезжают богомольцы на празник и харчем торговати» (Шамина И.Н. Преподобный Иннокентий Комельский... С. 73). В Рождественском монастыре в Перемышле к монастырю был пригорожен скотной двор» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 21. Л. 222).

Монастырская стена могла быть и не замкнутой. Так, в вологодском Спасо-Каменном монастыре, расположенном на небольшом Каменном острове в Кубенском озере, как обязательный атрибут стояли каменные святые ворота: «в них решетка и полотенца деревянные». Над святыми воротами находилась церковь во имя Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Роль части монастырских стен играли постройки: «Вместо ограды кругом того монастыря властелинских и братцких дватцать четыре кельи». Здания были построены на «режи» — бревенчатой решетке, которая служила для укрепления берега. В хозяйственной же части монастыря ограды вовсе не было: «По скаске того монастыря жителей быть, де, воротам невозможно, по вся годы весною ломает лдом, для того и не строят» (Там же. С. 155).

Не имел замкнутой ограды также и лихвинский Афанасьевский монастырь: «С одной стороны ограда забрана в забор, а с трех сторон ограды нет» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 21. Л. 150). Небольшие мо-

настыри, как, например, вологодская Воломская пустынь, могли вообще не иметь стен (Говорова А.Н. Житие преподобномученика Симона Воломского // ВЦИ. 2008. № 4. С. 56). Не огорожен к моменту описания 1702 г. оказался и сравнительно крупный Вознесенский девичий монастырь в Мценске. Однако составитель переписной книги дал этому объяснение: «А городбы нет, потому что тот монастырь горел недавно» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 2. Л. 458).

Таким образом, в изучаемый период монастырские ограды отличались разнообразием. Их конструкция определялась местными традициями и экономическими условиями. В некоторых случаях стена могла быть незамкнутой или вовсе отсутствовать. Обязательным архитектурным элементом являлись лишь святые ворота с иконами или надвратной церковью.

Шапиро Б.Л.

Кавалерийский кафтан: прототип «дамского мундира» Елизаветы Петровны?

Появление в России мундирного платья — униформы, адаптированной к нуждам женщины-правительницы — сегодня связывают с правлением Елизаветы Петровны, а точнее, с возрастными изменениями ее фигуры за время правления. Известно, что «до 1754 г. Елисавета Петровна являлась за стол лб.-компанцев, яко той роты капитан... в гренадерском офицерском уборе, но с этого года — в дамском униформе, как в полковые праздники» (Панчулидзев С.А. История кавалергардов. Т. 1. СПб., 1899. С. 302). Доподлинно известно о существовании в гардеробе императрицы еще как минимум одного мундирного платья — по форме Лейб-гвардии Конного полка: «дамский кафтан, который цветом на подобие Конной Гвардии мундира» отмечен в камер-фурьерском журнале за март 1755 г. (Церемониальный, банкетный и походный журнал 1755 года. СПб., 1870. С. 28).

«Дамский униформ», который также назывался «длинным мундиром» (Бордэриу К. Платье императрицы. М., 2016. С. 16) и «длинным кафтаном», изготавливался по подобию мужского мундира: кафтана либо пары «кафтан + камзол». Во времена Елизаветы Петровны и молодой Екатерины Алексеевны он обыкновенно наде-

вался с подходящей по цвету и смыслу юбкой. Такой принцип формирования женского костюма в России второй половины 1750-х гг. считался вполне допустимым, и к концу правления Елизаветы Петровны в «дамский униформ» облачилась не только она сама, но и женская часть ее свиты (Церемониальный, банкетный и походный журнал 1755 года. СПб., 1870. С. 52).

Мундирные платья Елизаветы Петровны и ее придворных дам не сохранились. Самое раннее из дошедших до нас датируется не ранее 1763 г. Это платье Екатерины II по форме Лейб-гвардии Преображенского полка из Государственного Эрмитажа (Екатерина Великая: русская культура второй половины XVIII века. СПб., 1993. С. 157).

Тем более интересен документ из собрания Российского государственного военно-исторического архива, который позволяет чуть более подробно представить мундирные платья 1750-х гг. Это рапорт Д.А. Мерлина от 1759 г. в Военную коллегию об изготовлении образцовых мундиров «большого, среднего и меньшего ростов» (то есть на мужчину ростом в 2 аршина 8,5 вершков, 2 аршина 6 вершков и 2 аршина 5 вершков — 180, 169 и 164,5 см соответственно). Приведенное в рапорте описание кавалерийского кафтана для Лейб-гвардии Кирасирского полка с некоторыми оговорками может быть использовано для гипотетической реконструкции конногвардейского мундирного платья императрицы: исходя, во-первых, из того положения, что «дамский мундир» этого времени в целом повторял мужской мундирный кафтан, во-вторых, из-за известной схожести кирасирского и конногвардейского мундира и, в третьих, из того, что реформа мундира 1756 г. не затронула покроя кавалерийского кафтана.

Немаловажно и то, что предложенное описание позволяет учесть индивидуальные антропологические данные: так, для реконструкции мундирного платья Елизаветы Петровны целесообразно использовать мерки кафтана «большой руки», так как известно, что императрица отличалась необыкновенным для женщины высоким ростом. В то же время, в контексте изучения женской униформы второй половины XVIII столетия в целом, более интересен третий, «меньший» кафтан, поскольку в указанное время «нормальным» считался рост, чуть превосходящий 160 см (Бордэриу К. Платье императрицы. М., 2016. С. 82).

Приведем описание третьего кафтана: «...полагая немоченым сукном в указную широту в аршин в 14 вершков, с прибавлением на умочку по одному с половиною вершку на аршин <...> 3-й кафтан. Синего сукна аглицкого немоченого в аршин в 14 вер[шков], а

по мочке в аршин в 8 вершков, — 3 аршина 8 вершков с половиною, в указную широту — 2 аршина 13 вершков 14 дробных. На обшлага и воротник сукна красного аглицкого немоченого [сукна] в аршин в 12 вершков, а по мочке в аршин 11 вер[шков], — 4 вершка, а в указную широту — 3 вершка 18 дробных. Итого в кафтан и с обшлагами — 3 аршина 22 дробных. На подбой каразеи красной в указную широту — 2 аршина 15 вершков с половиною. В фалды и вместо клеенки под пуговицы крашенины красной — 1 аршин 5 вершков. В рукава и на карманы холста подкладочного — 2 аршина 14 вершков. Пуговиц кафтанных — одно портище 4 пуговицы, к рукавам камзольных пуговиц — 6». (27 июля 1759 г. Рапорт обер-кригс-комиссара Данила Мерлина в Военную коллегию об изготовлении при Санкт-Петербургском мундирном магазине образцовых кавалерийских, пехотных и ландмилицких мундиров и епанеч большого, среднего и меньшего ростов, с приложением ведомости о материалах, израсходованных на пошив этих вещей // РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 179. Д. 453. Л. 21—27. Цит. по: Материалы по истории русского военного мундира 1730—1801. Сб. документов в 2 т. Т. 1. М., 2009. С. 273—278).

В отсутствие на настоящий момент иконографических и вещественных параллелей, позволяющих более полно восстановить крой мундирного платья 1750-х гг., думается, что использование косвенных источников обосновано: оно позволит вписать в историю российского костюма еще одну форму, характеризующую елизаветинскую придворную культуру.

Шокарев С.Ю.

Материалы по некрополистике в портфелях Г.Ф. Миллера

Историку и археографу Герарду Фридриху Миллеру (1705—1783) принадлежит обширное собрание разнообразных материалов по русской истории, известное как портфели Г.Ф. Миллера (*Голицын Н.В. кн.* Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899). Оно находится в РГАДА (Ф. 199. Оп. 1, 2).

В портфелях Г.Ф. Миллера присутствуют материалы по истории некрополя, погребального обряда и мемориальной культуры.

Часть этих материалов введена в научный оборот. Так, А.Г. Авдеев опубликовал надгробные надписи из Спасо-Преображенского собора и Знаменской церкви Новоспасского монастыря и сопоставил чтение Миллера с публикацией архимандрита Ювеналия (Воейкова) (1802 г.) (*Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г.* Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Под ред. д.и.н. А.К. Станюковича и д.м.н. В.Н. Звягина. Кострома, 2005. С. 286—292). В сборнике настоящей конференции опубликовано сообщение А.В. Белякова об эпитафиях царевичей Сибирских также из Новоспасского монастыря; эти тексты находятся среди выписок по генеалогии этого рода (Оп. 1. Портфель (далее — П.). 284. Ч. 2).

Тема смерти, погребения и некрополя отражена в трех видах источников, собранных Г.Ф. Миллером.

1. *«Стихи на смерть»*. Образцы мемориальной поэзии встречаются в собрании Г.Ф. Миллера несколько раз. Это — автоэпитафия архиепископа Могилевского Георгия (Конисского) (1717—1795) (Оп. 2. П. 413. Ч. 1. № 30), стихи на голландском языке на смерть Петра I (Оп. 2. П. 414. № 3), стихи на смерть поэта и автора первого московского путеводителя В.Г. Рубана (1742—1795) (Оп. 2. 413. Ч. 1. № 31).
2. *Описания похорон*. Таких описаний в портфелях Г.Ф. Миллера два. Первое — описание погребения царя Ивана Алексеевича 29 января 1696 г. (Оп. 2. П. 731), второе — церемонии при похоронах московского генерал-губернатора князя В.М. Долгорукова-Крымского (1722—1782) (Оп. 1. П. 150. Ч. 2. № 13). Последнее представляет значимый интерес как свидетельство о ритуале похорон высокопоставленных особ во второй половине XVIII в. В этом деле также содержится список с эпитафии князя В.М. Долгорукова-Крымского. Скорее всего, перед нами очередные «стихи на смерть», не отличающиеся высоким художественным уровнем (см. например: «Прославил он себя правдивыми делами, / Москвы начальник был, владел граждан сердцами» (Л. 49)).
3. *Надгробные надписи и описания надгробий*. Это — самая обширная категория источников по некрополистике, встречающаяся в портфелях Г.Ф. Миллера. Они собраны, в основном, в портфеле 413, Ч. 1 (Оп. 2). Здесь находятся 13 списков эпитафий из Архангельского и Успенского соборов, Вознесенского, Новоспасского и Чудова монастырей, с отдельных гробниц (патриар-

ха Никона, царя Федора Алексеевича, царевны Софьи, князя Б.И. Куракина). Здесь же собраны списки с других памятников эпиграфики, не мемориальных — надписи на Царском месте в Успенском соборе, на Московском Кремлевском дворце, Новом гостином дворе, Печатном дворе, Сухаревой башне и т.д. Всего таких записей — 14.

Г.Ф. Миллер не просто собирал тексты эпитафий, но сопоставляя их между собой, проводил определенную источниковедческую работу. Так, после списка великих князей, погребенных в Архангельском соборе им выделены: «Некоторые сумнения в надгробных надписях соборной церкви Михаила Архангела» (Оп. 2. П. 413. № 19. Л. 16).

Памятники эпиграфики встречаются также в портфеле 184, Ч. 2 (Оп. 1), содержащем материалы по церковной истории. Это две поздних надписи, якобы датируемые домонгольским периодом: надпись о заложении церкви Св. Георгия в Юрьевом монастыре в 971 г. (№ 2) и надгробная надпись великой княгини Феодосии, «супружницы» великого князя Ярослава Всеволодовича, скончавшейся 4 мая 1241 г. в Великом Новгороде (№ 4).

Большой интерес представляет описание надгробия В.Н. Татищева (Оп. 1. П. 284. Ч. 3. Д. 42. Л. 1). Это — чертеж надгробия-саркофага с крестом на крышке и надписями на головном торце и двух боковых сторонах. Эпитафия в основном совпадает с текстом, опубликованным в «Провинциальном некрополе» (*Шереметевский В.В.* Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 844), и только обращение к подлинному памятнику может разрешить противоречия в текстах. Это касается, например, даты рождения В.Н. Татищева: у Миллера она показана правильно, 19 апреля, в «Провинциальном некрополе» — ошибочно, 16 апреля, о чем там же содержится специальная оговорка. Как известно, могила и надгробие В.Н. Татищева сохранились на Рождественском погосте (ныне — Солнечногорский район Московской области), но памятник находится в плохом состоянии. Возможно, при будущих реставрационных работах описание из портфелей Миллера будет востребовано.

Н.М. Карамзин высказывал сожаление о том, что «на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена...» (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 27). Г.Ф. Миллер и его младший современник Н.И. Новиков, публиковавший в «Древней Российской Вивлиофике» эпитафии из московских монастырей оказались более дальновидны. Они еще в XVIII в. оценили значение эпиграфики как исторического источника. Как известно,

Миллер помогал Новикову в публикации исторических документов. Не вполне ясно, содействовал ли он также публикации Новиковым текстов надгробных надписей. В любом случае, оба ревнителя отечественных древностей интересовались некрополем, источниками по его истории и сохранением памяти об умерших.

Энговатова А.В., Васильева Е.Е., Цветкова Н.Н.

Исследование захоронения архимандрита Кирилла (Флоринского) в Троице-Сергиевой лавре († 9 (20) января 1744 г.)

В 2009 году в ходе работ по укреплению основания Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры сотрудниками Подмосковной экспедиции Института археологии РАН были найдены останки 65-го ее настоятеля, основателя Троицкой семинарии — архимандрита Кирилла (Флоринского). Согласно письменным источникам (Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. Нижний Новгород, 2012. С. 48), захоронение архимандрита Кирилла располагалось к юго-западу от крыльца, в бывшей паперти Успенского собора.

Архимандрит Кирилл (Флоринский) родился в начале XVIII столетия в г. Харькове. Обучался в Харьковском коллегиуме, затем в «немецких странах». По возвращении из-за границы в Харьков постригся в монашество. В июле 1741 года он был назначен ректором Славяно-греко-латинской академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря. В сентябре 1742 года был переведён в Троице-Сергиеву Лавру, где 1 октября того же года открыл Троицкую семинарию. Его трудами была учреждена семинарская библиотека, под которую специально выделили две палаты под Царскими чертогами и три палаты в крепостной стене монастыря. Архимандрит Кирилл активно участвовал в издании нового славянского перевода Библии. Скончался архимандрит Кирилл 9 (20) января 1744 года и был похоронен на престижном участке монастырского некрополя, в паперти Успенского собора. После разборки притвора в 1781 году его могила на долгие годы была забыта.

Для идентификации останков важны обнаруженные детали. Погребение в деревянном истлевшем гробу начало фиксироваться в

виде прямоугольного пятна древесного тлена. Гроб был обтянут тканью с металлизированной нитью белого цвета с незначительным зеленым окислом.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой к западу, руки сложены на груди, согласно христианскому канону.

На костях погребенного был зафиксирован тлен органического материала с присутствием в некоторых местах металлизированных нитей, от одеяния. В верхней части костяка располагался тлен со светло-желтой металлизированной нитью в виде двух полос шириной по 1 см, образовывающих два прямоугольника на правой и левой стороне костяка и сзади обхватывающих шею, расстояние между полосами — 3 см. Такая орнаментация и характер расположения соответствуют епитрахили, которую одевают священники.

В районе головы также встречено пятно тлена с металлизированной нитью и множеством жемчужных бусин. В этом пятне найдены три образка из медного сплава с рельефными изображениями апостола Павла, святителя Николая, апостола Петра и три крупные овальные бусины темно-зеленого стекла с поперечным мелким рифлением. Расположение находок позволяет интерпретировать пятно тлена как остатки митры.

Была проведена детальная реставрация обнаруженного текстиля (реставраторы О. В. Орфинская, Н. Н. Цветкова). Головной убор имел бархатную поверхность, которую опоясывала металлическая позолоченная полоса шириной 4 см. По краям этой полосы проходят ряды из выпуклых мелких кружочков. Металлические полосы шириной 2.5 см, изготовленные из более тонкого листа металла, вероятно, крепились вертикально. К ним пришивались дополнительные декоративные элементы. Между вертикальными полосами, или на них, располагались иконки. Основной бархатный фон был расшит бусинами из перламутра и стекла. Вся конструкция имела войлочную основу, которая в верхней части была усилена дополнительным слоем грубого войлока. Вероятно, изделие имело подкладку. Облачение (вероятно, саккос), было сшито из шелковой двухцветной ткани с оплечьем, вышитым золотными нитями. В погребении, вероятно, находилась епитрахиль, сшитая из тонкой одноцветной шелковой ткани с мелким объемным рисунком, обшитая по краю золотной тесьмой и шнуром. На изделие были пришиты детали из ткани сине/зеленого цвета. Епитрахиль имела подкладку.

Пальцы правой руки погребенного лежали на деревянном восьмиконечном кресте с металлическим (с позолотой) рельефным изо-

бражением распятого Иисуса Христа и с такими же металлическими тонкими обкладками по всем граням креста.

Обнаружен также четырехконечный наперсный крест меньшего размера из медного сплава. Крест шарнирно подвешен к прямоугольной подвеске из медного сплава, которая крепится к цепочке из желтого металла.

Совокупность индивидуальных находок позволяет однозначно интерпретировать обнаруженное захоронение как погребение священнослужителя в сане архимандрита. Единственным человеком из погребенных в этом сане к югу от западного крыльца Успенского собора, судя по результатам архивных изысканий, является архимандрит Кирилл (Флоринский).

В результате антропологических и судебно-медицинских исследований установлено, что возраст погребенного — около 40 лет, что соотносится с архивными данными о возрасте, в котором умер архимандрит.

После проведения исследований останки архимандрита Кирилла были уложены в новый гроб и погребены в месте их обретения. В 2013 году над могилой был установлен крест.

Юркин И.Н.

«Кто может подземное богатство познать…» (сведения Н.Н. Демидова о рудах Тульского железорудного поля и локализация рудодобычи под Тулой в Раннее Новое время)

В последние годы возрос интерес к археологическому изучению полосы Засечной черты XVI—XVII вв. Помимо остатков оборонительных сооружений на ее и прилегающих территориях обнаружены артефакты, имеющие другое происхождение и другую датировку. Важное место среди них занимают находки, связанные с известной по документальным источникам добычей в этих местах (в частности в Малиновой засеке) железной руды и перерабатывавшей ее крестьянской железоделательной промышленностью. Хотя упоминания о ней в документах нередки, характер, а также степень сохранности и изученности письменных источников локализовать места добычи и переработки руды исключительно по ним в настоящее время не позволяют.

Нами был выявлен документ, содержащий сведения, которые можно использованы для определения мест, где на момент его создания велась добыча железной руды. В конце 1720-х гг. возник затянувшийся надолго конфликт между тульскими оружейниками и Н.Н. Демидовым, от имени Берг-коллегии, позже Коммерц-коллегии, собиравшим налог с местных производителей железа, с оружейников в том числе. Конфликт перерос в личное противостояние Демидова и возглавлявшего Тульскую оружейную контору капитана М. Половинкина (Юркин И.Н. Демидовы: Столетие побед. М. 2012. С. 176—179). По ходу борьбы Половинкин предложил закрыть все металлургические производства в Туле и вокруг, поскольку они уничтожали лес, нужный для оружейного производства. Демидов занял предсказуемо противоположную позицию и в доношении в контору Коммерц-коллегии от 14 июля 1733 г. стал оппонента опровергать. Приводим часть этого документа, содержащую подробности, касающиеся руд района прилегавших к Туле засек:

«Кто может подземное богатство познать, и понеже около Тулы руд имеется многое число, и лежат руды на засецкой и во многих помещиковых землях прозванием дватцати трех руд, а имянно, званием первая — *медведь*, вторая *овсяник*, третья *смольян*, четвертая *стрекалов*, пятая *ивашкин*, шестая *шерап*, седьмая *костомар алешенскои*, осмая *костомар акунинскои*, девятая *ретин*, десятая *пирогов*, первая на десять *леской*, вторая на десять *фроловка*, третья на десять *дегатна*, четвертая на десять *батурка*, пятая на десять *любогощ*, шестая на десять *ослон*, седмая на десять *кочан*, осмая на десять *батуринскои*, девятая на десять *алень*, двадесятая *никольской*, двадесят первая *саломас*, двадесят вторая *колпна*, двадесят третия *щекин*. И ко оружейному делу из них негодныя дватцать руд, а годныя толко в трех местах, где на то оружейное дело напред сего копались и ныне копают, и то добротою от сибирских руд много отстоят» (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 260—260 об.).

Сведения, сообщаемые в этом тексте, являются на сегодняшний момент для данного района уникальными. Анализ публикуемого отрывка позволяет сделать несколько выводов, в том числе следующие:

- В нем впервые имеем дело с письменно зафиксированным отражением тех опытных знаний, которыми обладали местные рудознатцы и металлурги. Перед нами своего рода выжимка из содержания нескольких страниц физически не существовавшей справочной книги тех, «кто может подземное богатство познать»;

- Тульские рудокопы достаточно тонко классифицировали известный им рудный материал — об этом говорит разнообразие данных ими «прозваний» и тот факт, что не все руды считались «годными». Это согласуется с современными представлениями о характере рудопроявлений данного района. Часть рудных масс в нем имела форму изолированных линз, состав которых друг от друга мог несколько отличаться.
- Если предположить, что на одном руднике добывалась руда одного «прозвания» (одной разновидности), то уместно заключить, что таких рудников, эксплуатировавшихся одновременно или, во всяком случае, существовавших на памяти одного поколения рудокопов, было много — не менее 23. Это свидетельствует об активной разработке в 1730-х гг. прилезающих к засекам руд Тульского железорудного поля;
- Анализ списка показывает, что названия рудам часто давали по местам их добычи, т.е. по положению рудников в привязке к населенным пунктам. Многие названия (*медведь, овсяник, стрекалов, пирогов, саломас, щекин* и другие) находят точные параллели в названиях прилегающих к засекам селений. Составление их с названиями, зафиксированными, например, в Экономических примечаниях к генеральному межеванию, несомненно, поможет локализации рудников. К последним тяготели места переработки руды — предварительной (обжиг) и основной (восстановление в ручных горнах).
- Некоторые рудники действовали длительное время (например, сведения о руднике у д. Соломалосовой доходят до середины 1820-х гг.), что затруднит датировку относящегося к ним археологического материала. Тем не менее, привязка к ним данных 1730-х гг. представляется полезной — она дает хотя бы одну надежную хронологическую веху в их истории.

Список сокращений

АИ — Акты исторические

АКР — Археологическая карта России

ВЦИ — Вестник церковной истории

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГАСО — Государственный архив Смоленской области

ГАЯО — Государственного архива Ярославской области

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМИЛ — Гос. музей истории Ленинграда

ГУГК — Главное управление геодезии и картографии

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения

ИА — Институт археологии РАН

ИА АН РТ — Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИРИ — Институт российской истории РАН

КМИ — Коломенское. Материалы и исследования

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

ОР — Отдел рукописей

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

РА — Российская археология

РАН — Российская академия наук

РГАДА — Российский государственный архив Древних актов

РГБ — Российская государственная библиотека

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет

РГИА — Российский государственный исторический архив

РГТЭУ — Российский государственный торгово-экономический университет

РНБ — Российская национальная библиотека

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

СПбИИ — Санкт-Петербургский институт истории

ТГУ — Национальный исследовательский Томский государственный университет

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы

ЦГА — Центральный государственный архив города Москвы

ЦИАМ — Центральный исторический Архив Москвы

ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

GStA PK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin

Сведения об авторах

Агеева Ольга Гениевна (Москва, ИРИ РАН) ageeva_og@mail.ru

Андрианова Лариса Сергеевна (Вологда, АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей») anlaris@mail.ru

Аурова Надежда Николаевна (Москва, ИРИ РАН) aurova-nn@yandex.ru

Базарова Татьяна Анатольевна (Санкт-Петербург, СПбИИ РАН) tbazarova@yandex.ru

Баранова Светлана Измайловна (Москва, РГГУ) svetlanbaranova@yandex.ru

Барахович Павел Николаевич (Красноярск, «Научно-производственное объединение «Археологические проектирование и изыскания») spqr509@yandex.ru

Беляев Леонид Андреевич (Москва, ИА РАН) labeliaev@bk.ru

Беляков Андрей Васильевич (Москва, ИРИ РАН) feb@ru.ru

Борисов Виктор Евгеньевич (Москва, НИУ ВШЭ) vborisov@hse.ru

Брусенцов Олег Александрович (Подольск, Историко-мемориальный музей-заповедник «Подолье», brusentsoff.oleg@yandex.ru

Буров Владимир Андронович (Москва, ИА РАН) burovvan@rambler.ru

Васильева Елена Евгеньевна (Москва, ИА РАН) veda_lv@mail.ru

Воронцова Мария Александровна (Тула, МБУК Тульский историко-архитектурный музей) mary-v1979@ya.ru

Галухин Леонид Леонидович (Красноярск, ООО «Красноярская Геоархеология») leon_blues@mail.ru

Глазунова Ольга Николаевна (Москва, ИА РАН) olga-glazunova2007@yandex.ru

Глушенко Максим Александрович (Красноярск, ООО «Красноярская Геоархеология»)

Голубинский Алексей Алексеевич (Москва, ИРИ РАН) lexus.gol@gmail.com

Гоняный Михаил Иванович (Москва, ГИМ)

Григорян Светлана Багратовна (Москва, ИА РАН) lana384@yandex.ru

Гусач Ирина Рудольфовна (Азов, Ростовская область, ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник») irina_gusach@mail.ru

Гуслистова Анна Николаевна (Вологда, «НИЦ Древности») annavalentina@mail.ru

Гуськов Андрей Геннадьевич (Москва, ИРИ РАН) 11-01@bk.ru

Дедук Андрей Владимирович (Москва, РГАДА)

Державин Виктор Леонидович (Москва, ИА РАН) derzh@yandex.ru

Ёлкина Ирина Игоревна (Москва, ИА РАН) ira-elkina@yandex.

Захаров Виктор Николаевич (Москва, ИРИ РАН)

Зацаринный Сергей Валерьевич (Тула, Тульский областной краеведческий музей) serge_zatsarinny@mail.ru

Ибнеева Гузель Вазыховна (Казань, Казанский федеральный университет) guzel.ibneyeva@yandex.ru

Иванов Александр Михайлович (Смоленск, ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия», Смоленский филиал) aleks-i-82@yandex.ru

Иоаннисян Олег Михайлович (Санкт-Петербург, ГЭ)

Казаков Глеб Маратович (Германия, Фрайбург-им-Брайсгау, Университет Альберта-Людвига во Фрайбурге)

Кичанов Сергей Евгеньевич (Дубна, Объединенный институт ядерных исследований)

Ковшарь Ирина Григорьевна (Тула, МБУК Тульский историко-архитектурный музей) mary-v1979@ya.ru

Козленко Денис Петрович (Дубна, Объединенный институт ядерных исследований)

Куприянов Александр Иванович (Москва, ИРИ РАН) kuprian@mail.ru

Лазукин Александр Викторович (Москва, ИА РАН) lazukin63@mail.ru

Лысенко Данил Николаевич (Красноярск, ООО «Красноярская Геоархеология»; Томск, ТГУ)

Майер Ингрид (Швеция, Упсала, Упсальский университет) ingrid.maier@moderna.uu.se

Марасинова Елена Нигметовна (Москва, ИРИ РАН, ВШЭ) lenamarassinova@gmail.com

Меньшиков Андрей Иванович (Вологда, МУ ДО Детско-юношеский центр «Единство») amenshikov@yandex.ru

Михайлова Елена Робертовна (Санкт-Петербург, СПбГУ) e.mikhailova@spbu.ru

Плех Олеся Анатольевна (Москва, ИРИ РАН) plekh@mail.ru

Реброва Роксана Викторовна (Санкт-Петербург, ГЭ) rox-rebr@yandex.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна (Москва, ИА РАН) dolmen200@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович (Казань, ИА АН РТ) sitdikov_a@mail.ru

Сляднев Артем Михайлович (Красноярск, ООО «Красноярская Гео-археология»).

Сорокин Петр Егорович (Санкт-Петербург, ГЭ)

Старков Андрей Сергеевич (Казань, ИА АН РТ) 2647425@mail.ru

Тарасова Анна Анатольевна (Москва, ИА РАН) taa-volga@yandex.ru

Топычканов Андрей Владимирович (Москва, МГУ, ИА РАН) topychkanov@gmail.com

Ульянова Галина Николаевна (Москва, ИРИ РАН) galina.ulianova@gmail.com

Хохлов Александр Николаевич (Москва, ИА РАН) anhbalt@mail.ru

Цветкова Наталья Никандровна (Москва, ИА РАН)

Черная Людмила Алексеевна (Москва, НИУ ВШЭ) tchernie@rambler.ru

Черная Мария Петровна (Томск, ТГУ) mariakreml@mail.ru

Чернов Сергей Заремович (Москва, ИА РАН) chernovs@sumail.ru

Шамин Степан Михайлович (Москва, ИРИ РАН) shaminy@yandex.ru

Шамина Ирина Николаевна (Москва, ИРИ РАН) shaminy@yandex.ru

Шапиро Бэлла Львовна (Москва, РГГУ) b.shapiro@mail.ru

Шокарев Сергей Юрьевич (Москва, РГГУ) shokarevs@yandex.ru

Энговатова Ася Викторовна (Москва, ИА РАН). engov@mail.ru

Юркин Игорь Николаевич (Москва, ИИЕТ РАН) g-yurkin@yandex.ru

Янссон Олена (Швеция, Упсала, Упсальский университет) olena.jansson@moderna.uu.se

Содержание

Беляев Л.А. Жизнь и смерть в Российской империи: археология *versus* история 3

Агеева О.Г. Графика празднеств и траурных торжеств русского двора XVIII века 6

Андрианова Л.С., Гуслистова А.Н. К вопросу о формировании городской территории Вологды в XVII—XIX вв. по результатам историко-археологических исследований 8

Аурова Н.Н. Кадетские корпуса XVIII в. как явление культурной жизни России 10

Базарова Т.А. «Провинности» новгородского коменданта Василия Матвеевича Вяземского 12

Баранова С.И. В ожидании археолога: неизвестные дворцы Коломенского XVIII—XIX вв. 15

Барахович П.Н. Денежные сметы и таможенные книги как источник изучения градостроительства Сибири XVII — начала XVIII вв. (на примере Енисейска) 17

Беляев Л.А. Археология, архитектура и литературные источники XVIII—XIX веков: культурно-исторические сюжеты 20

Беляков А.В. Надгробия царевичей / князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера 22

Борисов В.Е. Отношение к людям, умершим неестественной смертью, в XVII—XVIII вв. 25

Брусенцов О.А. Каменоломни у села Ознобишино. К вопросу о датировке 28

Буров В.А. XVIII век на Соловках в зеркале археологических источников 30

Васильева Е.Е., Тарасова А.А. Характеристика качества жизни городского населения по археологическим и антропологическим данным (на примере кладбища при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле) 34

Васильева Е.Е. Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII века 36

Воронцова М.А. Изразцы тульской гончарной слободы в XVIII веке 38

Глазунова О.Н. Изразцы петровской эпохи, произведенные в Ново-Иерусалимской мастерской 40

Голубинский А.А. Точность в изображении города XVIII в. — по материалам Генерального межевания 42

Гоняный М.И., Брусенцов О.А., Дедук А.В. Сальковский археологический комплекс по добыче белого камня 45

Григорян С.Б. Исторический некрополь Новодевичьего монастыря: опыт организации работ в 2017—2018 годах 47

Гусач И.Р. На русско-турецкой границе: керамика и проблемы культурного обмена во второй половине XVII—XVIII вв. 51

Гуськов А.Г. «Крест ковалерский» и «патрет»: материалы к истории наград в России 53

Державин В.Л. Археологические памятники Нового времени на Шпицбергене 55

Ёлкина И.И. Перемены костюма в XVIII в. (по материалам монастырских некрополей) 56

Зацаринный С.В. Тульский кремль в XVIII столетии: динамика городской жизни на территории ветшающей крепости по нумизматическим данным археологических исследований 59

Ибнеева Г.В. Следственные материалы по делам российского местного православного духовенства 1760-х гг. как исторический источник 62

Иванов А.М. Захоронение российских и французских воинов участников Отечественной войны 1812 г. на территории г. Вязьмы и Вяземского уезда Смоленской губернии 65

Иоаннисян О.М., Сорокин П.Е. Формирование Санкт-Петербурга по историческим и археологическим данным 67

Казаков Г.М. Почтмейстер Андрей Андреевич Виниус как информант бранденбургского курфюршеского двора 68

Ковшарь И.Г. Тульский некрополь: белокаменная резьба XVIII века 71

Куприянов А.И. Источники изучения электоральной культуры горожан и дворян (последняя четверть XVIII в.) 73

Лазукин А.В. Некрополь Зачатьевского монастыря: белокаменные надгробия XVIII века 75

Майер И., Янссон О. Памятники русской историографии «made in Sweden»: «Ядро Российской истории» как источник генеалогического древа Рюриковичей 78

Марасинова Е.Н. «Правда воли монаршей» Екатерины II: проблема наследования престола в черновиках императрицы 80

Михайлова Е.Р. Археология петербургских слобод XVIII века: раскопки в Шневенской и Колтовской слободах 83

Плех О.А., Меньшиков А.И. Дела о наследстве как источник по изучению быта провинциального купечества последней четверти XVIII в. 85

Реброва Р.В. Проблемы отбора массовых находок XVIII — нач. XX в музейную коллекцию на примере фонда Санкт-петербургской археологии Государственного Эрмитажа 87

Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П. Нейтронная томография и радиография как метод исследования предметов личного благочестия (на примере креста из Донского монастыря) 90

Ситдиков А.Г., Старков А.С. Собор Казанской иконы Божьей Матери в Казани: историко-археологические исследования 91

Сляднев А.М., Глушенко М.А., Галухин Л.Л., Лысенко Д.Н. Оборонительные сооружения Енисейского острога: письменные источники, археологические данные, дендрохронология 93

Топычканов А.В. Вознесенская площадь села Коломенского в XVIII в. по данным археологических и письменных источников 96

Ульянова Г.Н. Эпитафии, сочиненные московским купцом Петром Васильевичем Медведевым: к вопросу о каноне надгробных надписей конца XVIII — XIX вв. 98

Хохлов А.Н. Тверь XVIII—XIX вв. — город Нового времени по археологическим материалам 101

Черная Л.А. Указы о «древностях» в контексте культурной политики Петра Великого. 101

Чёрная М.П. Историко-культурный облик Тары: археологическая версия 104

Чернов С.З. Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли Аксиньина и Иславского Звенигородского удела) 109

Шамин С.М. Одежда и ткани — «государево жалование» переводчикам Посольского приказа во второй половине XVII в. 110

Шамина И.Н. Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701—1705 гг. 113

Шапиро Б.Л. Кавалерийский кафтан: прототип «дамского мундира» Елизаветы Петровны? 116

Шокарев С.Ю. Материалы по некрополистике в портфелях Г.Ф. Миллера 118

Энговатова А.В., Васильева Е.Е., Цветкова Н.Н. Исследование захоронения архимандрита Кирилла (Флоринского) в Троице-Сергиевой лавре († 9 (20) января 1744 г.) 121

Юркин И.Н. «Кто может подземное богатство познать...» (сведения Н.Н. Демидова о рудах Тульского железорудного поля и локализация рудодобычи под Тулой в Раннее Новое время) 123

Список сокращений 126

Сведения об авторах 128

Научное издание

Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века

Материалы международной научной конференции
Москва, 31 октября – 1 ноября 2018 г.

Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 16.10.2018
Формат 60×90/16. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 9,2.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ООО «Клаб Принт»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 1
Тел.: +7 (495) 669-5009

9 785805 503444